

НИУ «Белгородский государственный университет»

**«Управление развитием приграничных регионов в
хронотопе постсоветского пространства»**

Белгород

2012

УДК 001.83:37:316.346.32-053.6(377)(470.325)

ББК 72.4+74+66.75 (4Укр)(2Рос)

Е 24

Редакционная коллегия

В.П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий

О.В. Быхин

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий

Е.В. Реутов

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий

В.А. Сапрыка

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий

Л.Н. Шмигирилова

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью,
кандидат социологических наук

Шаповалова И.С.

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления персоналом

«Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства»: материалы международного сборника научных трудов/ Под ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – 124 с.

Сборник подготовлен в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства». № 14.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

НИУ «Белгородский государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Бабинцева Е.И.	Роль инноваций в управлении персоналом	5
Боев Е.И.	Актуальные проблемы интеграции науки и образования в еврорегионах на постсоветском пространстве	9
Васильченко Д.Г.	Ресурсное обеспечение сотрудничества приграничных регионов в реализации инвестиционных проектов	13
Войнова Е.А.	Актуальные проблемы профессионального развития муниципальных служащих: социологический аспект	17
Гайдукова Г.Н.	Структурные и товарные особенности внешнеторгового сотрудничества России и Украины	25
Гончаров Л.А., Быхтин О.В.	Управление муниципалитетами в приграничном регионе	30
Дерин М.О., Серкина Я.И.	Проблемы реализации инвестиционных проектов в агропромышленном комплексе приграничного региона	34
Жук Н.П.	Роль приграничного сотрудничества в интеграции постсоветского пространства	39
Каменева Т.Н., Зотов В.В.	О механизмах управления развитием приграничных территорий	43
Каменский Е.Г.	Проблемы идеологием постсоветской интеграции в контексте кризиса национальных идентичностей	51
Кирнос А.Л., Шемякин В.В.	Экономическое сотрудничество в приграничном регионе (на примере еврорегиона «Слобожанщина»)	54
Кожемякин М.В., Шаповалова И.С.,	К вопросу о методах исследования модернизации национальных систем образования в контексте формирования инновационного общества в постсоветских странах	58
Колпина Л.В., Реутов Е.В.,	Проблемы и перспективы развития трансграничных сетевых отношений россиян и украинцев	65
Кочетов М. Н., Сапрыка В.А.	Вопросы социогуманитарное сотрудничество приграничных регионов на постсоветском пространстве	70
Логашенко Ю.А.	Проблемы и перспективы интеграции постсоветского пространства	73
Луговская М.В.	Управление системой корпоративных знаний в вузовской	79

	среде	
Максименко А.А., Шмигирилова Л.Н.	Организационные формы и технологии сотрудничества в сфере молодежной политики государств-участников СНГ	84
Поморцева Е.С.	Интернет-технологии как основа информационно-коммуникационной среды российско-украинского приграничья	89
Реутов Е.В.	Проблема социального доверия в России и Украине	92
Рябенко В.В.	Формирование информационного пространства как механизм сотрудничества Польши, России и Украины	101
Сапрыка В.А, Ткачев Д.С.	Актуальные вопросы внедрения модели интеграции приграничных регионов на постсоветском пространстве	103
Синчина В.	Еврорегион «Слобожанщина» и перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества	106
Тришин С.А	Механизмы реализации законодательства о государственной службе российского казачества в Белгородской области	109
Черномаз П.А.	Эволюция форм трансграничного сотрудничества: учет европейского опыта в украинско-российских отношениях	116
Шаповалова И.С.	Взаимодействие приграничных регионов: сотрудничество или интеграция?	121

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Е.И. Бабинцева, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета

Каждая компания стремится быть успешной на рынке. Она выстраивает своё предназначение, миссию, идеологию. Выбирает свои цели и стратегии, а так же тактические действия, которыми будет руководствоваться. Однако чаще забывает, что часть нашего представления о товаре или фирме строится через образ компании и его персонал. И имидж компании нужно, в первую очередь, поддерживать и в глазах сотрудников: персонал тоже должен иметь информационное взаимодействие с компанией для того, чтобы сотрудники могли разделять корпоративную философию, поддерживать стандарты качества, продукции, услуг и так далее. Также нужно иметь в виду, что сотрудники – это трансляторы информации о компании во внешнюю среду. И то, какую информацию им будет сообщать руководство, во многом определит, что они будут говорить о компании. Конечно, нужно понимать, что если зарплата не платится, но при этом рассылаются победные релизы об успехах, говорить все равно будут о первом. Внутрикорпоративный пиар, по сути - управляемая деятельность по развитию корпоративной культуры организации.

Инновация - нововведение, новшество, которое стало предметом освоения и внедрения. Что представляют собой инновации во внутрикорпоративной работе в настоящий момент?

Прежде всего, это инновационный подход к самому персоналу как таковому. Персонал перестали видеть как серую массу, в каждом сотруднике видят индивидуальность. Такого подхода требует рынок. Нельзя сказать, что кадровые службы всех предприятий уже смогли перестроиться и работают в этом ключе, но явные сдвиги в этом направлении наблюдаются¹.

Видение каждого сотрудника как индивидуальности дает толчок таким направлениям в работе внутрикорпоративного пиарщика, как разработка эффективной системы аттестации персонала, разработка системы мотивации работников, управление деловой карьерой сотрудника и др.

Но главное заключается в создании особой инновационной атмосферы

¹ Овчинникова Т.Н. Новая парадигма управления персоналом в условиях переходной экономики // Управление персоналом. 2008. №7. С. 34-39.

в компании. Об этом много говорят зарубежные специалисты в области управления, а сейчас к осознанию этой проблемы пришли и российские управленцы.

Рассматривая инновацию в управлении персоналом, можно сделать вывод о том, что она обладает особенностями, присущими всякому нововведению вообще. Во-первых, изменения в системе управления персоналом нацелены на решение определенных проблем в соответствии со стратегией развития организации. Во-вторых, невозможно заранее определить точный результат, к которому они могут привести. В-третьих, изменения в системе управления персоналом могут вызвать конфликтные ситуации, связанные с сопротивлением работников, неприятием ими нововведений. И, наконец, изменения в системе управления персоналом дают мультипликационный эффект, т.е. вызывают ответные изменения в остальных подсистемах организации, благодаря тому, что они касаются главной оставляющей организации – ее сотрудников¹.

Таким образом, система управления персоналом в процессе своего развития проходит все стадии, составляющие инновационный процесс. И, хотя не существует унифицированных форм построения системы управления персоналом, и каждая система в отдельно взятой организации уникальна, можно выделить общие стадии и особенности инновации в системе управления персоналом.

«Укрупненно выделяют три фактора, оказывающих воздействие на людей в организации:

1. Иерархическая структура организации, где основное средство воздействия – отношения власти-подчинения, давление на человека сверху с помощью принуждения, контроля над распределением благ.

2. Культура, т.е. вырабатываемые обществом, организацией, группой людей совместные ценности, установки, которые регламентируют действия личности.

3. Рынок, сеть равноправных отношений, основанных на купле-продаже продукции и услуг, отношениях собственности, равновесии интересов продавца и покупателя»².

Стратегия управления персоналом чаще всего формируется, исходя из следующих принципов:

Прибыльность – инвестиции только в рентабельные мероприятия. Из этого вытекает преобладание в управлении персоналом таких направлений, как повышение эффективности использования персонала (оптимизация нагрузки и численности через нормирование и научную организацию труда); налаживание жесткого контроля за связью

¹ Бычин В.Б. Персонал в управлении нововведениями в организации. М., 2008.

² Одегов Ю.Г. Управление персоналом. М., 2007. С.24.

оплаты и результатами труда через разработку систем оплаты; создание технологий отбора, жестких по условиям найма; приоритет в локальном развитии компетенции через систему обучения, переобучения, повышения квалификации; высвобождение излишнего персонала по результатам оценки (через аттестацию).

Динамический рост – центральными в управлении персоналом становятся вопросы развития и трудовых перемещений; формирование гибких, проблемно-ориентированных работников; жесткий отбор лояльных предприятию людей и их максимально быстрое включение в процесс труда через систему адаптации, сплочение коллектива.

Что касается внедрения нововведений в системе управления персоналом, то в данном процессе выделяют восемь этапов:

- диагностика ситуации, внесение корректив в действующие и проектируемые персонал-технологии;
- согласование и подготовка к утверждению общего пакета документов, регламентирующих работу в рамках данного нововведения;
- подготовка и проведение совещания руководящего состава для рассмотрения целей и задач, связанных с внедрением нововведения;
- утверждение пакета документов, регламентирующих работу системы управления персоналом в организации;
- обучение руководящего состава;
- информирование персонала о целях и содержании предстоящих преобразований;
- создание организационной структуры, ответственной за реализацию нововведения;
- собственно внедрение нововведения в системе управления персоналом.

Методы внедрения нововведений в системе управления персоналом на большинстве предприятий заключаются в полной поддержке внедряемых изменений высшим руководством предприятия, т.к. именно оно (высшее руководство) является инициатором данных изменений¹.

В результате изменений в системе управления персоналом работа с персоналом на предприятии строится в большей мере на научно-обоснованных принципах. Однако нововведения в системе управления персоналом в большей степени вводятся директивно, что не может не вызвать определенных последствий. По оценке руководителя службы управления персоналом, внедрение нововведений в системе управления персоналом сопровождается следующими трудностями:

¹ Герчикова И.Н. Менеджмент: учебник. М., 2006.

1. Непонимание высшим руководством необходимости внедрения того или иного нововведения, и, как следствие, необходимость объяснения причин изменений в системе управления персоналом.

2. Взаимоотношения с линейными менеджерами. Непринятие ими изменений в организационной структуре предприятия, обращение к высшему руководству по вопросам, которые необходимо решать совместно со службой управления персоналом, попытки действовать «за спиной» у службы управления персоналом.

3. Статус службы управления персоналом вообще и ее руководителя в частности среди других подразделений предприятия и их руководителей.

4. Адаптация сотрудников службы управления персоналом к происходящим изменениям. Консерватизм в работе, недостаток знаний и опыта.

5. Невозможно или очень трудно оценить эффективность нововведений в системе управления персоналом.

Итак, сделаем некоторые выводы. Основными рычагами изменениями в системе управления персоналом является формирование единого отдела, занимающегося работой с персоналом, и внедрение в работу с персоналом таких технологий, как отбор персонала, адаптация персонала, оценка персонала и трудовые перемещения персонала, отсутствовавшие в существовавшей системе управления персоналом предприятия.

Изменения в системе управления персоналом, прежде всего, нацелены на улучшение работы в области управления персоналом и на повышение эффективности работы персонала предприятия.

Внедрение нововведений в системе управления персоналом предприятия проходит все стадии инновационного процесса. Потребность в изменениях системы управления персоналом создается под действием внешних факторов (развитие практического применения последних разработок в области управления персоналом и управления качеством) и изменений в финансовой подсистеме организации.

Разработка нововведений в системе управления персоналом осуществляется на основе проведенного исследования существующей системы управления персоналом, выявления ее недостатков и возможностей, а также с учетом требований последних тенденций в области управления персоналом и специфики развития предприятия.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОРЕГИОНАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.И. Боев, канд. соц. наук, доцент кафедры философии и социологии, ЮЗГУ, г. Курск

Еврорегион как форма приграничного сотрудничества позволяет использовать уже наработанный опыт трансграничного взаимодействия и сделать попытку объединить интеллектуальные ресурсы соседей для оптимального сочетания их конкурентных преимуществ, т.е. еврорегион – это своеобразный проект, в рамках которого реализуются международные инициативы¹.

Российской Федерации выгодно сотрудничать с государствами стран СНГ на уровне регионов. В данной работе рассматривается межрегиональное сотрудничество в постсоветском пространстве на примере России и Украины.

Тесная взаимосвязь России и Украины обосновывается как их геополитическим положением, так и общей историей, повлекшей за собой тесное переплетение социально-культурных, этнических, языковых, экономических, а также множества других связей.

Как показывают результаты социологического исследования, проведенного в августе 2012 года среди населения приграничных районов Курской области, состояние межгосударственных отношений Украины и России 40% россиян назвали несколько хорошими, настолько и плохими. Треть жителей страны (32%) считает эти отношения в целом хорошие, добрососедские. Напряженными и плохими отношения между двумя странами называет каждый четвертый опрошенный (24%). Практически половина россиян воспринимают Украину как братскую (25%) или дружественную (26%) страну, а 17% опрошенных воспринимает ее как стратегического партнера России. Каждый пятый житель России (22%) видит в Украине просто соседа и партнера.

К настоящему времени накоплена достаточная правовая база научно-технического сотрудничества между странами. Она включает десятки межгосударственных, межправительственных, межведомственных соглашений, в т. ч. межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве от 27.08.1996 г.².

Информационная сфера, культура, наука, образование и экономика являются приоритетными направлениями сотрудничества Украины и России. Одной из

¹ Гражданкин А.С. Еврорегионы и их роль в интеграционных процессах // Псковский регионологический журнал. №12. 2011. С.10-15.

² Постановление Правительства РФ от 13.08.1996 №969 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о научно-техническом сотрудничестве» [Официальный текст] // СПС «Консультант Плюс».

перспективных форм российско-украинского приграничного сотрудничества является создание еврорегионов.

Наиболее перспективными сферами для сотрудничества Украины и России, по мнению россиян, являются программы и проекты социального назначения (62%), экономическое сотрудничество (42%), сохранение культурно-исторического наследия (37%), экология и охрана окружающей среды (34%), развитие транспортных возможностей области (32%), научное сотрудничество и образование (29%) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие сферы украинно-российского сотрудничества, на Ваш взгляд, являются самыми перспективными?» (возможны несколько вариантов ответа)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Кол-во ответивших, %</i>
Программы и проекты социального назначения	62
Экономическое сотрудничество	42
Сохранение культурно-исторического наследия	37
Экология и охраны окружающей среды	34
Развитие транспортных возможностей областей	32
Научное сотрудничество и образование	29
Развитие туризма	22
Инновационное сотрудничество	15
Военное сотрудничество и безопасность	10
Создание политического альянса	10
Повышение благосостояния населения	52
Другое _____	5
Затрудняюсь ответить	5

Курский регион на протяжении многих лет плодотворно сотрудничает с Сумским, началом нового этапа взаимоотношений этих регионов послужило подписание 24 апреля 2007 года в г. Курске «Соглашения о создании еврорегиона «Ярославна» на территории Курской и Сумской областей».

Многолетний опыт сотрудничества Курской и Сумской областей показал, что прямые связи российских и украинских регионов позволяют шире и полнее учитывать интересы и возможности хозяйствующих субъектов приграничных районов, развивать

взаимовыгодные прямые, кооперационные связи и другие формы партнерства, что, в конечном счете, позволяет решать большой круг конкретных вопросов в торгово-экономической и социальной областях. В рамках Еврорегиона «Ярославна» активно взаимодействуют муниципальные образования. На сегодняшний день подписано 14 протоколов об установлении побратимских связей с городами и районами Сумской области, развивается сотрудничество в сфере образования, культуры, спорта, молодежной политики.

Курская и Сумская области сотрудничают в рамках двух проектов в сфере образования и молодежной политики: «Развитие информационно-коммуникационной компетентности специалистов в целях обеспечения их конкурентоспособности на региональном рынке труда» и «Анализ ситуации в молодежной среде с целью разработки социальных программ». Преподаватели и студенты наших вузов регулярно проводят международные научно-практические конференции и форумы по актуальным проблемам приграничья.

В сфере образования и науки в 2011 г. был проведен ряд совместных мероприятий ВУЗами Курской и Сумской областей¹: в апреле 2011 г. в КГМУ проведена Международная научно-практическая конференция «Личностно-компетентный подход к повышению качества профессиональной подготовки иностранных учащихся» с участием преподавателей Сумского государственного университета; в первом полугодии в КГСХА состоялась Международная научно-практическая конференция «Наука и инновации и в сельском хозяйстве, в которой наряду с СНАУ приняли участие студенты и преподаватели Сумского филиала Харьковского НУВД.

Юго-Западным университетом г. Курска и Сумским государственным университетом совместно проведены в I полугодии 2011 года следующие мероприятия: Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Математика и ее приложения в современной науке и практике» и III Международная научно-методическая конференция «Современные проблемы высшего профессионального образования». В сентябре 2011 г. в г. Сумы студенты ЮЗГУ приняли участие в фестивале «Слобожанская осень».

В октябре 2011 г. в рамках региональной площадки Всероссийского Фестиваля науки посредством интернет-телемоста проведено совместное заседание международного круглого стола «Международное сотрудничество молодых ученых в рамках Еврорегиона

¹ Официальный сайт Администрации Курской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://администрация. Курская область. РФ>

«Ярославна», участниками которого стали студенты и преподаватели ЮЗГУ и Сумского государственного университета.

Курский государственный университет (КГУ) и Сумской государственный педагогический университет продолжили совместную реализацию проекта «Развитие информационно-коммуникационной компетентности специалистов в целях обеспечения их конкурентоспособности на региональном рынке труда. В сентябре 2011 г. в КГУ состоялась международная конференция «Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура» с участием представителей Сумского государственного университета.

В соответствии с договором о сотрудничестве развиваются взаимоотношения филиала ВЗФЭИ в г. Курске и Украинской академии банковского дела Национального банка Украины в г. Сумы. В ходе сотрудничества реализуется научно-исследовательский проект – программа трансграничного сотрудничества «Комплексное исследование экономического потенциала пограничных областей России и Украины в условиях вступления России во Всемирную торговую организацию» в рамках Еврорегиона «Ярославна».

Следует отметить, что создание еврорегиона «Ярославна» на территории Курской и Сумской областей позволило в значительной степени активизировать приграничное сотрудничество данных регионов, создало предпосылки для создания единого социально-экономического и научно-образовательного пространства еврорегиона «Ярославна».

На мой взгляд, для эффективного развития процессов интеграции науки и образования в рамках приграничного сотрудничества России и Украины, необходимо проведение следующего комплекса мероприятий:

1. Расширение практики совместного участия вузов государств в конкурсах на получение грантов и заказов на исследования и разработки, в издательской деятельности, присуждении совместных стипендий, международных программах и проектах; организация двусторонних стажировок, программ повышения научной квалификации. Это позволит сформировать среду, благоприятную для любых интеграционных инициатив в научно-образовательном сообществе.

2. Создание инновационных консорциумов, объединяющих приграничные вузы, научные организации, предприятия, с последующим формированием на этой основе устойчивых научно-образовательных инновационных кластеров. Необходимо проводить большую организационную работу по выработке принципов, основ и механизмов кластеризации научно-образовательного пространства с целью организации научно-исследовательских сетей для работы над совместными инновационными проектами. Такая

кластеризация позволяет эффективнее использовать материальные и кадровые ресурсы, обеспечивает более быструю и гибкую адаптацию научного и образовательного потенциала государств к условиям рынка, что позволит осуществить реализацию крупных научно-технических проектов и программ.

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Д.Г. Васильченко, кандидат экономических наук, методист деканата дополнительного и послевузовского профессионального образования Воронежского института экономики и социального управления

Геополитические изменения 90-х гг. XX в., в ходе которых образовались новые национально-государственные образования, в значительной степени изменили положение регионов России, вследствие чего увеличилась численность приграничных территориальных образований. В настоящее время 39 из 83 субъектов РФ являются приграничными; в них проживает около трети населения страны. Большинство как старых, так и новых приграничных территорий стремится к налаживанию прямых экономических, торговых, культурных связей с соседними государствами и их административно-территориальными образованиями. Одним из приоритетных направлений приграничного сотрудничества в рамках решения задачи развития и укрепления хозяйственных, культурных и гуманитарных связей между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельных государствами в настоящее время выступает разработка и реализация инвестиционных проектов.

Инвестиционные возможности приграничных регионов во многом зависят от их наличных ресурсов. Рассмотрим ресурсное обеспечение приграничного сотрудничества в сфере инвестиционной деятельности на примере приграничных территорий в рамках Содружества Независимых Государств. Прежде всего, необходимо определиться с понятием «ресурсы приграничного региона (территории)», а также с критериями их классификации. Под ресурсами приграничного региона, детерминирующими его инвестиционные возможности и инвестиционную привлекательность для соседних регионов или административно-территориальных образований, понимается совокупность факторов данной территории, которые могут быть использованы для проведения целенаправленных действий по повышению его инвестиционной привлекательности для соседних регионов или административно-территориальных образований, улучшению инвестиционного климата, достижению желаемых результатов в рамках приграничного

экономического сотрудничества. Все ресурсы можно подразделить на материальные и нематериальные. К материальным относятся: географические, демографические, экономические.

Географические ресурсы. СНГ является самым крупным межгосударственным объединением в мире, занимая территорию чуть больше 21 млн. кв. км. В СНГ сохранены все транспортные (в том числе и межгосударственные) коммуникации, а это 1341,9 тыс. кв. км – автомобильных дорог и 3712,19 тыс. кв. км – железнодорожных путей сообщения¹. От транспортной инфраструктуры стран СНГ по-прежнему в значительной степени зависят транзитные коридоры в Евразии.

Демографические ресурсы. Население СССР к моменту его распада составляло 289 млн. человек, из них 150 млн. приходилось на РСФСР. Сейчас на территории СНГ проживает около 270 млн. человек. В 1990-е годы многие страны СНГ пережили ситуацию, которую демографы называют «черный крест»: увеличение смертности при сокращении рождаемости. В настоящее время в странах СНГ проживают около 25 млн. русских. Примерно 8 млн. покинули Россию, уехав на постоянное проживание за рубеж. На территории России живет около 3–4 млн. нелегальных мигрантов (в большинстве своем из Казахстана, Узбекистана, Киргизии)².

Экономические ресурсы. Большинство государств СНГ в экономическом плане не могут существовать изолированно: специализация, участие в международном разделении труда и, следовательно, торговля с другими государствами – единственный путь для них к экономическому благополучию. К тому же СНГ обладает самыми большими в мире запасами минеральных и энергетических ресурсов. По мнению В.А. Иваненко, инвестиционные возможности приграничных регионов во многом зависят от уровня развития стран, с которыми они имеют общие границы. Если соседом является более развитая в социально-экономическом отношении страна, то движущей силой приграничного сотрудничества являются различия в уровне и соотношении цен на товары потребительского и производственного назначения в соседних странах. Особенностью традиционной модели сотрудничества является то, что доходы от приграничной торговли расплывлены между множеством индивидуальных торговцев-челноков, мелких и средних частных и государственных фирм, что не позволяет реализовывать крупные

¹ Что нужно знать о народах России. Справочник государственных служащих / Отв. ред. В.А. Михайлов. М.: Центр «Скрипторий», 2004. С. 64–68.

² Троицкий В.А. Формы экономической интеграции государств – участников СНГ. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 136.

инвестиционные проекты без поддержки из бюджетов стран и административных районов¹.

Результаты экспертного опроса представителей научной общественности, государственных и муниципальных служащих, предпринимателей (N=26), проведенного в рамках исследования «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства» в Белгородской области, показали, что отличительными чертами развития приграничных регионов по отношению к другим территориям государств являются: развитие трансграничного сотрудничества (100% опрошенных), большая внешняя открытость (57,69%), интенсивные миграционные процессы (26,92%). Наиболее перспективными направлениями интеграции являются экономическое сотрудничество и сохранение культурно-исторического наследия (по 100% респондентов), а также научное сотрудничество и сотрудничество в сфере образования (53,84%).

Экономическое сотрудничество как наиболее перспективное направление интеграции на постсоветском пространстве способствует повышению инвестиционной привлекательности приграничных регионов, что выражается, согласно данным опроса экспертов, в разработке и реализации совместных инвестиционных проектов (100%), минимизации таможенных барьеров (76,92%), минимизации инвестиционных рисков (15,38%). При этом перспективы успеха инвестиционных проектов в приграничных регионах определяются, прежде всего, такими факторами, как политическая стабильность (92,30%), политическая воля руководства (76,92%), а также профессиональный менеджмент (38,46%); негативное влияние оказывают - несовершенная нормативно-правовая база (100%), коррупция (100%), политическая нестабильность (76,92%), отсутствие традиций (38,46%).

К числу факторов, детерминирующих сотрудничество приграничных регионов на территории СНГ в сфере инвестиционной деятельности, относятся и нематериальные ресурсы.

Нематериальные ресурсы включают в себя: политические, социальные, репутационные, информационные, административные, культурные, научные, научно-технические и образовательные. Интеграция на постсоветском пространстве принципиально отличается от интеграции в Европе в очень важном аспекте. Если европейская интеграция не имела до образования Европейского союза никакой модели в прошлом (подобного объединения в истории не существовало), то постсоветская – имеет такую модель, в которой степень интеграции была чрезвычайно высокой, что само по себе

¹ Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных регионах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. С. 124.

является важнейшим нематериальным ресурсом. Особое значение в настоящее время, на наш взгляд, приобретают административные и информационные ресурсы.

Административные ресурсы. На стабильность инвестиционного климата приграничных территорий влияет способность органов государственной власти мирным путем решать приграничные споры. Использование административного ресурса для привлечения инвестиций предполагает не только регулирование экономических отношений, связанных с движением капитала, но и, в ряде случаев, использование политических методов решения проблем, связанных с реализацией инвестиционных проектов. Весьма актуальным для приграничных регионов является вопрос согласования позиции региона и федерального центра по поводу таможенного регулирования.

Административный аспект привлечения инвестиций тесно связан с *информационным обеспечением* деятельности инвесторов как в сфере создания и поддержания благоприятного инвестиционного климата в целом, так и в контексте информационного сопровождения конкретных проектов. Первое направление подразумевает формирование информационной открытости территории и, прежде всего, прозрачности бюджетного процесса, ясности в источниках получения доходов и направлений расходования средств.

Второе направление касается обеспечения инвесторов информацией, необходимой для реализации отдельных проектов. Так, осуществление капиталовложений на территории приграничных регионов в рамках постсоветского пространства может потребовать следующих сведений:

- федеральные, территориальные и отраслевые сметные нормы стоимости и строительных расходов;
- сведения о территориях, пригодных для размещения предприятий;
- информация об источниках ресурсов и др.¹

Сотрудничество приграничных регионов в сфере *культуры и образования* также создает благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов в данной области. В течение последнего столетия русская наука и культура служила для всех наций и национальностей СССР реальным проводником мирового социального опыта и научно-технических достижений. Практика наглядно свидетельствовала: синтез культурных начал способен многократно усилить культуру каждого народа. В апреле 2006 г. первый форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ выработал рекомендации по сохранению и расширению гуманитарного сотрудничества.

¹ Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных регионах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. С. 126.

Регулярными становятся конференции министров образования стран СНГ. Активно обсуждается проблема создания единого интеллектуально-информационного пространства. Речь идет о необходимости создания (или частичного восстановления) механизмов синхронизации интеллектуальных разработок и перехода на единый стандарт цифрового вещания. Государственные структуры сегодня более активно инициируют процесс свободного приобщения граждан к ценностям национальных культур.

Таким образом, потенциал экономического сотрудничества приграничных регионов в рамках СНГ весьма значителен. Наличие объективных факторов как материального, так и нематериального характера создает благоприятные предпосылки для развития разнообразных форм сотрудничества, в том числе в сфере реализации инвестиционных проектов. Кроме того, реализация совместных инвестиционных проектов в рамках приграничного сотрудничества может стать реальным механизмом экономической и политической интеграции, повышения качества жизни населения приграничных регионов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Е.А. Войнова, главный специалист, помощник заместителя главы администрации –
руководителя аппарата администрации городского округа «Город Белгород»,
магистрант Института государственного и муниципального управления
Белгородского государственного национального исследовательского университета**

Повышение роли местного самоуправления в российском обществе, необходимость решения им круга задач местного значения, связанных с жизнедеятельностью и жизнеобеспечением населения, актуализировали проблему профессионализма муниципальных служащих как одного из значимых факторов эффективности муниципального управления. И хотя полномочия и функции органов местного самоуправления и муниципальных служащих в значительной мере зависят от типа муниципального образования, приближенность к населению «местной власти» требует разработки унифицированных критериев оценки и развития профессионализма этой социальной группы.

Достижение муниципальным служащим высокого уровня профессионализма основывается на приобретении им необходимого объема знаний и овладении умениями и навыками управленческой деятельности. Профессиональная компетентность муниципального служащего – это способность эффективно осуществлять муниципальную

деятельность и решать профессиональные проблемы и задачи на основе накопленных знаний, умений, профессионального и жизненного опыта.

Поэтому, однозначно можно сказать, что необходимым условием формирования качественного кадрового состава муниципальной службы должна являться система профессионального развития муниципальных служащих¹.

Профессиональное развитие служащих складывается из двух аспектов – профессионально-квалификационного развития, которое связано, прежде всего, с обучением и самообразованием кадров (повышение компетентности), и профессионально-должностного развития, которое, в свою очередь, связано, в основном, с решением задач служебно-карьерного роста, рациональным использованием способностей каждого работника (изменение компетенции).

В контексте компетентностного подхода социальные технологии профессионального развития являются своеобразным механизмом соединения знаний с условиями их реализации в управлении, а эффективность действия данного механизма определяется его ценностным содержанием.

Переход на эффективные управленческие технологии в связи с реформированием системы общественного управления и самоуправления потребовал от муниципальных служащих новых знаний и навыков².

В городском округе «Город Белгород» по состоянию на 1 января 2012 года общее количество муниципальных служащих составляет 603 человека. В возрастном отношении преобладают служащие молодого и среднего возраста:

до 30 лет – 25,5%;

от 31 до 40 лет – 31,1%;

от 41 до 50 лет 24 %;

свыше 50 лет – 19,4 %³.

Сегодня на муниципальной службе молодые кадры в возрасте до 30 лет занимают, в основном, группы младших и старших должностей. Подобное распределение изначально заложено законодательством о муниципальной службе, где для замещения муниципальной должности более высокого уровня требуется и определенный уровень образования, и стаж работы, а значит и более зрелый возраст. На наш взгляд, это несоответствие, накладываясь на недостаточно оперативную работу на местах по

¹ Акофф Р. Акофф о менеджменте: Пер. с англ. / Под ред. Л.А. Волковой и др. Питер, 2002.

² Богатырева И.В. О некоторых аспектах кадрового обеспечения муниципальной службы региона: социологический анализ // Научные ведомости БелГУ: Серия Философия, социология, право. – 2009. – № 2 (57). С. 89-96.

³ Региональная кадровая политика в цифрах и фактах, Белгород, 2012 / <http://www.belregion.ru/department/part380/links460/>.

привлечению на муниципальную службу молодежи, препятствует реализации установки Президента РФ о необходимости омоложения управленческих кадров¹.

Анализ образовательного уровня служащих администрации города Белгорода показывает, что доля муниципальных служащих, имеющих высшее образование, составляет 99,0%² от общего количества муниципальных служащих, имеющих ученую степень – 1,5%. Однако усложнение общества, внедрение в управление инновационных компонентов требуют от муниципального служащего качественно улучшенных профессиональных знаний. При нынешних темпах правовых, экономических и административных преобразований профессиональные знания, методики и технологии устаревают особенно быстро. К тому же федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации»³ предполагает проведение аттестации служащих не реже одного раза в три года. Следовательно, 25-30% муниципальных служащих, работающих в органах местного самоуправления, должны ежегодно повышать свою квалификацию. В городе Белгороде это 145-180 муниципальных служащих.

Приведенные данные еще раз подтвердили, что проблема профессионального развития, подготовки и переподготовки кадров муниципальных служащих продолжает оставаться актуальной. Так, в настоящее время увеличилось число муниципальных служащих, имеющих стаж работы от 1 года до 5 лет (41,1%), что указывает на необходимость их подготовки к управленческой деятельности в органах местного самоуправления.

Однако анализ данных опроса самих муниципальных служащих показывает, что 70% опрошенных, занимающих высшие и главные должности муниципальной службы, считают, что их квалификация и опыт работы вполне соответствуют тем функциям, которые они выполняют в настоящее время; 13,3% сетуют на недостаток не столько знаний, сколько опыта, 6,7% респондентов затрудняются с ответом, а еще 10,0% считает, что их квалификация выше, чем требуется для выполняемой работы. Руководителей, которые оценили свою квалификацию ниже, чем требуется для выполнения профессиональных функций, нет. Очевидно, это – не самая благоприятная основа для стремления к повышению квалификации: в самом деле, зачем улучшать то, что и так неплохо выглядит. Но это вовсе не означает, что проблем с квалификацией у них не существует.

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации / Послание Президента РФ федеральному собранию 12 ноября 2009 г. / <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

² Региональная кадровая политика в цифрах и фактах, Белгород, 2012 / <http://www.belregion.ru/department/part380/links460/>.

³ Федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ (ред. от 03.05.2011) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

Вызывают тревогу результаты опроса муниципальных служащих, занимающих ведущие, старшие и младшие должности муниципальной службы: 42,9% оценили свою квалификацию ниже, чем требуется для выполнения профессиональных функций, 37,1% из них отметили свой профессионализм и достаточную квалификацию в решении вопросов местного значения, а 12,4% посчитали, что их квалификация выше, чем требуется для выполняемой работы.

На вопрос, насколько часто возникают ситуации, когда чувствуют недостаток профессиональной компетентности, около половины респондентов ответили, что такие ситуации иногда имеют место, у остальных же таких ситуаций практически не возникает.

Респондентам было предложено ответить на вопрос, с чем связаны ситуации, когда ощущается недостаток профессиональной компетенции. Ответы распределились следующим образом (рис. 1):

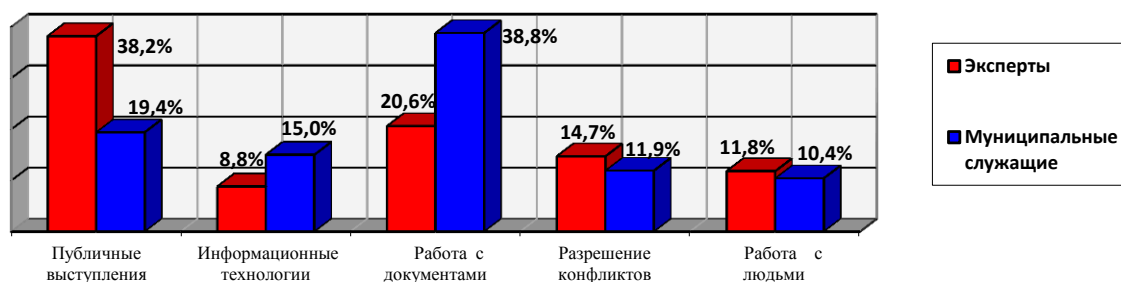

Рис. 1. Сравнительная оценка респондентами ситуаций, при которых ощущается недостаток профессиональной компетенции

В ходе ранжирования предметных областей, знания в которых хотят получить респонденты, на первое место вышли экономика (26,0%) и право (22,0%). Затем следуют менеджмент (11,0%), практическая психология (8,2%), делопроизводство (6,8%), информационные технологии (5,5%). Безусловно, это должно учитываться в практике организации обучения и переподготовки муниципальных служащих.

Исследование показало, что наибольший процент людей, не обладающих опытом повышения квалификации, находится среди муниципальных служащих, занимающих ведущие, старшие и младшие должности муниципальной службы - 43,3%.

Знания, полученные в результате повышения квалификации, используют на практике 60% руководителей и 47% муниципальных служащих, занимающих ведущие, старшие и младшие должности. О том, что полученные знания расширили кругозор, но не находят практического использования, заявили 36,7% руководителей и 50% служащих, занимающих ведущие, старшие и младшие должности. 3% муниципальных служащих в

ходе переподготовки совсем не получили новых знаний. Однако на вопрос о желании (вновь) пройти курсы переподготовки 90% респондентов отвечают утвердительно.

Сопоставление полученных результатов наталкивает на вопрос о том, чего ищут муниципальные служащие в программах повышения квалификации? Отправляются ли они на курсы по разрядке руководства или просто в соответствии со сложившейся практикой, превратившейся в ритуал? Идут за удостоверениями о прохождении соответствующих курсов? Пользуются возможностью сменить обстановку, отвлечься от текучки или просто отдохнуть?

Несмотря на то, что пока роль обучения, повышения квалификации не признается респондентами лидирующей, представляется важным продемонстрировать отношение служащих к необходимости профессионального образования: 70% руководителей и 43,3% муниципальных служащих, занимающих ведущие, старшие и младшие должности, считают необходимым иметь профильное образование по специальности «Государственное и муниципальное управление».

На вопрос об изменениях, происшедших за последние годы в требованиях к квалификации муниципальных служащих, 96% опрошенных ответили, что такие изменения действительно имеют место. На предложение пояснить, в чем именно выразилось изменение требований, практически все респонденты указали на их повышение (ужесточение). В качестве существенных отмечались следующие типы требований к квалификации муниципальных служащих (таблица 1):

Таблица 1

Сравнительная оценка изменения требований к квалификации

№ п/п	Требования	Эксперты, %	Муниципальные служащие, %
1.	Компетентность при выполнении функциональных обязанностей	20,8	35,2
2.	Опыт работы ("по профилю" и "с людьми")	17,2	10,5
3.	Наличие специального управленческого образования, знания основ теории управления, экономики, права	17,2	14,3
4.	Деловые и моральные качества	15,5	13,3
5.	Высшее профильное образование	12,1	8,6
6.	Техническая квалификация	8,6	8,6
7.	Практические навыки управления	8,5	9,5

По мнению большинства опрошенных, повышение требований имело результатом реальный рост профессионализма муниципальных управленцев и образовательного уровня муниципальных служащих.

Около половины руководителей считают, что в сравнении с советскими служащими современный муниципальный служащий стал более профессионально компетентен и образован. Противоположного мнения придерживаются 13,4% опрошенных. Около 20 % руководителей считают, что муниципальные служащие стали менее честными, порядочными и доброжелательными к людям, 5,8% придерживаются противоположной точки зрения. 15% опрошенных считают, что муниципальные служащие стали более коррумпированными.

Ещё одним направлением изучения уровня профессиональной компетентности и квалификации муниципальных служащих стал анализ их профессионально-личностного потенциала. В частности, руководителям было предложено оценить уровень своей готовности к решению управленческих задач. 70% опрошенных ответили, что они способны решать все задачи, включая инновационные; 27% - что готовы решать текущие задачи, но инновационные вызывают у них трудности, а у 3% не хватает знаний и опыта для решения и отдельных текущих задач.

Также им было предложено ответить на вопрос, в какой степени они используют в своей работе: знания, полученные в рамках различных форм повышения квалификации. Знания, полученные в рамках базового образования, «часто» используют 53,3% опрошенных, полученные в ходе дополнительного образования «часто» используют 30,0%. То есть более половины респондентов, так или иначе, используют информацию, полученную в рамках профессионального образования. Более всего используются навыки, полученные от практической работы (97,0%) (рис.2).

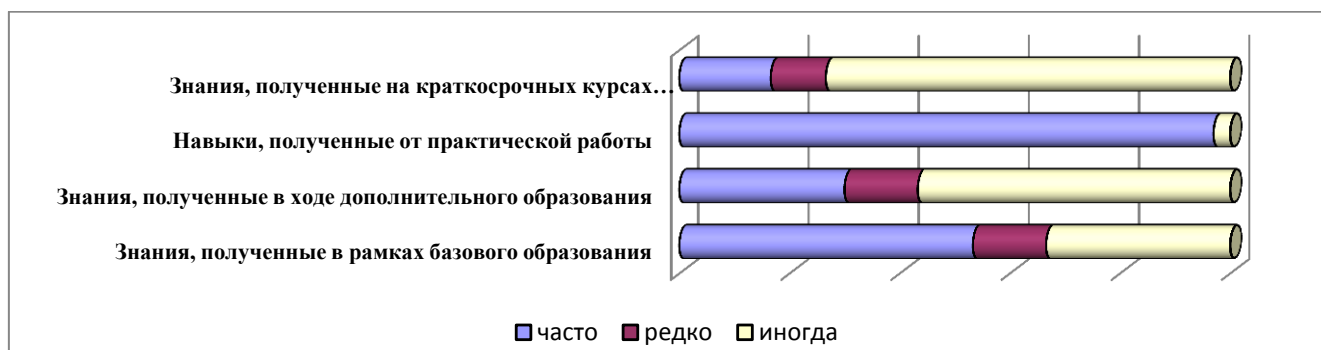

Рис. 2. Оценка респондентами полученных знаний

Ответы респондентов о навыках и личностных качествах, наиболее значимых для развития профессиональных компетенций муниципальных служащих распределились следующим образом (рис. 3):

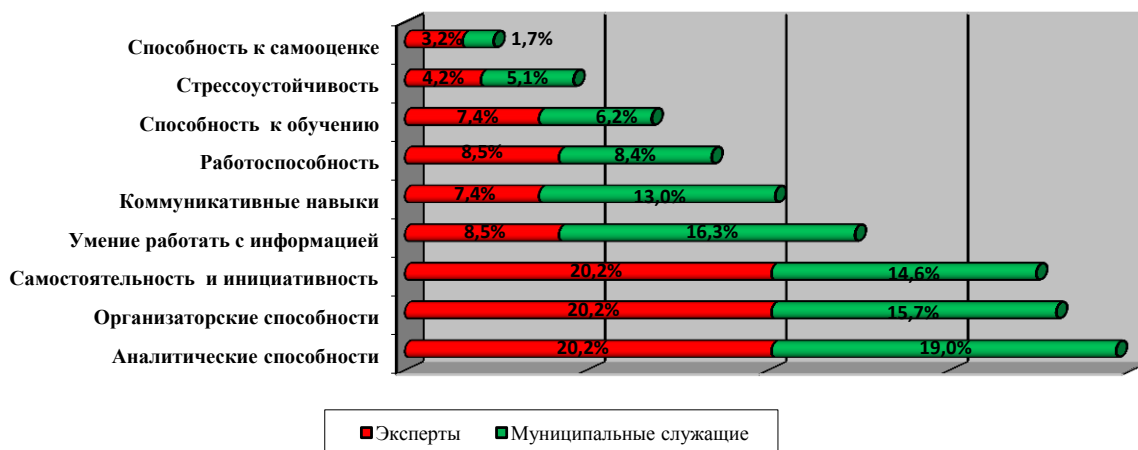

Рис. 3. Оценка респондентами навыков и личностных качеств, наиболее значимых для развития профессиональных компетенций муниципальных служащих

Отдельную задачу представляет собой повышение квалификации работников низшего управленческого уровня органов местного самоуправления. В настоящее время эта группа служащих меньше всего вовлечена в проблематику местного самоуправления, имеет наименее отчетливые позиции по отношению к нему, меньше всего участвует в программах повышения квалификации. Кроме прочего, это может быть связано с недостатком специальных учебных программ, направленных на этот слой работников. Такие программы должны быть направлены главным образом на формирование технических компетенций муниципальных служащих, которые, прежде чем стать предметом учебных программ, должны быть выявлены и описаны.

На вопрос, какие из технологий наиболее приемлемы для профессионального развития муниципальных служащих, респонденты назвали (рис. 4):

Рис. 4. Оценка респондентами наиболее эффективных технологий

Таким образом, мотивация профессиональной деятельности посчитали самой необходимой для эффективной работы муниципального служащего.

Далее, респондентам было предложено ответить на вопрос, что же именно может стимулировать муниципальных служащих к повышению уровня профессиональных компетенций (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица видов мотиваций

№ п/п	Виды мотивации	Эксперты, %	Муниципальные служащие, %
1.	Перспективы повышения по службе	35,0	31,2
2.	Повышение заработной платы	19,7	37,7
3.	Возможность самосовершенствования	16,7	9,2
4.	Поддержка и одобрение руководства	13,6	9,2
5.	Нежелание получить взыскание	4,5	2,7
6.	Боязнь потерять должность	4,5	2,7
7.	Творческий интерес	4,5	7,3

Как видно из таблицы, основными стимулами для развития профессиональных компетенций респонденты назвали перспективы повышения по службе и повышение заработной платы.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что даже с учетом того, что образовательный уровень специалистов муниципальной службы в городе повысился, образованиев по специальности «Государственное и муниципальное управление» обладают пока еще незначительное количество служащих. Овладение знаниями и навыками управленческой работы чаще всего происходит на практике, поэтому достижение определенной степени профессионализма занимает достаточно много времени.

Исходя из вышеизложенного, для преодоления негативных тенденций в развитии муниципальной службы мы полагаем, что необходимо:

- во-первых, привлечение на муниципальную службу высококвалифицированных специалистов, а это возможно только с повышением уровня материальной обеспеченности и социальной защищенности муниципальных служащих, а также престижа работников муниципального управления в обществе.

- во-вторых, формирование необходимых профессиональных компетенций у муниципальных служащих;

- в-третьих, своевременное продвижение специалистов в зависимости от уровня их профессионального развития.

СТРУКТУРНЫЕ И ТОВАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И УКРАИНЫ

Г.Н. Гайдукова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

В 2011 году товарооборот России с Украиной составил 50,6 млрд. долл. США, увеличившись против показателя 2010 года на 36,1%. Экспорт России составил 30,5 млрд. долл. США (темп роста – 131,8%), импорт – 20,1 млрд. долл. США (темп роста – 143,2%).

Динамика торговли с Украиной в целом опережает темпы роста внешнеторгового оборота России со странами мира в целом, составившие в 2011 году 131,2% (экспорт – 130,0%, импорт – 133,4%), и со странами СНГ, составившие 134,2% (экспорт – 131,3%, импорт – 139,6%).

Динамика внешней торговли России и Украины¹

(млн. долларов США)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ОБОРОТ	24 227,7	29 755,0	39 821,2	22 900,9	37 195,5	50 630,4
<i>темпы роста в %</i>	<i>119,8</i>	<i>122,8</i>	<i>133,8</i>	<i>57,7</i>	<i>161,8</i>	<i>136,1</i>
ЭКСПОРТ	14 982,6	16 424,7	23 567,0	13 780,3	23 148,1	30 509,6
<i>темпы роста в %</i>	<i>120,8</i>	<i>109,6</i>	<i>143,5</i>	<i>58,5</i>	<i>167,1</i>	<i>131,8</i>
ИМПОРТ	9 245,1	13 330,3	16 254,2	9 120,6	14 047,4	20 120,8
<i>темпы роста в %</i>	<i>118,2</i>	<i>144,2</i>	<i>121,9</i>	<i>56,1</i>	<i>153,8</i>	<i>143,2</i>
САЛЬДО	5 737,5	3 094,4	7 312,7	4 659,7	9100,7	10 388,8

В 2011 году Украина заняла 4 место по торговле с Российской Федерацией после Китая (83,5 млрд. долл. США), Германии (71,8 млрд. долл. США), Нидерландов (68,5

¹ Здесь и далее используются данные ФТС России.

млрд. долл. США). В 2011 году доля Украины в товарообороте России со всеми странами достигла 6,2%.

В рамках СНГ Украина сохраняет позицию ведущего партнера России.

В структуре экспорта России на Украину в 2011 году основную долю составили поставки товарной группы «минеральные продукты» - 67,6% (рис. 1.1). На продукцию химической промышленности пришлось 10,8%; на поставки машин, оборудования и транспортных средств – 10,2%; металлов и изделий из них – 6,3%.

Повышение стоимостных показателей российского экспорта отмечено по всем основным товарным позициям. В абсолютных величинах наибольшее увеличение объемов экспорта пришлось на минеральные продукты (до 20,6 млрд. долл. США), продукцию химической промышленности (до 3,3 млрд. долл. США), продукцию машиностроения (до 3,1 млрд. долл. США).

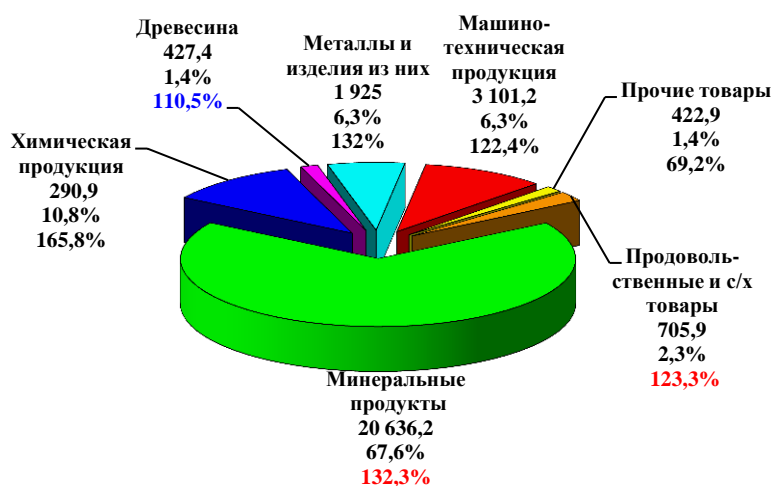

Рис. 1. Экспорт Российской Федерации в Украину в 2011 году

Структуру импорта России из Украины в 2011 году формировали в основном четыре товарные группы (рис. 1.2):

- машины, оборудование и транспортные средства – 36,1%;
- металлы и изделия из них – 20,8%;
- минеральные продукты – 15,6%;
- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 10,5%.

Рис. 2. Импорт в Российскую Федерацию из Украины в 2011 году.

Увеличение стоимостных показателей импорта России также зафиксировано по всем основным товарным позициям.

В абсолютных величинах наибольшее увеличение объемов импорта из Украины пришлось на закупки продукции машиностроения (до 7,3 млрд. долл.), металлов и изделий из них (до 4,2 млрд. долл. США). Также значительно возросли закупки минеральных продуктов (до 3,1 млрд. долл. США) и продовольственных товаров и сельхозсырья (до 2,1 млрд. долл. США).

Структура импорта из Украины, в отличие от экспорта, характеризуется большой долей продукции с высокой добавленной стоимостью, в связи с чем Россия является наиболее привлекательным партнером-импортером украинских производителей. В то же время, стабильное обеспечение Россией украинской экономики дешевыми энергоресурсами – важный фактор бесперебойной работы и развития украинских предприятий машиностроения, химической промышленности и сельского хозяйства. Необходимо отметить, что часть украинской продукции, такая как глинозем, феррохром, трубы большого диаметра, машинотехническое оборудование, играет важную роль в российской экономике, в то время как многие украинские продовольственные товары жестко конкурируют с российскими аналогами на рынке России, так и на рынке СНГ.

В 2011 году в общем объеме товарооборота Российской Федерации с Украиной доля наиболее значимых 20 регионов составила 89%, из них Москвы – 34%, Белгородской области – 12%, Тюменской области – 10%, Ростовской области – 6 %, Московской области – 4%, Самарской области – 3%, Санкт-Петербурга - 3%, Кемеровской области – 2%.

Положительную роль в наращивании торговли между двумя странами сыграли предпринимаемые их правительствами усилия по снятию торговых барьеров, а также значительный интерес российских регионов к Украине, проявленный в ходе межрегиональных мероприятий. Основными статьями товарооборота регионов России и Украины в 2011 году стали минеральная, химическая продукция, чёрные металлы и изделия из них, машины и оборудование.

Рост товарооборота по-прежнему наблюдается в приграничных регионах. Причинами этого являются, прежде всего, географическая близость торговых партнеров, взаимодополняющая экономика и промышленность, определенную роль также играет учёт транзитных грузов, особенно много товаров проходит в Российскую Федерацию через таможенные посты Белгородской области. Продолжает увеличиваться импорт из Украины в Белгородскую и Ростовскую области чёрных металлов и изделий из них, сельскохозяйственной продукции, ядерного оборудования, железнодорожных локомотивов.

В настоящее время наибольший интерес к возобновлению и расширению контактов с украинскими регионами проявляют Белгородская, Курская, Саратовская, Свердловская, Ростовская, Воронежская, Ульяновская, Вологодская, Ленинградская, Липецкая, Самарская, Тамбовская, Брянская, Тульская, Ярославская, Московская, Новосибирская, Мурманская области, Краснодарский край, республики Мордовия, Чувашия, Башкортостан, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа. С украинской стороны – Донецкая, Запорожская, Харьковская, Луганская, Житомирская, Херсонская, Сумская, Львовская, Одесская, Тернопольская, Черниговская, Киевская, Днепропетровская области, Автономная Республика Крым.

В последние годы существенно возрастает роль внешнеэкономической политики как одного из важнейших факторов социально-экономического развития, инновационного обновления и повышения конкурентоспособности экономики. Внешнеэкономическая деятельность предприятий и организаций Белгородской области способствует экономическому росту и развитию региона. Региональный промышленный потенциал области – горнометаллургический и агропромышленный комплексы, предприятия, производящие строительные материалы и пищевые продукты, – определяет товарную структуру экспорта. При активном развитии экономики в секторах – добыча металлических руд и металлургическое производство, большая часть областного экспорта (69,4%) приходится на железорудное сырье и прокат черных металлов.

Внешнеэкономическая деятельность является одним из секторов экономики Белгородской области: отношение внешнеторгового оборота к валовому региональному

продукту составляет 2,6%. Белгородские предприятия сбывают свои товары на рынках других стран мира, в результате объем экспортируемой продукции области занимает 0,8 экспорта страны.

В 2011 г. во внешнеторговой деятельности регионов Центрального федерального округа Белгородская область заняла 4 место после г. Москвы, Московской и Тульских областей.

По данным таможенной статистики на территории области в 2011 г. было зарегистрировано 1268 участников внешнеэкономической деятельности, что на 12,6% больше уровня 2010 г. Среди них 93,1% (1181 единица) приходилось на долю юридических лиц и 6,9% (87 единиц) – на долю физических лиц. Вывозом товаров из области занимались 382, ввозом – 1110 участников.

Внешнеторговый оборот области по сравнению с 2010 г. увеличился на 52,0%, составив 10,5 млрд. долларов США (табл. 1.2). Сальдо торгового баланса сложилось отрицательное и составило 2,8 млрд. долларов США (в 2010 г. – 1,5 млрд. долларов).

Продукция белгородских предприятий поставлялась в 97 стран мира. Из них 89 (92%) – страны вне СНГ и 8 (8%) – государства-участники СНГ.

В 2011 г. по данным таможенной статистики внешнеторговый оборот области составил 10495,4 млн. долларов США, что в фактически действовавших ценах к уровню 2010 г. составило 152,0%, в том числе экспорт – 3840,0 млн. долларов США (142,0%), импорт – 6655,4 млн. долларов США (158,4%).

Таким образом, на протяжении многих лет Белгородская область продолжает поддерживать тесные экономические и торговые отношения со многими странами мира. В 2011 г. к уровню 2010 г. произошло увеличение темпов роста торгового оборота: экспорта на 42,0%, импорта на 58,4%. Отмечена тенденция возрастания доли стран СНГ в удовлетворении импортных потребностей рынка области.

В 2011 г. отмечено увеличение экспорта в страны дальнего зарубежья: в Китай в 2,8 раза, в Германию в 1,8 раза. Динамика экспорта этих стран характеризуется высокими темпами роста, что является положительным фактором и перспективой для дальнейшего развития внешнеэкономических связей с этими государствами.

В 2011 г. продолжало развиваться тесное торговое сотрудничество с Украиной, которая неизменно занимает первое место во внешнеторговом обороте, на ее долю приходится более половины торгового оборота области. Расширение внешней торговли с Украиной – объективный процесс, обусловленный экономическим потенциалом Белгородской области. Постепенное развитие межрегиональных связей должно основываться на принципах взаимовыгодного партнерства, что приведет к увеличению

товарооборота между Украиной и Белгородской областью. В настоящее время эти отношения являются достаточно перспективными.

УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТАМИ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Гончаров Л.А. канд. социол. наук, доцент кафедры политологии, государственной и муниципальной службы **Муниципальное автономное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский институт экономики и социального управления»**

Быхтин О.В. канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»

Российская Федерация, имеет самую протяженную в мире государственную границу - более 61 тыс. км, а также наибольшее количество стран-соседей - 16, обладает уникальным потенциалом для развития приграничного сотрудничества с сопредельными государствами. Приграничное или прибрежное положение занимают 48 ее субъектов, а 37 из них имеют сухопутную границу с 14 странами. Уникальным в этом плане является Дальневосточный регион, приграничными в котором являются все субъекты Российской Федерации. Однако эти уникальные возможности остаются практически незадействованными, российское приграничье, как отмечают специалисты, в экономическом смысле пока выполняет скорее барьерные, чем контактные функции.

Наиболее характерная черта приграничных территорий - относительно более низкий уровень социально-экономического развития по сравнению с другими регионами Российской Федерации. Большинство приграничных регионов относятся к депрессивным или к экономически недостаточно освоенным. Важнейшей государственной проблемой остается отток населения с этих слабозаселенных территорий. «Приграничность» приобретает всё большее значение и выступает в качестве нового территориального социально-экономического фактора развития. Пространство, прилегающее к линии границы, может представлять собой мощнейший экономический, а затем политический и культурный центр страны, опирающийся на развитый транспортный комплекс и связанный с экономическим ядром-Центром (Вариант Санкт-Петербурга). Возможна и иная ситуация: относительно слабые центры экономической активности прижаты к границе и не опираются на инфраструктуру собственной страны.

Модель муниципального управления России достаточно сложно привязать к какой-либо модели муниципального управления, что обусловлено наличием своеобразного исторического опыта местного самоуправления, отличного от западного. Действительно,

развитие политической системы России практически всегда характеризовалось доминированием централизованного государства, сравнительно низким уровнем гражданского участия в решении публичных дел в сочетании с сильной коллективистской (общинной) традицией на локальном уровне¹.

Муниципальная реформа 2003-2008 гг. в целом соответствовала той же задаче и предполагала отход от традиционной для России моноцентрической модели организации власти, характеризовавшейся организационным единством, вертикально интегрированными структурами, приоритетом государственных функций над началами самоуправления и внедрение европейских континентальных стандартов (в частности, германского опыта).

Концептуальные основы реформы местного самоуправления были определены в Федеральном законе от 06.10.2003 г. №131-ФЗ, который предполагал развитие местного самоуправления по европейской модели. Прослеживается тяготение к «германской» модели, характеризующейся сильной государственной (прежде всего, центральной) властью и закреплением за ней возможности влиять на все основные процессы, происходящие в стране. Однако специфичность российской культуры местного самоуправления и, прежде всего, стереотипы мышления и деятельности, которыми руководствуются люди, участвуя в муниципальной практике, не позволила модели муниципального управления, прописанной в Федеральном законе № 131-ФЗ, реализоваться в том ракурсе, как предполагалось законодателем. Так, реальная модель местного самоуправления имела следующие особенности:

1) наличие в каждом субъекте федерации своей модели, формирование которой зависело от менталитета населения, муниципальных и региональных руководителей; сложившейся специфики властных отношений; экономических возможностей, географических особенностей, субъективного влияния главы региона и других факторов. В результате в отличие от прописанной Законом единой модели их стало много, причем далеко не каждая из них точно соответствует действующему законодательству.

2) ограниченность или условность муниципальной автономии. Функциональная необходимость, стереотипы деятельности, финансовая зависимость, совместное решение задач, выполнение переданных полномочий произошло. В большинстве регионов это привело к огосударствлению муниципальных районов и превращению районных администраций в территориальные органы администрации субъекта федерации.

¹ Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.riocenter.ru/ru/programs/doc/3928>

3) недостаточное разграничение компетенции муниципалитетов друг с другом и с субъектом федерации, когда абсолютное большинство вопросов решается муниципалитетами под началом и совместно с вышестоящим уровнем публично-властной системы.

4) низкий уровень реальной свободы муниципальной власти в регулировании оказываемых ими публичных услуг.

5) ограниченность местной фискальной автономии, в результате чего основную часть средств муниципалитеты получают не в виде собственных доходов, а в качестве финансовой помощи вышестоящего уровня бюджетной системы, да еще и имеющей преимущественно целевое назначение.

б) чрезмерный реальный государственный контроль, механизмы которого вышли за рамки, установленные Федеральным законом №131-ФЗ¹.

Некоторые авторы обращали внимание на противоречивость и неполноту норм, регулирующих развитие этой системы и включение общества в выполнение задач государственного управления. Так, С.И. Рыженков отмечал, что местное самоуправление в 90-е годы в России оказалось между борющимися за влияние и власть центром и регионами².

И.Г. Мачульская видит отсутствие реального самоуправленческого начала в системе местного самоуправления России не только в стремлении государственной власти управлять органами местного самоуправления, но и в отсутствии соответствующей инициативы населения, отмечая невозможность создания самоуправления «сверху», даже на основе конституционного акта.

М.Н. Матвеев отмечает, что на сегодняшний момент в отношении развития муниципального управления в России существуют две основные точки зрения: согласно одной из них, органы местного самоуправления являются продолжением системы государственной власти на ее низовом звене и, по сути, являются органами местного управления. Согласно другой теории, основным признаком и достоинством местного самоуправления является его автономность от государственной вертикали власти, при которой в пределах своей компетенции местное самоуправление действует самостоятельно. Можно добавить, что в российской практике обе позиции существуют одновременно. Первая олицетворяет традицию и идеологию основной массы

¹ Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.giocenter.ru/ru/programs/doc/3928>

² Мачульская И.Г. Институционализация местного самоуправления в системе власти Российской Федерации: Дис. ... канд.юрид.наук. М.,2001.

чиновничества, вторая, хотя и черпает свои силы в Конституции и Европейской хартии о местном самоуправлении, является скорее теоремой, которую все время надо доказывать.

Обращают на себя внимания исследования [Николая Межевича](#), директор центра Трансграничных исследований факультета международных отношений СПбГУ, который выделяет несколько моделей приграничного сотрудничества муниципальных образований. Первая представляет собой Модель активной контактности - в ее основе лежит признание позитивной роли границы. Администрация активно участвует в развитии контактных функций границы, стараясь повлиять на процесс оформления виз. И модель пассивной контактности - граница рассматривается как «обременение». Жители в деревнях ощущают себя особой общностью по отношению «к пришлым». Модель барьерности в этом случае граница в этом случае воспринимается как передовой рубеж обороны. Модель «Безразличие» - граница воспринимается как нейтральное явление, не помогающее, но и не мешающее экономическому и социальному развитию муниципального образования. Тем не менее, приведенные четыре модели могут рассматриваться как базисные при исследовании экономических эффектов приграничного сотрудничества на уровне местного самоуправления.

В ходе исследования попытаемся прийти к следующим общим выводам:

1. Приграничное сотрудничество стало важной составляющей жизни местных сообществ муниципальных территориальных образований России, расположенных вблизи границы.

2. Интенсивность развития процессов приграничного сотрудничества неодинакова в различных субъектах РФ и даже в муниципальных образованиях, расположенных на территории одного региона. Такое положение дел является следствием высокой степени концентрации управления внешнеэкономической деятельностью в руках региональных органов власти (Республика Карелия и Ленинградская область) и существенных различий в уровне экономического развития самих муниципальных образований (Калининградская область и Республика Карелия; частично эта тенденция наблюдается в Ленинградской области).

3. Местное сообщество, включая руководителей и сотрудников муниципальных образований, фактически не обладает влиянием на политику таких ключевых федеральных ведомств в области приграничного сотрудничества, как МИД, Минрегионразвития, Федеральная таможенная служба, Федеральная пограничная служба. Решения принимаются, в лучшем случае, с учетом мнения региональных властей, тогда как все инфраструктурные проблемы ложатся на плечи местных администраций.

4. В системе приоритетов мотивации участия в приграничном сотрудничестве до сих пор преобладает коммуникативно-имиджевая составляющая. Проводится большое число встреч, семинаров, конференций с участием руководителей приграничных органов МСУ, обменных визитов учителей, деятелей культуры, школьников, студентов, фестивалей культуры и спортивных состязаний. Безусловно, такие мероприятия позволяют соседям лучше понимать друг друга, но эта форма приграничного сотрудничества может быть эффективной, в основном, на первых этапах развития приграничного сотрудничества.

5. Одним из наиболее значимых и неожиданных выводов нашего исследования является сравнительно малый объем экономических и инвестиционных проектов в сфере приграничного сотрудничества. Проблемная ситуация в местной экономике большинства российских органов МСУ и высокие риски сдерживают активность инвесторов сопредельных стран, прежде всего из числа предприятий среднего и малого бизнеса. Важной причиной сдерживания развития экономических проектов является неумение муниципальных чиновников и местных предпринимателей пользоваться инструментами бизнес-планирования (стратегическое планирование, SWOT-анализ, инвестиционное проектирование, подготовка инвестиционной документации, финансовый менеджмент).

В развитии приграничного сотрудничества нарастают кризисные явления, ощущается недостаток новых идей и форм сотрудничества. Участники приграничного сотрудничества чувствуют дефицит информации.

6. Главным мотивом участия в партнерских проектах с российскими и зарубежными органами МСУ для администраций муниципальных образований является обмен опытом, изучение практики эффективного муниципального управления в России и сопредельных странах. Результатом межрегионального обмена опытом между муниципалитетами различных субъектов федерации может быть выравнивание масштабов и направлений приграничного сотрудничества, а также дальнейшее возрастание его роли в жизни местных сообществ.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

М.О. Дерин, магистрант Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Я.И. Серкина, магистрант Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Процесс устойчивого развития сельского хозяйства в условиях рыночной экономики осуществляется на основе тесного взаимодействия систем планирования, учета и контроля инновационной и инвестиционной деятельности, эффективность которых в большой степени зависит от используемого механизма управления. Одной из важнейших управленческих задач для предприятий агропромышленного комплекса является их инновационное развитие и способность своевременно реагировать на изменение рыночных условий различным образом: внедрением новых технологий производства, разработкой новых или усовершенствованием старых видов продукции, реструктуризацией, интеграцией, совершенствованием внутрифирменного управления, разработкой и внедрением новых маркетинговых стратегий. Для осуществления данных направлений развития повсеместно используется методика инновационно-инвестиционного проектирования.

Современные проблемы в инвестиционной сфере агропромышленного комплекса в значительной мере обусловлены недостатками в формировании эффективного механизма планирования и управления инвестиционными проектами. Это объясняется тем, что реформирование системы управления АПК осуществляется в течение длительного времени и не может адекватно отвечать радикальным экономическим преобразованиям.

Руководители всех уровней в настоящее время осознают необходимость развития инструментов планирования, как базовой функции управления проектом. Особую актуальность такой подход приобретает с учетом влияния на процесс реализации инвестиционного проекта внешних и внутренних организационно-экономических факторов.

Эффективное развитие отраслей агропромышленного комплекса в условиях реформирования за счет наращивания объемов производства, улучшения качества сельскохозяйственной продукции во многом обусловлено уровнем, динамикой и темпами инвестиционной активности сельскохозяйственных организаций. В современных условиях существенно возросла роль инвестиций в связи с низким уровнем прямого целевого финансирования развития агропромышленного комплекса¹.

В качестве цели инвестиций в сельском хозяйстве следует выделить не только получение прибыли, но и достижение иного эффекта, осуществление которого базируется на рыночных принципах и связано с факторами времени, риска и ликвидности. Это

¹ Барсенева Н.С. Планирование и управление инвестиционными проектами в АПК. Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2011.

обуславливает то, что инвестиционная деятельность выступает одним из основных факторов повышения эффективности сельскохозяйственной организации, стратегической целью которой является развитие производственной деятельности и обеспечение населения продовольствием.

В период резких изменений в экономике, технологии, экологии и политике, вызванных кризисной ситуацией или рыночными колебаниями, выживание и успех в мире бизнеса в большей степени, чем когда-либо, зависят от правильности принимаемых инвестиционных решений. Инвестиционное решение – одна из важнейших управленческих инициатив, которая должна осуществляться предпринимателями или менеджерами, поскольку инвестиции предполагают использование финансовых ресурсов в течение относительно длительного периода времени. На практике инвестиционное решение чаще всего воплощается в инвестиционный проект.

Для своевременного достижения цели инвестиционного проекта необходимо обеспечить эффективное управление процессом его реализации. При этом управление проектами представляет собой составную часть менеджмента организации, так как использует его основные принципы и положения, скорректировав и приспособив их под особенности своих объектов управления. Таким образом, сущность проектного управления сводится к управлению изменениями при реализации инвестиционного проекта.

В литературе выделяют два подхода к определению понятия «управление проектами»:

Во-первых, управление проектом рассматривается как методология (говорят также — искусство) организации, планирования, руководства, координации трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов на протяжении проектного цикла, направленная на эффективное достижение его целей¹.

Во-вторых, управление проектом рассматривается как ряд процессов формирования его результатов, то есть как деятельность, включающая планирование процесса, организацию работ, координацию действий, мотивацию участников проекта и контроль над их деятельностью. Данные процессы, соответственно, объединяют в пять основных групп: инициация, планирование, исполнение, мониторинг и управление, завершение².

¹ Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление проектами: учебное пособие под общей редакцией И.И. Мазур. М., 2008.

² Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК) /пер. с англ. Project Management Institute, 2004.

Говоря об агропромышленном комплексе, наиболее правильным, по нашему мнению, следует считать подход, при котором управление проектами в сельском хозяйстве означает объединение теории и практики руководства материальными и человеческими ресурсами в течение всего жизненного цикла проекта на основе использования современных инструментов, методов и технологий управления для достижения определенных в инвестиционном проекте результатов по содержанию, стоимости, рискам, ресурсам, срокам, качеству и удовлетворению всех участников проекта.

Для внедрения системы управления инвестиционными проектами необходимо обеспечить ее взаимосвязь со всеми структурными подразделениями организации для создания оперативной информационной среды.

Планирование и управление инвестиционными проектами на сельскохозяйственных предприятиях на основе системного подхода отвечает всем требованиям системной концепции:

- целостность: система рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, обладающих определенной целостностью;
- иерархичность и структурность: система управления проектом входит в систему более высокого уровня (система управления всей организацией, экономическая среда), что обуславливает влияние факторов внутреннего и внешнего окружения;
- функциональность: система может быть охарактеризована конкретными входными и выходными данными (цели, задачи, ресурсы, информация) и параметрами её состояния;
- множественность: для описания системы планирования и управления проектами, а также ее отдельных элементов может быть использовано множество экономико-математических моделей;
- открытость: эффективность функционирования системы планирования и управления инвестиционными проектами зависит от влияния внешних и внутренних факторов;
- системность: процесс планирования и управления проектом может быть представлен в виде системы, в которой взаимодействие между объектом и субъектом управления осуществляется с помощью конкретных управленческих функций.

В качестве основных преимуществ системного подхода в управлении инвестиционными проектами нами выделены следующие положения:

1. Возможность выявить общие установки в объектах и процессах управления проектами.

2. Более детальное информационное описание системы для проектирования модели проекта и оценки результатов.

3. Создание основы для определения наиболее приоритетных направлений дальнейшего развития организации.

4. Использование при построении системы знаний из всех областей науки и научного мышления, что позволяет рассмотреть все аспекты управления.

В настоящее время большинство сельскохозяйственных организаций при реализации инвестиционных проектов столкнулись с серьезными экономическими, финансовыми, юридическими проблемами, обусловленными сложностью выявления результатов проекта и оценки эффективности управленческих решений в ходе его реализации. Каждое предприятие, занимающееся инвестиционной деятельностью, обязано самостоятельно осуществлять поиск необходимых источников финансирования, выбрать наиболее эффективные технологии реализации проекта для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность предприятия в рыночных условиях.

В качестве наиболее эффективного способа решения данных проблем целесообразно создание единой системы планирования и управления инвестиционным проектом, позволяющей своевременно находить наилучший вариант управленческих решений для своевременного достижения конечной цели. Для эффективного функционирования данной системы необходимо использовать комплекс современных управленческих и информационных технологий¹.

Специфика оценки эффективности системы управления состоит в том, что реализация целей управления (целей инвестиционного проекта) осуществляется как в рамках управляющей подсистемы (субъект управления), так и в рамках управляемой подсистемы (объект управления). Данная сложность и взаимозависимость целей управления обуславливает необходимость оценки результатов деятельности обеих подсистем, на основе учета и определения эффективности использования их ресурсов.

Все вышеперечисленное позволяет сделать следующие выводы:

1. При оценке эффективности реализации отдельных инвестиционных проектов и инвестиционной деятельности сельскохозяйственных организаций в целом необходимо учитывать, что конечной целью инвестирования является не только получение прибыли, но и развитие производственной деятельности, позволяющей решить стратегическую задачу обеспечения продовольственной безопасности как отдельного региона, так и всей страны.

¹ Распоряжение Правительства РФ №2227-р от 8 декабря 2011 г. «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123444>

2. Механизмы управления инвестиционными проектами и, особенно, государственными инвестиционными программами относятся к сложным социально-экономическим системам. Их успешное формирование, функционирование и развитие не могут осуществляться без соблюдения как общих правил системного подхода, так и принципов, обеспечивающих наиболее рациональное и быстрое достижение поставленных стратегических, тактических и оперативных целей. Использование системного подхода в инвестиционном менеджменте позволит обеспечить своевременное достижение цели инвестиционного проекта и повысить эффективность проектной деятельности.

3. Для повышения эффективности реализации инвестиционных проектов необходимо в каждой сельскохозяйственной организации сформировать единую систему планирования и управления инвестиционными проектами на основе внедрения динамического планирования и совершенствования организационной и управленческой структуры предприятия. Для эффективного функционирования данной системы необходимо использовать комплекс современных управленческих и информационных технологий.

4. Инвестиционной деятельности сельскохозяйственных организаций необходимо придать инновационно-производственную направленность, умело используя при этом результаты экономического анализа. Инвестиционные проекты предприятий в АПК должны быть направлены, прежде всего, на расширение и развитие производства, модернизацию, повышение качества продукции, а также внедрение ресурсосберегающих технологий.

РОЛЬ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Н.П. Жук, м.н.с. лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН

Изучение особенностей развития приграничного региона требует сосредоточения на специфике развития приграничных регионов для выявления особенностей и закономерностей, присущих развитию именно регионов данного типа, обусловленных спецификой их территориальности. Фактор территориальности имеет одно из первостепенных значений в исследовании закономерностей и особенностей социально-экономического развития приграничных регионов и, в частности, приграничного сотрудничества.

Не вызывает сомнения, что специфика процессов приграничного сотрудничества также зависит от фактора территориальности. Практически 100% респондентов, опрошенных нами, согласились с мнением, что развитие приграничных регионов в пределах постсоветского пространства имеет свои особенности по сравнению с приграничными регионами других типов (граница с ЕС, Китаем и т.д.). При этом среди отличительных черт респондентами назывались: сильная роль «трансграничной истории», интенсивные миграционные процессы, большая внешняя открытость и т.д.

Несомненно, экономические связи являются основным предметом анализа при рассмотрении межрегиональных взаимодействий, однако необходимо также учитывать роль социокультурных взаимодействий социальных акторов. Так, например, в теории социологии категория «взаимодействие» рассматривается как «категория, отражающая процессы взаимодействия субъектов друг на друга, их взаимную определенность и порождение одним объектом другого. Это универсальная форма движения, развития. Определяет сущность существования и структурную организацию любой материальной и социальной среды»¹. При этом «социальное взаимодействие» трактуется как «система взаимообусловленных индивидуальных действий, связанных циклической причинной зависимостью, при которой поведение каждого из участников может выступать одновременно и стимулом, и реакцией на поведение остальных»².

Современный регион представляет собой открытую систему, включенную в систему многоуровневых взаимодействий, включая особый вид трансграничных межрегиональных взаимодействий – приграничное сотрудничество.

Приграничное сотрудничество как особый вид межрегиональных взаимодействий обладает специфическими характеристиками:

- существенное влияние территориального фактора (фактор границы);
- высокая степень значимости политической составляющей межрегиональных взаимодействий и макро-интеграционных процессов;
- двойственность процессов приграничного сотрудничества: усиление приграничных взаимодействий может привести к ослаблению внутригосударственных межрегиональных связей и целостности внутреннего социально-экономического пространства;
- кумулятивный эффект приграничного сотрудничества, достигаемый за счет постепенного накопления эффектов межрегионального взаимодействия и последующего качественного изменения форм и структуры взаимодействия;

¹ Социологический энциклопедический словарь. М.: Норма, 1998. С. 211.

² Там же

– наличие механизмов, выходящих за рамки национальной политики (международные программы приграничного сотрудничества) и реализуемых в партнерстве с сопредельными странами.

При развитии приграничного сотрудничества происходит усиление институционального взаимодействия, что неизбежно ведет к повышению общего уровня доверия, росту взаимных контактов, числа организаций развития, специализирующихся на стимулировании межрегиональных взаимодействия, появлению совместных общественных организаций и т.д. Эти процессы повышают взаимную инвестиционную привлекательность сопредельных регионов, разность в уровнях развития отдельных отраслей, а различная структура потребительского рынка создает предпосылки для формирования экономического интереса к осуществлению приграничного сотрудничества. В этих условиях развитие институционального взаимодействия снижает транзакционные издержки компаний при выходе на рынок сопредельного региона (уровень доверия, поиск партнеров, сложившаяся практика договорных отношений, юридическое оформление, переводы и т.д.).

Современные тенденции регионального развития обуславливают формирование новых функций региональной социально-экономической политики, включая вопросы регулирования процессов приграничного сотрудничества с целью использования данного ресурса для содействия социальному и экономическому развитию приграничного региона.

В этой связи справедливым представляется утверждение о том, что целью управления развитием приграничного сотрудничества должно стать формирование таких условий для осуществления данного вида межрегионального взаимодействия, при которых экономические, социальные и институциональные импульсы, поступающие из сопредельного региона, используются как дополнительный ресурс для решения задач регионального развития.

Переход от эпизодических и разрозненных межрегиональных взаимодействий к осознанному формированию интеграционных процессов может позволить регионам в полной мере использовать возможности расширения экономических и социальных связей, внедрения более продвинутого опыта в различных сферах экономики и социальной сферы, усилить свои возможности по решению совместных проблем, например в сфере экологии и регулирования миграции, стимулировать рост качества человеческих ресурсов и т.д.

Таким образом, региональные власти приграничных регионов находятся в условиях необходимости разработки взвешенного содержательного подхода к формированию региональной социально-экономической политики в области трансграничных

межрегиональных взаимодействий. Данная политика позволяет, с одной стороны, обеспечить использование преимуществ приграничного положения с целью повышения уровня социально-экономического развития региона, и, с другой стороны, предусмотреть меры по минимизации рисков экономической и социальной дезинтеграции региона в рамках национального экономического и социального пространства.

Для Российской Федерации развитие трансграничного межрегионального взаимодействия со странами СНГ имеет особую значимость (наличие необходимости активизации интеграционных процессов РФ и стран СНГ подтвердили более 80% опрошенных респондентов). Многолетнее сотрудничество, испытавшее существенный кризис после распада СССР, имеет перспективы обрести новое дыхание и динамику - при условии выработки механизмов по развитию взаимовыгодных устойчивых межрегиональных связей как основы для межрегиональной экономической интеграции регионов России и стран СНГ.

Если же данным интеграционным процессам не будет придана системность, подкрепляемая последовательностью действий, то будет нарастать ослабление роли фактора «общей трансграничной истории», связующих социальных связей. Так, более 30% респондентов полагают, что отношение населения приграничных регионов постсоветского пространства к интеграции ухудшается с течением времени; более 40% респондентов отмечают ухудшение в зависимости от возраста населения («молодежь поддерживает интеграционные процессы менее, что более старшее поколение»); более 60% респондентов полагают, что ухудшение отношения к интеграционным процессам на постсоветском пространстве связано с развитием сотрудничества постсоветских стран со странами дальнего зарубежья.

Таким образом, в интересах дальнейшего развития интеграционные процессы должны стать осознанным стратегическим приоритетом развития внешнеэкономических связей как для РФ, так и для стран СНГ. Вопрос заключается в поиске эффективных механизмов для реализации потенциала интеграционных процессов.

Механизм приграничного сотрудничества способен выступить катализатором этих интеграционных процессов. Сегодня уровень осознания необходимости и преимуществ развития межрегионального взаимодействия и эффективных форм приграничного сотрудничества позволяют говорить о наличии серьезных предпосылок для создания стратегий межрегионального взаимодействия стран постсоветского пространства, и реализующих их программ приграничного сотрудничества.

Более 95% опрошенных респондентов считают, что для усиления интеграционных процессов на постсоветском пространстве будет полезна инициация комплексной

программы приграничного сотрудничества. Что касается уровня реализации подобной программы, то респондентами как наиболее эффективные были выделены муниципальный и региональный уровни. При этом среди основных участников интеграционных процессов опрошенные видят не властные структуры и политические партии (3% и 7% соответственно), а население (30%), бизнес-структуры (30%) и общественные организации (20%).

Таким образом, на современном этапе экономического развития России вопросы регулирования и развития межрегиональной интеграции в рамках СНГ можно отнести к приоритетным направлениям социально-экономического развития как отдельных регионов, так и национальной экономики в целом. В рамках этого сотрудничества уже наметились четкие тенденции к развитию межрегиональной интеграции, формированию устойчивых кооперационных связей в различных отраслях экономики, гармонизации национальных законодательств, снятию торговых барьеров, однако многие из задач по развитию и обеспечению эффективной интеграции России и стран СНГ еще предстоит решить. Одним из возможных механизмов интенсификации интеграционных процессов способны выступить процессы приграничного сотрудничества - при условии системного подхода и разработки соответствующих целевых программ, а также активного вовлечения в их реализацию населения, бизнеса, общественных организаций.

О МЕХАНИЗМАХ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Т.Н. Каменева, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета

В.В. Зотов, доктор социологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского управления развития государственной и муниципальной службы . Курской академии государственной и муниципальной службы

Под механизмом управления развитием приграничных территорий понимается совокупность правил, процедур и методик принятия управленческих решений, учитывающих комплекс факторов, исходящих из приграничного положения региона, из высокой степени проницаемости границ его социально-экономического, демографического и социокультурного пространства.

Одной из основных причин неудачной реализации многих прогрессивных предложений и начинаний является именно отсутствие соответствующих механизмов управления. Так, очень часто различные Программы, Концепции и пр. формулируют цели

и задачи, т.е. говорят о том, «что следует делать», но о механизмах достижения целей дают крайне расплывчатое представление.

Существующие механизмы управления социально-экономическим развитием региона имеют следующие особенности и ограничения.

1. Большая часть функций по управлению социально-экономическими процессами сосредоточена по многочисленным органам власти, предприятиям, корпорациям, учреждениям.
2. Управление регионом со стороны административных структур имеет ограниченную сферу влияния, т.к. имеется возможность воздействовать лишь на те предприятия и организации, которые имеют незначительный удельный вес в экономическом и социальном потенциале региона.
3. Существующие административно-управленческие практики не коррелируют с экономическими механизмами управления предприятиями.
4. Существующий механизм управления регионом в настоящее время не обладает достаточной гибкостью для участия в решении межотраслевых вопросов в регионе, а также ограничивает возможности объединения усилий и экономических возможностей нескольких регионов для решения общей для них проблемы.

В данных условиях одним из важнейших приоритетов региональной политики становится реализация возможностей обеспечения формирования социальной среды для развития человеческого потенциала, понимаемого как «система физических и духовных сил человека, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышения качества жизни индивида»¹. Под «социальной средой» мы подразумеваем социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности. Социальную среду в инновационном контексте можно определить как благоприятную среду, подкрепляющую поведение, ориентированное на инновационную деятельность и саморазвитие.

Структурно социальная среда объективируется и проявляется, во-первых, в социальной инфраструктуре, представляющей собой комплекс соответствующих отраслей, социальных учреждений, во-вторых, в системе социальных связей, социальном пространстве, в котором реально осуществляется деятельность индивидов, их общение, взаимодействие, многочисленные социальные связи. Иными словами, первый аспект проявления социальной среды охватывает, условно говоря «рукотворную природу»,

¹ Куркина М. П., Зотов В. В. Человеческий потенциал как категория социального управления регионом // Бизнес Информ: научный журнал. 2012. №7. С. 53 - 56.

социальную инфраструктуру: жилищные, поселенческие и градообразующие комплексы с соответствующим набором социальных учреждений, второй — собственно систему общественных отношений, социальных связей. Социальная среда включает: а) инфраструктурный блок — комплекс соответствующих отраслей, социальных учреждений (социальная сфера); б) институциональный блок — комплекс социальных связей, отношений, институтов, регулирующих деятельность индивидов, их общение, взаимодействие, социальные связи (социальное пространство)¹. Ключевыми для поддержания благоприятной социальной среды являются здравоохранение, образование, спорт и отдых, ЖКХ, а также состояние окружающей среды — как природной, так и антропогенной.

В настоящее время приграничное положение региона зачастую воспринимается населением, скорее, как проблема, нежели преимущество. Так, по данным социологического исследования, проведенного автором в Курской области, граничащей с Сумской областью Украины, в рамках проекта «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства» в 2012 г. (N=400), большинство опрошенных респондентов указали на негативные стороны приграничного положения — «наличие трудностей общения со знакомыми и родственниками, оказавшимися в другом государстве» (41%), «наличие ограничений, связанных с перемещением по территории региона» (9%), в то время как позитивное следствие — «возможность сравнительно легко попасть за границу» — лишь 23%.

Достаточно тревожным выглядит и стремление и пятой части опрошенных (21%) переехать из приграничного региона в «обычный» на постоянное место жительства. И ключевым в этом желании является стремление к безопасности (45% от желающих переехать).

Регион является относительно целостным образованием (по географическому, экономическому, геополитическому, социальному или административно-политическому признаку). Являясь относительно обособленной социально-экономической подсистемой общества и национальной экономики, регион функционирует и развивается в пределах исторически данной правовой, экономической и социально-политической среды, качественная определенность которой в существенной мере зависит от действий государства. Отличительным свойством выделяемого таким образом региона является доминирование внутренних более интенсивных социальных связей, которые и образуют

¹ Иванов С.А., Ложко В.В. Роль социального пространства в развитии инновационных свойств человеческого потенциала региона // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 243 — 248.

социальную среду региона. Это проявляется в движении товаров и услуг; финансовых потоков; социальной мобильности и частоте социальных коммуникаций.

В данных условиях региональные органы власти выполняют две основные функции: управление функционированием региона и управление развитием региона. Не умаляя значения первой функции, можно сказать, что функция обеспечения регионального развития становится все более значимой.

Управление региональным развитием предполагает использование форм и методов согласования интересов центра и регионов, совершенствования механизмов государственной поддержки социально-экономического развития субъектов РФ.

В основе управления на региональном уровне лежат:

- представление о возможностях каждой региональной системы;
- формирование на этой основе пространственной стратегии и региональной политики;
- оперативный режим планирования комплексного развития региональной системы.

Социальная среда региона характеризуется системой показателей, описывающих условия существования людей на этой территории. При этом особо выделяются те из них, от которых зависит потенциал роста и развития. По мнению О.В. Байдаловой, социально-экономические процессы в регионе могут быть рассмотрены опосредованно – через выявление социальных настроений, интересов, ориентиров субъектов социального развития (различных социально-демографических групп населения)¹. Поэтому, по её мнению, индикатором жизнедеятельности социальных субъектов может быть социальное самочувствие как сложная многофакторная категория, определяющая отношение населения к своему месту в системе социальных связей, степень его адаптированности к изменившимся социальным реалиям.

Другие ученые считают, что забота о качестве жизни населения – это главная задача региональных органов власти, решение которой требует использования всего имеющегося финансово-экономического потенциала региона в рамках единых общегосударственных интересов², поэтому разработку и внедрение концепции качества жизни можно рассматривать как эффективное средство повышения благосостояния россиян. При этом качество жизни представляет собой сложный интегральный показатель, аккумулирующий все значимые для личности условия существования, уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей. Современные исследователи качества жизни считают необходимым рассматривать эту категорию как

¹ Байдалова, О.В. Развитие региона как социальной системы : Социальные показатели и индикаторы : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08.- Волгоград, 2002.- 304 с.

² Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Шаповал Ж.А. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. 2010. № 4. С. 63 – 72.

системную целостность, выражающуюся через сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество природной среды, здоровья людей, образования, культуры¹. Анализ динамики показателей качества жизни является основанием для оценки эффективности деятельности органов государственного управления, служит инструментом для выявления социальных проблем региона, а также определения основных параметров будущей социальной политики. Для оценки качества жизни применяются разнообразные методики, использующие объективные (статистические) показатели и субъективные индикаторы, фиксируемые в социологических исследованиях. Наибольшее распространение получили методики, базирующиеся на критериях качества жизни, предложенная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), и на определении индекса развития человеческого потенциала - на основе объективных (статистических) и субъективных (опросных) показателей, используемая ООН.

Сегодня одной из базовых ценностей российского общества является социальное государство, идея которого официально сформулирована в Конституции РФ. Поэтому теоретико-методологической основой реализации оценки эффективности государственного управления служат концепция социально-ориентированного государства и концепция человеческого потенциала.

Это означает, что основной целевой установкой стратегического развития государства должно быть изменение образа жизни как способа, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, типичной для конкретно-исторических социально-экономических отношений. Подобное понимание основной цели означает, что социальные и личностные ориентиры становятся определяющими при выборе различных вариантов стратегического развития.

Согласно концепции социального государства программной целью государства является обеспечение определенного качества жизни населения путем проведения соответствующей социальной политики. Но в тоже время необходимо учитывать тот факт, что негативным эффектом реализации концепции социального государства является упадок в обществе «духа предпринимательства» и инициативы.

Поэтому концепция социального государства должна быть дополнена концепцией развития человеческого потенциала, которая рассматривает развитие человека как собственно цель и критерий общественного прогресса. Такой подход предполагает, что при принятии решений внимание будет сосредоточено на человеке и его потенциале как цели усилий в области управления региональным развитием. Выработка, обоснование и

¹ Бетин О.И., Герасимов Б.И., Дробышева В.В. Экономический анализ системы управления качеством жизни. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 10.

реализация различных социально-экономических программ и конкретных направлений региональной политики осуществляется с точки зрения человеческого развития. Таким образом, уже не экономическая ценность человека через его способность к производительному труду приводит к всеобщему благосостоянию, а саморазвитие человека через расширение возможностей индивидуального выбора.

Это означает, что основным целевым показателем развития социальной среды региона должен стать показатель глокальности, который показывает уровень развития потенциала местных акторов в глобальном контексте. Наступает такой период общественного развития, когда эффективность управления определяется не столько уровнем потребления и масштабами материального производства, сколько способностью оптимально использовать находящиеся в ограниченном количестве ресурсы, применяя возможности инновационных технологий. Значимыми характеристиками социальной среды региона становятся, с одной стороны, имидж, харизматичность, креативность, а с другой – динамичность, пластичность, мобильность. Поэтому максимальное значение этот показатель будет иметь, если регион становится самодостаточной территорией, на которой создана имеющая глобальное значение инновационная инфраструктура, обеспечивающая полный инновационный цикл.

Проектный тип управления развитием регионов является практически ориентированной деятельностью, направленной на выдвижение проектных решений. Управление социально-экономическим развитием региона осуществляется с помощью широкого спектра различных стратегий, программ, конкретных действий и одноразовых мероприятий, посредством которых власть стремится стимулировать развитие региона за счет формирования благоприятной социальной среды. Базовая единица развития – это социальный проект как мысленная конструкция какого-либо заранее спланированного изменения, ориентированного на человека, социокультурную ситуацию, проблему или систему, целью которой является создание или поддержание определенных оптимальных режимов функционирования и/или развития при определенных ресурсных ограничениях. В проекте отражено будущее желаемое состояние системы, которое возникает при определенных действиях принимающих решение лиц, наличии определенных финансовых, трудовых, материальных и других ресурсов, в том числе интеллектуальных. Поскольку в процессе инициации проекта преобладает волевое начало, это порой ведет к тому, что соответствующие планы и программы в рамках проектов оказываются волюнтаристскими, субъективистскими, произвольными (с повышенным риском неоптимальности, несостоятельности). Снижение элемента волюнтаризма возможно за счет введения в проектное управление объективного, исследовательского начала, с тем,

чтобы оно в большей степени основывалось на принципах научности, с повышенным уровнем ожидаемой эффективности принимаемых решений. На этом этапе большое значение имеет технологии экспертизы и конкурсного отбора.

Технология экспертизы призвана определить уже на этапе планирования проекта, будет ли обеспечено исполнение нормативных, экологических и иных требований в процессе его реализации. Ее использование основано на понимании того, что предупреждение негативных последствий всегда связано с меньшими издержками, чем их устранение. Проведение экспертизы проектов как механизм предупредительного контроля за деятельностью региональных властей получает в настоящее время широкое распространение. Грамотно проведенная общественная экспертиза является источником объективной информации о потребностях и ожиданиях различных социальных групп, их оценке принимаемых органами власти решений, а также – при соответствующем инструментарии – и источником инновационных решений (механизм краудсорсинга).

Как указывалось выше, особенностью социальной среды приграничного региона является высокая степень ее открытости воздействиям со стороны сопредельных территорий. Эта открытость является источником множества угроз геополитического, криминального, социокультурного и т.п. характера. Очень часто именно такого рода угрозы ставят во главу угла, рассматривая приграничное положение региона. Позитивные эффекты приграничного положения учитываются не столь часто – прежде всего, потому, что их достижение чаще всего сопряжено с серьезными управленческими усилиями. Негативные же эффекты проявляются сами по себе – без всяких усилий.

Тем не менее, позитивное влияние приграничного положения региона на его социальную среду может проявляться комплексно – в сочетании экономических, политико-правовых, социокультурных и др. факторов. Например, применение различных форм и методов проектного управления в целях развития приграничного региона может задействовать научный и управленческий потенциал сопредельных территорий за счет привлечения экспертных групп из сопредельного региона, а также заимствования опыта административно-политического и корпоративного управления непосредственно у его носителей.

Повышение эффективности социальных проектов развития приграничных регионов возможно за счет введения в данный процесс инновационного элемента. В данном случае в качестве инновационного может рассматриваться построение единой информационной среды приграничного сотрудничества.

Интеграция административно-управленческих структур, предприятий и корпораций в единое приграничное пространство возможно при условии существенного

роста их информационного потенциала. Информационный механизм должен стать важнейшей составляющей комплексного механизма управления деятельностью и развитием региона. Для современного этапа развития целесообразно формирование информационного механизма в составе:

- механизма организации оперативной и фундаментальной научно-технической информации о новейших достижениях отечественной и зарубежной науки и техники;
- механизма распространения (диффузии) нововведений на основе разнообразных контактов разработчиков и потребителей технических, организационных и социокультурных новшеств;
- механизма маркетинговой информации о состоянии рынка потребительских товаров, рынка технологий и рынка промышленной (интеллектуальной) собственности;
- механизма рефлексивного взаимодействия предприятий, конкурирующих на рынке, и соперничающих организаций - разработчиков новых видов продукции и технологий¹.

В условиях формирования единого информационного пространства социальная среда приграничных регионов становится более восприимчивой к позитивным сигналам извне. Информационная открытость позволит также блокировать негативные эффекты регионального развития. Такого рода интеграция в рамках единого информационного пространства создает возможность как для кооперации приграничных регионов в рамках социальных, экономических и социокультурных проектов, так и для их конкуренции в пределах показателей качества жизни населения или развития человеческого потенциала.

Таким образом, приграничное положение региона Российской Федерации характеризуется комплексом позитивных и негативных коннотаций, каждая из которых может быть актуализирована в силу либо естественного развития ситуации, либо в результате целенаправленного управленческого воздействия. Превращение приграничного положения региона из угрозы его социальной среде в источник ее развития и позитивной трансформации востребует использование проектного подхода, в основе которого – формирование единой информационной среды и интеграция ресурсов сопредельных регионов. Особенностью информационного ресурса является то, что его предоставление кому-либо обогащает обе стороны. Методологическим основанием управления развитием приграничных регионов в условиях глокализации социальной среды должны стать концепция социального государства и концепция развития человеческого потенциал.

¹ Круглова Н.Ю. Хозяйственное право. 2-е изд. – М.: Издательство РДЛ, 2001.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГЕМ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Каменский Е.Г., кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Начало второго десятилетия XXI века продолжает сегодня четко обозначившуюся тенденцию глобализационных процессов, происходящих на фоне внешне стохастических процессов поддержания гомеостатических состояний национальных культурно-политических систем.

Справедливо акцентируется то обстоятельство, что «...каждый великий народ, создавший своё национальное государство, формирует собственную национальную идею, главное предназначение которой состоит в определении национально-государственной идентичности в ряду других народов. Различаются также наднациональные идеи, сформулированные на основе цивилизационных, культурно-исторических или вероисповедных принципов, критериев, ценностных систем и т.д.»¹.

По сути, речь идет о сохранении более или менее четко осознаваемой и позиционируемой национальной идентичности. Последняя в исторической ретроспективе обуславливалась объективными особенностями культурного строительства, детерминированными, в свою очередь, определенным факторным комплексом в основном естественного (природного) происхождения. Однако сама культура, выступив результатом опредмечивания человеком своей духовности и распредмечивания мира и репрезентируясь как референтное пространство жизни индивидуумов и их сообществ (социума вообще), в своем материальном аспекте позволила замещать указанный факторный комплекс иным, антропосоциокультурным факторным комплексом. В этом, по нашему мнению, и состоит ключевая особенность указанной в заголовке статьи проблемы, так как именно она позволяет снимать по сути непреодолимые ранее культурно-политические различия национальных социумов, интегрируя их в унифицируемое пространство новых стандартов, в том числе политической жизни.

Действительно, «идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер. В её содержание

¹ Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400

входят установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы и т.д. Она теснейшим образом связана с понятием «национальный характер». Здесь речь идёт о представлениях людей о себе, о своем месте в мире. Национальная идентичность интегрирует в себя внутренние и внешние составляющие»¹.

И в искусстве, и в философии, и в науке уже неисчислимо часто употребляют устоявшийся тезис о том, что границы российской цивилизации невозможно определить четко. Однако все упоминают некую «русскую душу». «Древнерусская тоска», «загадочность», «хлебосольность» и прочие эпитеты не более, однако, чем метафоры. На данных основаниях строить представление о типе цивилизации и направлениях ее развития в контексте интеграционных процессов глобализации невозможно. Вероятно, некая консолидирующая ценность, национальная идея может способствовать формированию неких поддающихся идентификации характеристик общества. Это будет тем более верным, если вспомнить о культурной и конфессиональной разнородности России, не говоря уже об усилившейся материальной поляризации населения, не позволяющих «подогнать» всех под общий знаменатель на основе каких-либо «чисто культурных» или политических ценностей. Для иллюстрации данной проблемы в странах постсоветского пространства, на наш взгляд, корректнее всего использовать теорию темпоральной многослойности современности, одним из ярких представителей которой является П.К. Гречко².

В силу того, что процесс становления национально-государственной идентичности включает в себя совокупность социальных ролей и норм поведения, характер которых обусловлен представлениями о взаимоотношениях с государством, размытость данных показателей, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, может привести к конфликтности социального поведения, а также к напряжениям во взаимодействии с социальными институтами³.

Проведенный анализ базовых характеристик массового сознания россиян в отношении сформулированности национальной идеи показал, что в целом оно хаотично и не соответствует государственной стратегии формирования национального бренда, поскольку официальные документы и структуры, работающие в этой области, выделяют

¹ Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400

² Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме [Текст] / П.К. Гречко // Общественные науки и современность. 2000. №2.; Гречко П.К. О социально-историческом статусе современности [Текст] / П.К. Гречко // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2000. №1.; Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / Курмелева Е.М., Гречко П.К. – М.: *РОССПЭН*, 2009.

³ Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. - М.: ЦСПиМ, 2010. – С.67.

необходимость формирования положительного восприятия нашей страны в целом, которое напрямую зависит от идентичности ее бренда. Так, по замыслу Министерства экономического развития РФ, национальный российский бренд должен представлять нашу страну как государство, обладающее уникальными возможностями в области производства товаров и услуг, с богатым научным и образовательным потенциалом, культурными традициями, природно-рекреационными ресурсами и опираться на такие бренды товаров и услуг, как, например, «сделано в России», «Российское качество» и т.д. Однако в понимании населения бренд «Россия», хотя и обладает высокой ценностью на внутригосударственном уровне (3 балла), но эта оценка в большей степени основывается на понимании того, что страна является для граждан Родиной. Также на это оказывает влияние культурно-историческое наследие, отсюда ее положительные оценки. В то же время размыто понимание мировой значимости российской национальной идеи, и в целом респонденты низко характеризуют международную позицию, обозначая, что бренд «Россия» имеет небольшую ценность на мировой арене (по шкале Осгуда). В рамках исследования было предложено отметить суждения, отражающие уникальные особенности России, с которыми они согласны (шкала Гутмана). Проанализировав результаты, выяснилось, что в уникальность нашей страны заключается в масштабности ее территории, природных ресурсах (в частности газа), национальных героях, деятелях культуры и искусства, научных, литературных достижениях (80-100%), военно-оборонных разработках прошлых лет (автомат Калашникова, минное оружие) (83,9%) национальных промыслах (70%), а также в многонациональности страны (96,2%). Однако приведенные данные, по сути, не характеризуют российскую идентичность как сколько-нибудь уникальную. В современном мире данными характеристиками обладают почти все развитые государства.

Таким образом, можно сформулировать смысловое содержание реальной национальной идеи России, присутствующей в массовом сознании граждан. Оно заключается, в устоявшемся для них образе страны: Россия - это невезучая страна, с большим культурным наследием, это место жительства, а также Родина. Опрашиваемые определили Россию как бедную страну олигархии, коррупции и иммигрантов, но при этом мировую державу, страну возможностей с богатейшим культурно-историческим наследием. В целом же понимание смыслового содержания бренда «Россия» характеризуется хаотичностью с одной стороны и, как следствие, сложившимся стереотипным и, в большей степени, негативным имиджем страны в целом. А с другой, оно определяется отсутствием национально-государственной идентичности, что ведет к

снижению уровня патриотизма, политической активности, развивает потребительское отношение к государству и друг к другу, тем самым ослабевая единство народа.

Для корректировки сложившейся ситуации, по нашему мнению, необходимо уделить внимание конкретным вопросам интеграции государств постсоветского пространства, где Россия занимает лидирующие позиции, в мировое цивилизационное пространство, а не предпринимать попытки создания новых конгломератов типа СНГ. Данные анклавов лишь усугубляют процессы размывания национальных идентичностей, так как ряд прозападно настроенных стран-партнеров не несет для России идеологических преимуществ и имитирует процессы сотрудничества с целью реализации сугубо экономических интересов. Ситуация такого рода приводит к дихотомии массового мировоззрения, его мозаичности и ситуативности в условиях глобальной трансформации самих оснований прошлого миропорядка. Именно это обстоятельство, подтвержденное эмпирическими показателями, актуализирует ускорение процессов формирования четкой транснациональной идеи развития как способа снятия деприваций кризиса национальных идентичностей. Очевидно, что силами лишь национальных систем этот вопрос уже решить невозможно, так как, нарушая принцип диссипативности, сами эти системы деструктурируются и распадаются. Для глобального общества это означает деструкцию всей мировой системы во всех сферах общественной жизни. Именно в данном случае формирование транснациональных приоритетов развития мировых регионов, таких как постсоветский регион, является определяющим условием победы в борьбе за приоритеты в определении общемировых магистралей развития общества. Соответственно, сегодня ключевой выступает проблема создания и отладки механизмов формирования консолидирующего идеологем интеграции приграничных регионов бывшего СССР в единый субъект социокультурного и политико-экономического взаимодействия с западной цивилизацией.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»)

А.Л. Кирнос, студент Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

В.В. Шемякин, студент Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Основой взаимодействия между регионами Российской Федерации и административно-территориальными образованиями Украины являются Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной 1997 г. и Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе. В развитии двустороннего взаимодействия на межрегиональном уровне позитивную роль играет Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной на 2011-2016 гг., подписанная 4 октября 2010 года в рамках Первого украинско-российского межрегионального экономического форума в г. Геленджике Президентами Российской Федерации и Украины. К настоящему времени разработаны мероприятия по ее реализации, в которых дана оценка состояния межрегионального и приграничного сотрудничества, определены его важнейшие направления и перспективы, а также механизм реализации. План мероприятий к Программе подписан 7 июня 2011 года в рамках 8-го заседания Комитета по вопросам экономического сотрудничества от 2004 г.

Действие вышеуказанного соглашения распространяется на 6 субъектов Российской Федерации - Белгородскую, Брянскую, Воронежскую, Курскую, Ростовскую области и Краснодарский край, - и 6 регионов Украины – Донецкую, Луганскую, Сумскую, Харьковскую, Черниговскую области и Автономную Республику Крым¹

Взаимные экономические интересы регионов обоих государств обусловлены, прежде всего, высоким уровнем исторически сложившихся производственных, кооперационных и технологических связей практически во всех сферах экономики и объективной необходимостью их сохранения и развития на взаимовыгодной основе. В межрегиональном и приграничном сотрудничестве России с Украиной определились лидеры двусторонней торговли.

Доля 20 регионов Российской Федерации в общем объеме товарооборота с Украиной за 9 месяцев 2011 года составила 44%, из них Белгородская область – 11%, Москва – 8%, Ростовская область – 6%, Московская область – 4%, Санкт-Петербург - 3%, Краснодарский край – 2%².

Остановим внимание на экономических связях перспективах развития экономических отношений в конкретном приграничном регионе. Еврорегион «Слобожанщина» создан 7 ноября 2003 года в Харькове руководителями органов исполнительной власти и местного самоуправления Харьковской и Белгородской

¹ Информационный портал межрегионального приграничного сотрудничества
<http://www.euroregion.ru>

² Портал Внешнеэкономической Информации
http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ua/ua_ru_relations/ua_ru_trade/ua_ru_trade_subjects/

областей Украины и Российской Федерации, соответственно, как высшая форма приграничного сотрудничества с целью гармонизации взаимодействия сторон для реализации основных социально-экономических функций пограничья, устранения излишних барьеров для контактов населения, привлечения инноваций и инвестиций для стабилизации и роста экономики, активизации межрегионального экономического сотрудничества. Территориально еврорегион охватывает Белгородскую область Российской Федерации и Харьковскую область Украины.

Подчеркнём тот факт, что Белгородская область является лидером в России по итогам двухсторонней торговли с Украиной (11% товарооборота). Этот результат заставляет задуматься, а предел ли это? Есть ли эффективные механизмы и пути увеличения этого показателя и изменения экономического состояния региона в целом. Всестороннее экономическое развитие является одной из первых и основных задач Еврорегиона «Слобожанщина». Но для начала давайте остановимся на том, чего же достиг регион с момента создания Еврорегиона.

Рост товарооборота по-прежнему наблюдается в приграничных регионах. Причинами этого являются, прежде всего, географическая близость торговых партнеров, взаимодополняющая друг друга промышленность. Определенную роль также играет учёт транзитных грузов; особенно много товаров проходит в Российскую Федерацию через таможенные посты Белгородской области. Продолжает увеличиваться импорт из Украины в Белгородскую область чёрных металлов и изделий из них, сельскохозяйственной продукции, ядерного оборудования, железнодорожных локомотивов. Белгородская область на сегодняшний день вызывает наибольший интерес в плане расширения контактов с украинскими областями. В ходе рабочего визита Президента Российской Федерации Д.А.Медведева на Украину (21 апреля 2010 г., г. Харьков) была достигнута договоренность о проведении Российско-Украинских межрегиональных экономических форумов. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2010 г. №1167-р принято решение об образовании Организационного комитета по подготовке и проведению Российско-Украинских межрегиональных экономических форумов, распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2010 г. №1610-р сформирован состав Оргкомитета. Постановлением Правительства РФ от 3 августа 2011 года №646 «Об образовании Межведомственной комиссии по подготовке и проведению международных межрегиональных экономических форумов» в России образована межведомственная комиссия, созданная в связи с необходимостью активизации межрегионального и приграничного сотрудничества. Подписанием данного распоряжения, распоряжение №1610-р и 1167-р утратили силу.

В 2011 году прошёл ряд крупных мероприятий, направленных на укрепление межрегиональных торгово-экономических связей. На данный момент прошли 2 масштабных форума с участием Президентов стран - в 2010 г. в г. Геленджике и в 2011 г. в г. Донецке. Однако на сегодняшний день всё же существуют проблемы, которые затрудняют развитие экономических отношений Белгородской и Харьковской областей. Одной из основных проблем, на наш взгляд, является отсутствие крупных бизнес-проектов и заинтересованности бизнес-элит в повышении качества экономических связей между областями. В тоже время, для решения этой проблемы власти Харьковской и Белгородской областей регулярно инициируют встречи, форумы и круглые столы для решения этой проблемы.

Второй, по нашему мнению, проблемой является, то, что Белгородская область имеет весьма скромную долю в российском экспорте в Украину. Однако положительным является рост ее доли на фоне общего увеличения объемов экспорта. На наш взгляд, также необходимо учесть то, что область не является поставщиком топливно-энергетических ресурсов, занимающих значительный удельный вес в товарной структуре российского экспорта в Украину.

Что касается импорта Белгородской области из Украины, то здесь ситуация совершенно другая. На Белгородскую область приходится пятая часть всего импорта из Украины, причем эта доля постоянно увеличивается. По нашему мнению, этот факт можно объяснить двумя причинами. Во-первых, область является приграничным регионом, и большая часть товаров ввозится для использования и реализации на территории других субъектов РФ. Во-вторых, происходящий до кризиса постоянный рост курса рубля по отношению к украинской гривне стимулировал импортную деятельность белгородских предпринимателей. Для решения существующих проблем требуется создание сбалансированной системы взаимоотношений посредством развития общей инфраструктуры, что будет способствовать не только развитию экономического сотрудничества, но и повысит региональную конкурентоспособность. Также возможно развитие экономического сотрудничества в аграрной сфере. Создание единого аграрного рынка помогло бы предотвратить рост цен на продовольственные товары как в России, так и в Украине.

Одной из проблем экономического сотрудничества является бюрократическая процедура таможенного оформления грузов на российско-украинской границе. Также в данном контексте ставится вопрос о скорейшей демаркации сухопутной границы, что связано с приездом большого числа российских граждан в Украину в 2012 году на Чемпионат Европы по футболу. С этой же целью идет крупномасштабное строительство

автобана Симферополь — Харьков — МАПП «Гоптивка». В настоящее время активно развиваются основные направления экономического сотрудничества в рамках Программы развития приграничного сотрудничества Харьковской области до 2011 года. В рамках экономического сотрудничества проводится образовательный проект по повышению конкурентоспособности классического образования.

Таким образом, исследование предпосылок российско-украинского экономического сотрудничества, анализ торговых и инвестиционных отношений между странами, выявление перспектив экономической интеграции позволяют сделать вывод о значительном потенциале и возможностях взаимовыгодного сотрудничества. Эффективное функционирование еврорегиона «Слобожанщина» будет способствовать ускоренному социально-экономическому развитию Белгородской и Харьковской областей, а также укрепит основные направления российско-украинского сотрудничества.¹

В заключение отметим, что многие начинания администраций приграничных областей не находят своего развития исключительно по политическим причинам. И до тех пор, пока политический фактор будет являться основным в отношениях между странами, будут расти «упущенные возможности» от сотрудничества в сфере экономики, инноваций, образования, культуры и т.д.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

М.В. Кожемякин, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Балтийского федерального университета им. И. Канта

И.С. Шаповалова, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета

Модернизация систем образования в постсоветских странах, а именно в странах Балтийского региона, вызывает пристальный интерес со стороны представителей различных отраслей науки — политологов, социологов, педагогов, психологов, экономистов и т. д. С другой стороны, происходящие изменения в системах образования данных стран волнуют жителей этих государств. Именно образование во многом

¹ Павлов К.В., Растворцева С.Н. Развитие Межгосударственной интеграции в СНГ и ЕврАзЭС

определяет будущее развитие регионов, определяет — будет ли востребован и конкурентоспособен выпускник того или иного учебного заведения на рынке труда, который уже не может быть определён локально — местом проживания человека, но который можно назвать международным. Страны Балтии, такие как Латвия, Литва и Эстония, претендуют на то, чтобы занять определённую нишу в международной экономике и политике — нишу не менее значимую, чем занимают такие страны, как, например, Германия, Великобритания, Франция и т.д. Всё это обуславливает необходимость трансформации систем образования, т.к. стало очевидным, что советское наследие в данном аспекте не может быть пригодным на современном этапе.

Но существует и иной интерес к данной проблеме: восприятие процессов трансформации образовательных систем как индикатора развития и преобразования приграничных регионов постсоветского пространства. Изменения в образовательных системах в странах Балтийского региона наглядно демонстрируют нам возможность интеграции в единое образовательное пространство Евросоюза, с одной стороны, и специфику такой интеграции приграничных к России территорий, с другой. Сложность процессов интеграции и развития стран Балтии, как приграничных регионов постсоветского пространства, наличие характерных особенностей, требующих отдельного изучения неоспоримо признали 100% экспертов, участвующих в нашем исследовании. Экспертами в нашем исследовании стали 26 представителей общественности Калининградской области. Исследование было проведено в августе 2012 г. Экспертная группа, в состав которой вошли представители системы образования (34,61%), СМИ (19,23%), государственные служащие (19,23%), ученые (19,23%), предприниматели (7,6%), выделила следующие особенности развития приграничных территорий стран Балтии: развитие трансграничного сотрудничества (100%), большая внешняя открытость (57,69%), интенсивные миграционные процессы (26,92%).

Специфика и проблемы развития приграничных регионов, влияние миграционных процессов на их стабильность настолько велико, что большинство экспертов затруднились однозначно ответить на вопрос, есть ли необходимость активизировать интеграционные процессы постсоветских государств Балтийского региона (53,84%), хотя довольно большая группа экспертов отмечает желательность и возможность такой активизации (46,15%).

В качестве перспективных интеграционных процессов для стран Балтийского региона все эксперты отмечают экономическое сотрудничество и сохранение культурно-исторического наследия (100%), а 53,84% указывают на актуальность темы нашего исследования - научное сотрудничество и образование.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития интеграционных процессов, как в области образования, так и в других областях соприкосновения территорий постсоветского пространства, эксперты следующим образом оценили значимость, успешность и востребованность интеграционных проектов (рис.1).

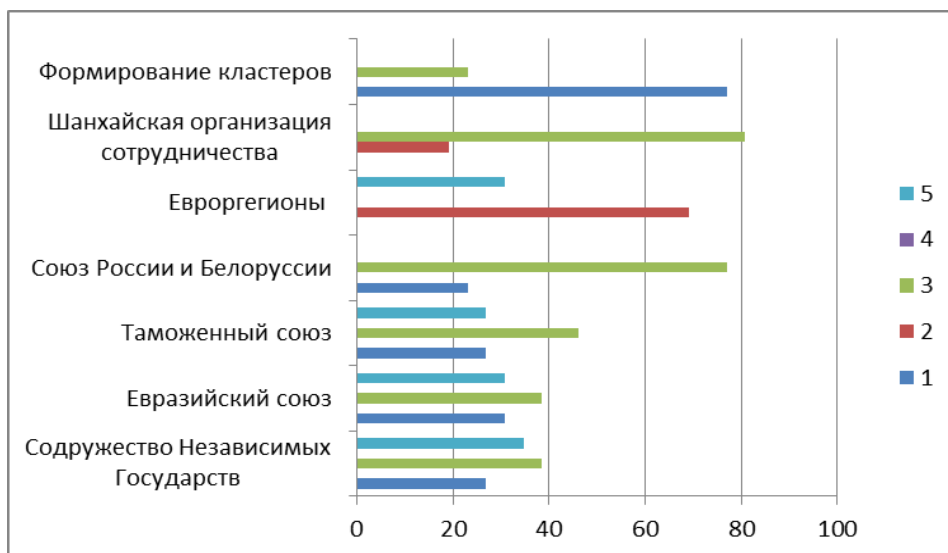

Рис. 1. Экспертная оценка интеграционных проектов

Экспертное сообщество Калининградской области в большинстве своем удовлетворительно оценило ряд интеграционных проектов (превалирующая оценка – 3 балла). Но при этом есть и проекты, которые большинство экспертов оценило неудовлетворительно (1-2 балла) – в частности, проект «Еврорегионы» (69,23%) и проект по формированию кластеров (76,92%).

В развитии приграничных регионов стран Балтии 100% экспертов видят усиление инвестиционной привлекательности, которая может быть выражена посредством разработки и реализации совместных инвестиционных проектов (100%), минимизации таможенных барьеров (76,92%) и инвестиционных рисков (15,38%).

Эксперты также отмечают ряд барьеров инвестиционной активности приграничных регионов, выделяя среди них коррупцию и несовершенство нормативно-правовой базы (100%), политическую нестабильность (76,92%), отсутствие традиций (38,46%).

В Калининградской области нами было зафиксировано наличие четкого представления экспертного сообщества о факторах, влияющих на повышение инвестиционной привлекательности приграничных регионов (рис.2).

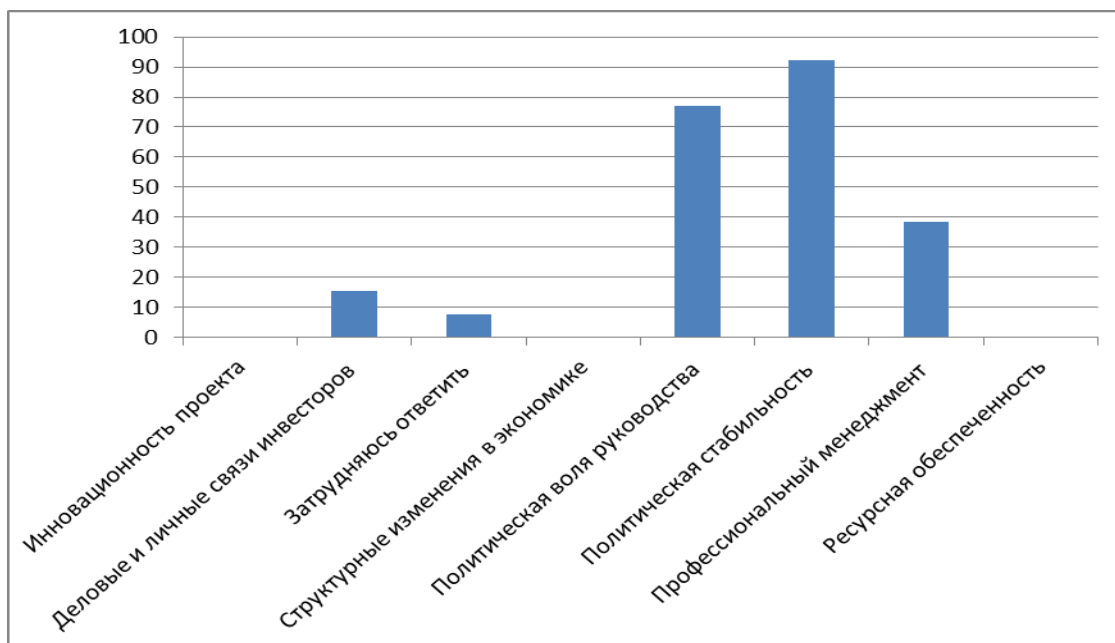

Рис. 2. Факторы, повышающие инвестиционную привлекательность приграничных регионов

Наибольшее значение в этом вопросе эксперты придают политической стабильности (92,30%), политической воле руководства (76,92%) и профессиональному менеджменту (38,46%). Отсутствие этих трех важнейших компонентов однозначно признается экспертами в ответе на вопрос об известных экспертному сообществу успешных инвестиционных проектах – 92,30% экспертов указывают отсутствие таковых.

Переходя к исследованию роли образовательной сферы в интеграционных процессах, мы выяснили, что положительное влияние модернизации образовательных систем на развитие и перспективы интеграции приграничных территорий отмечают 61,53% респондентов. Проявление позитивного характера влияния исследуемой сферы отмечается экспертами в развитии академической мобильности и международного сотрудничества (61,53%), в повышении конкурентоспособности образовательных учреждений и интеграции системы образования и экономики (30,76%).

Для оценки собственно модернизации национальных систем образования мы воспользовались алгоритмом, предложенным доктором психологических наук, доцентом кафедры общей психологии Балтийского федерального университета И.Н. Симаевой. Как отмечает И.Н. Симаева, оценка трансформаций систем образования осложнена рядом трудностей, которые сводятся к следующему. Во-первых, это сложность определения критериев оценки, т.к. образование многозначно связано с другими подсистемами общества. Во-вторых, декларативность многих документов, служащих материалом

анализа, но зачастую отражающих установки правительств соответствующих государств, а не истинное положение дел. В-третьих, несистемное публичное представлений концепций модернизации, что затрудняет понимание логики преобразований со стороны общественности и профессиональных сообществ. В-четвёртых, акцент на организационно-экономических аспектах модернизации без учёта социальных, психологических последствий данных преобразований¹.

Поскольку изменения в обществе предполагают трансформацию индустриальных ролей, важным моментом модернизации является трансформация традиционного статуса образовательных учреждений и предоставление им относительной свободы в организации образовательной деятельности. Так, например, в Польше, Литве, Латвии и Эстонии основным инициатором обновлений образовательных процессов являются сами университеты, которые непосредственно связаны с общественными структурами, предприятиями малого, среднего и крупного бизнеса, промышленной отраслью и т.д. Иными словами, государство предоставляет максимальную автономию университетам, предлагая им самостоятельно определять структуры и содержание образовательных программ в зависимости от нужд того или иного региона.

В настоящее время модернизация национальных систем образования в странах Балтии происходит в соответствии с Болонской декларацией и другими международными документами, под влиянием которых каждая из стран-участниц добровольно приняла обязательство реформировать собственную систему образования с целью их сближения на европейском уровне. Процесс таких трансформаций порожден признанием того факта, что создание единой европейской зоны (Евросоюза) в значительной мере упростило миграционные процессы, сделало актуальным вопрос о профессиональной квалификации, овладении навыками в ключевых областях и, соответственно, возможностях трудоустройства выпускников высших учебных заведений. Иными словами, Болонское соглашение накладывает на страны-участницы определённую долю ответственности за подготовку высококвалифицированных профессионалов, отвечающих требованиям наиболее развитых стран — Германии, Франции и т. д.

Модернизация систем образования движется в направлении всё большей открытости, что подразумевает её самоорганизацию на уровне взаимодействия государства и общества, т.е. предполагается диалог между правящими элитами и обществом в этом аспекте. Признаки такой направленности следующие:

¹ Симаева И.Н., Фуксон Л.М. Глобализация и развитие региональной системы образования. - В кн.: Регион сотрудничества. - Калининград, 2004. - Вып.13(38). - С. 45-58.

- минимальные государственные требования к нормативной обеспеченности образовательных учреждений (методической, кадровой, информационной, материально-технической);
- создание нормативно-правовой базы для обеспечения широкого развития многообразных договорных отношений в сфере образования (между гражданами и образовательным учреждением, образовательным учреждением и его учредителями, образовательными учреждениями и работодателями);
- правовые и экономические механизмы соучредительства и софинансирования образовательных учреждений органами государственной власти федерального и регионального уровня и органами местного самоуправления;
- публичность деятельности образовательных учреждений и органов управления образованием, в том числе и в части использования бюджетных и внебюджетных средств;
- инновационная деятельность образовательных учреждений, поддерживаемая путем финансирования и софинансирования наиболее значимых образовательных проектов;
- развитие негосударственных образовательных организаций при одновременном усилении контроля над качеством реализации ими образовательных программ;
- повышение ответственности образовательного учреждения за невыполнение своих функций, определенных уставом, нормативных условий образовательного процесса, государственного образовательного стандарта и др.

Стоит отметить, что оценка успешности процесса модернизации национальных систем образования осложняется временной отсрочкой контролируемых результатов. Последствия тех или иных действий в аспекте изменений в данной системе можно отследить и, соответственно, внести определённые коррективы, возможно лишь через несколько (4-6) лет после начала трансформаций.

Что же касается анализа актуального состояния модернизации национальных систем образования стран Балтии, то здесь мы обращаем внимание на следующие аспекты:

1. Инициаторы и источники ресурсов модернизации. Здесь речь идёт об акторах, которые обладают разного рода активами - ресурсами, собственностью, квалификацией и т. п., т. е. всем тем, что может быть вложено в развитие объекта. Иными словами, говоря об инициаторах модернизации, мы отвечаем на вопрос: кто — государство или общество — является таковым? Стоит отметить, что мировой

финансовый кризис внёс определённые коррективы в действия акторов, т. к. любое вложение характеризуется определённой степенью риска, что особенно актуально в современных условиях.

2. Цели и задачи модернизации, т. е. формулировка желаемого результата изменений и шаги по его достижению.

3. Механизмы модернизации. Здесь имеются в виду следующие механизмы, служащие выполнению задач и достижению цели модернизации: структурно-функциональные изменения, изменение общих условий функционирования образовательных учреждений, изменения в управлении образовательными учреждениями и системой образования в целом.

4. Социально-политические и экономические условия, в которых протекает процесс модернизации систем образования.

Основными источниками информации, подлежащей дальнейшему анализу, выступают документы Болонского соглашения, программы перспективного развития Латвии, Эстонии и Литвы, а также экспертные оценки по вопросам модернизации национальных систем образования соответствующих стран.

Данная концепция исследования была реализована на примере анализа модернизации национальных систем образования стран Балтии. На основании оценки модернизации системы образования в Латвии, Эстонии и Литве, можно отметить, что, несмотря на определённые успехи в этом процессе – переход на общеевропейские стандарты обучения, введение европейских приложений к дипломам, рост международного сотрудничества и академической мобильности, продолжает действовать и ряд препятствующих данному процессу факторов. Среди основных из них можно назвать недостаточное финансирование реформ, что во многом вызвано последствиями финансового кризиса 2008-2009 гг., нерешённость вопроса о национальных меньшинствах, что также во многом «тормозит» модернизацию, политическая нестабильность, выражающаяся в неспособности государственного управления прийти к единой стратегии развития системы образования.

Если обратиться к этапам модернизации, предложенной С. Блеком, то по формальным критериям указанные страны находятся на предпоследнем этапе модернизации-трансформации системы образования. При этом фактически вряд ли можно считать завершёнными этапы переоценки, первоначальной конфронтации и консолидации.

Стоит отметить и сложность проведения процедуры оценки модернизации образования, т.к. информация, на которой она осуществляется, предоставлена часто

министерствами, правительственными организациями и другими заинтересованными структурами, что может несколько исказить реальную картину хода трансформаций системы образования.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯН И УКРАИНЦЕВ

Л.В. Колпина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Российско-украинские отношения в настоящее время осложняются комплексом противоречий, среди которых – тянущиеся последствия газового скандала, проблема Крыма и Севастополя, периодически вспыхивающие торговые войны. С одной стороны, украинские элиты питают подозрения в готовности российского руководства нарушить суверенитет Украины, с другой – часть российских элит стремится воплотить в жизнь концепцию «Русского мира» не только в социокультурном, но и в геополитическом плане. Так или иначе, межгосударственные проблемы отражаются на восприятии народами друг друга. По данным Левада-центра (май 2012 г.), лишь 13% россиян числят Украину среди наиболее близких друзей и союзников – меньше, чем относительно Германии и Китая. Для динамики же мнений за последние 8 лет характерны резкие скачки – от 3% до 21%, что, по всей видимости, обусловлено резко меняющейся политической конъюнктурой. Тем не менее, лишь 17% опрошенных россиян хотят видеть отношения с Украиной «такими же, как с другими государствами: с закрытыми границами, визами, таможенными», а мнения о том, что «Россия и Украина должны быть независимыми, но дружественными государствами: с открытыми границами, без виз и таможен», придерживаются в настоящее время 62% россиян. При этом 14% опрошенных являются сторонниками объединения России и Украины в одно государство¹.

В свою очередь, украинцы в подавляющем большинстве своем настроены по отношению к России если не дружественно, то вполне добрососедски. Хотя 24,7%

¹ Отношение россиян к другим странам. URL: <http://www.levada.ru/14-06-2012/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam>

опрошенных украинцев (по данным Центра Разумкова, февраль 2012 г.) считают, что существует угроза Украине со стороны России, это немногим больше, чем доля считающих, что такая угроза исходит со стороны НАТО (22,2%) и значительно меньше, чем доля тех, кто считает такой угрозой саму украинскую власть (35,3%)¹.

Общие социокультурные корни, история, специфика геополитического положения выдвигают в качестве насущной задачи создание институциональных, правовых, социокультурных, экономических условий, разработку перспективных организационных форм развития российско-украинских отношений. Одним из практических следствий осознания этой необходимости стало создание в 2003 году Еврорегиона «Слобожанщина» как формы приграничного сотрудничества между Белгородской областью Российской Федерации и Харьковской областью Украины². В феврале 2007 года были приняты: постановление губернатора Белгородской области «О формировании организационной структуры Еврорегиона «Слобожанщина»³, подписан договор о реализации Соглашения между Белгородской областью Российской Федерации и Харьковской областью Украины «О создании Еврорегиона «Слобожанщина» в области науки, образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики»⁴. В рамках данной программы создан Центр межрегионального сотрудничества, осуществляются различные мероприятия, направленные на развитие отношений между двумя приграничными областями. Однако для того чтобы этот проект из декларации превратился в повседневную жизненную практику российско-украинского взаимодействия, необходимо нечто большее, а именно, формирование на основе развитых институционально-организационных и правовых условий комплекса микросоциальных практик, построенных на взаимном позитивном восприятии и заинтересованности, устойчивых отношений доверия и сотрудничества между населением двух регионов соседних государств.

Для развития такого рода практик в настоящее время существует множество предпосылок. Вопреки всем политическим противоречиям, о которых шла речь выше, определенной настороженности части россиян и украинцев к политике соседнего государства, социокультурная общность двух стран продолжает оставаться существенным интегрирующим фактором. Несмотря на то, что Россия и Украина уже более двух

¹ Чи існує загроза Україні від...? (перелік; динаміка, 2006-2012). URL: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=607

² См.: Устав проекта «Еврорегион «Слобожанщина» (в редакции Протокола от 19 ноября 2004 года). URL: http://euroregion.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=75&Itemid=87

³ О формировании организационной структуры Еврорегиона «Слобожанщина»: постановление губернатора Белгородской области №32 от 21.02.07. URL: http://www.euroregion.ru/files/slob/02_Post_Belgorod.pdf

⁴ О создании Еврорегиона «Слобожанщина» в области науки, образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики: договор о реализации Соглашения между Белгородской областью Российской Федерации и Харьковской областью Украины от 7 октября 2007 года. URL: <http://www.euroregion.ru/files/slob/dogovor.rar>

десятилетий являются самостоятельными государствами, более половины украинцев (58,1%) не считают ее за границей и лишь менее 40% опрошенных не согласны с этим мнением. Эти данные свидетельствуют об определенной степени сформированности «добрососедской» идентичности украинцев, которая при определенных условиях может стать значимым фактором развития русско-украинских отношений. Об этом же говорит тот факт, что более половины опрошенных украинцев испытывают позитивные чувства, когда узнают об успехах российских спортсменов на международных соревнованиях (18,2% - радость, восхищение, 48,7% - уважение)¹. Комментарии российских спортивных телеведущих на соревнованиях мирового или европейского уровня отражают аналогичную ситуацию, когда выступление украинских спортсменов (наряду с белорусами и казахстанцами) вызывают у них позитивные эмоции и сопереживание.

Более того, украинцы даже отдают пальму первенства России, считая, что Украина сильнее зависит от России, чем Россия от Украины. Так, на вопрос «Может ли Украина просуществовать без России?», 49,6% украинцев отвечают положительно, а 43,2% – отрицательно, тогда как на вопрос «Может ли Россия просуществовать без Украины?», положительных ответов украинцы дали значительно больше отрицательных - 66,4% против 25,7%².

Однакостораживает тот факт, что, несмотря на достаточно активные социально-сетевые связи – 65% опрошенных жителей Украины сообщают, что в России у них есть знакомые, с которыми они поддерживают контакты (близкие и родственники у 28,0%, дальние родственники у 20,8%, друзья - у 15,5%, знакомые – 14,9%, коллеги, профессиональные контакты – 2,1%), примерно каждый четвертый (23,6%) считает, что к украинским гражданам среди россиян преобладает плохое отношение, каждый пятый (19,3%), что нейтрально-безразлично³. И для этого есть веские основания.

По нашему мнению, негативные оценки населения относительно друг друга являются в большей мере не столько результатом негативного опыта взаимодействия граждан обеих стран, сколько недружественной политики руководства обоих государств. Более того, если сопоставить число тех, кто, по данным ВЦИОМ, сообщает, что в России у них нет знакомых (тех, кто негативно и безразлично оценивает отношение россиян к украинцам (в сумме, туристическую поездку / на отдых в Россию заявила только четверть украинцев (24,1%) – это, учитывая достаточно невысокий уровень их материального

¹ Россияне глазами украинцев // Пресс-выпуск №1897 от 01.12.2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112109>

² Россияне глазами украинцев // Пресс-выпуск №1897 от 01.12.2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112109>

³ Там же.

⁴ Там же.

благополучия и связанную с этим еще более низкую возможность выезда в другие страны. А на постоянное место жительства в Россию хотело бы переехать только 4,5%. При том, как указывалось выше, что существенная часть населения Украины имеет в России родственников и друзей, 70,4% украинцев с 1991 года ни разу не посещали Россию. По сути, единственное, что на сегодня привлекает украинцев к России – это отношения с родственниками, о желании посетить которых сообщает 34,9% респондентов¹. Безусловно, при интерпретации подобных данных следует учитывать тот факт, что наиболее активное в сетевых контактах меньшинство населения не в достаточной степени может оказаться представленной в выборочной совокупности.

Таким образом, при всей объективной заинтересованности россиян и украинцев в общении друг с другом, уровень развития сетевых взаимодействий между ними в таких сферах, как экономика, образование и наука, туризм находятся на недостаточном уровне, а готовность к развитию такого взаимодействия тормозится в первую очередь, отсутствием доброй политической воли у руководства двух стран. Вместе с тем существуют объективные и субъективные предпосылки для развития такого рода сетевых практик. В их пользу говорят не только общее прошлое с достаточно многосторонней интеграцией, искреннее желание большинства народа России и Украины к восстановлению отношений добрососедства и сотрудничества, крупные потери наших стран во всех сферах жизнедеятельности за последние десятилетия, но и вызовы современности. Этого требуют: необходимость повышения эффективности экономик двух государств в условиях глобальной конкуренции, задачи ускорения научно-технического прогресса и инновационного развития, что невозможно без углубления процесса разделения труда, расширения взаимовыгодной кооперации; неприятие многих политических реалий в России и Украине Западом, который не спешит к налаживанию многосторонних и взаимовыгодных связей с нашими странами, особенно в условиях жесткого финансово-экономического кризиса, поразившего США и Европу. Эти и другие обстоятельства открывают новые возможности развития горизонтальных связей на всех уровнях наших обществ между гражданами России и Украины. Другое дело, что молодое поколение украинцев – наиболее активное в сетевых контактах - в значительной мере в своих жизненных стратегиях ориентировано уже не на Россию, а на страны Западной и Восточной Европы. Россияне же, даже проживающие в приграничных регионах, рассматривают Украину в основном как зону малобюджетного отдыха.

¹Россияне об Украине, украинцы о россиянах // Пресс-выпуск от 29.02. 2009. URL: <http://www.levada.ru/press/2009022501.html>

Ряд социально-экономических диспропорций между двумя странами продолжают оставаться препятствиями для выстраивания долгосрочных сетевых взаимодействий между их гражданами. Например, ежемесячный среднедушевой доход в России и Украине, по данным национальных статистических служб за 2011 г., различался в 3 раза – и не в пользу украинцев (у россиян – 20700,7 руб., у украинцев – 1770,8 грн.)¹. А если учесть более высокий уровень социально-экономической поляризации в Украине, то эта диспропорция выглядит еще более впечатляющей. Соответственно, такого рода дисбаланс создает основания для непропорциональных практик сетевых взаимодействий – легальной и нелегальной трудовой миграции украинских «заробітчан».

Высокая стоимость высшего профессионального образования в России также не способствует образовательной мобильности украинцев в Россию, предпочитающих восточно-европейские высшие учебные заведения. С другой стороны, низкие рейтинговые показатели украинских вузов (по усредненному показателю комплекса международных рейтингов российские вузы занимают 26 место, украинские же не входят даже в число 55 ведущих)² не делают их привлекательными для россиян.

Исходя из этого, нерешенность проблемы социальной стабилизации и экономического роста, актуальная для обеих стран, но особенно – для Украины, в значительной мере остается фактором, сдерживающим равноправное взаимодействие между государствами и их гражданами как на уровне внешнеполитических инициатив, так и в сфере микросоциальных практик.

ВОПРОСЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кочетов М. Н.; Сапрыка В.А.

С начала 90-х годов Российская Федерация активизировала деятельность по сохранению, восстановлению и развитию единого научного, информационного и культурного пространства странами бывшего СССР³. Региональная интеграция

¹ Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11kv.htm; Доходы та витрати населення України за 2011 рік. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

² Рейтинг стран по позициям лучших учебных заведений. URL: <http://www.education-medelle.com/articles/gde-poluchit-visschee-obrazovanie.html>

³ Дитте О.В., Сидоренко Н.С. Гуманитарное и культурное сотрудничество Российской Федерации и бывших советских республик // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-1. С. 243-244.

рассматривается в последнее время в аспекте глобализации, неоднозначно оцениваемой странами с разным уровнем экономического развития¹.

В настоящее время, на этапе завершения формирования государственности стран СНГ, относительно устойчивого экономического роста и модернизации национальных экономик, возникли благоприятные условия для активизации усилий по созданию жизнеспособных интеграционных группировок, и в многостороннем сотрудничестве государств СНГ гуманитарная составляющая определена в качестве одного из приоритетных направлений².

В научной практике отсутствует точное определение социогуманитарного сотрудничества. Мы используем это понятие для определения сотрудничества в сфере культуры; науки и образования; информации и массовых коммуникаций; в сфере спорта, туризма и молодежной политики; реализации проектов социального назначения.

Приграничные регионы в силу исторических и социокультурных условий обладают уникальным потенциалом для развития социогуманитарной интеграции в хронотопе постсоветского пространства, что особенно типично для приграничных регионов России и Украины. Некоторые авторы утверждают, что за прошедшие годы новая граница стала повседневной реальностью, привычной и естественной частью социального ландшафта[9]. Но, наш взгляд, появление государственной границы существенно влияет на качество жизни населения приграничных регионов, разрушает традиционные экономические и социогуманитарные связи, а также ухудшает в целом социально-экономическую ситуацию в приграничном регионе. Социогуманитарное сотрудничество может создать возможности для снижения негативных проявлений границы, а также минимизации «барьерной» функции границы в целом.

Проведенное Научно-образовательным центром «Межрегионального приграничного сотрудничества» НИУ «БелГУ» в 2011 году качественное исследование «Эффективность методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона» дало возможность выделить следующие приоритетные направления реализации совместных приграничных проектов и программ России и Украины (экспертный опрос, N=75).

¹ Сапир Ж. Региональная интеграция: выбор России и ЕС. Проблемы прогнозирования. 2002. № 4. С. 33-42.

² Гуманитарное сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств и Грузии: социологический портрет. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 200 с.

Рисунок 1 - Приоритетные направления сотрудничества (данные %)

Основной акцент эксперты делают на экономическом сотрудничестве – 20,69% (рис. 1). Но показательно, что вторым приоритетом (17,24%) было выбрано сотрудничество в сфере науки и образования, относящееся к взаимодействию в социогуманитарной сфере. Направления «Программы и проекты социального назначения» (14,29%), «Развитие транспортных возможностей областей»(13,13%) и «Экология и охрана окружающей среды» – 12,50%, были выбраны экспертами третьим приоритетом.

Анализ реализуемых совместных программ и проектов российско-украинского приграничья дает возможность отметить, что наиболее распространенными и успешными являются именно социогуманитарные проекты.

Но проведенный нами экспертный опрос (опрашивались участники социогуманитарного сотрудничества приграничных регионов, выступившими экспертами при анкетировании, N=20, 2012) позволил выявить ряд проблем социогуманитарного сотрудничества приграничных регионов. Большинство экспертов отметили, что при реализации интеграционных проектов обычно имеет место узкая специализация и отсутствие системности (50%). Значительное количество опрошенных (25%) отметили, что интеграционные процессы на региональном уровне декларативны. То, что интеграционные процессы отвечают потребностям государств на данном этапе их развития, отметили 15% респондентов, 10% экспертов указали на то, что интеграционные проекты и программы соответствуют стратегическим целям развития регионов. Никто из экспертов не отметил, что программы и проекты регионального развития полностью используют интеграционный потенциал. Следовательно, существуют значительные резервы для наращивания межрегионального взаимодействия.

Уровень развития информационного пространства приграничных территорий решающим образом влияет на экономику, социальную сферу и политику. Рост числа

пользователей Интернета, а также увеличение емкости информационного рынка позволяет утверждать, что формирование единого информационного пространства еврорегионов и регионов сотрудничества является перспективой близкого будущего. Открытый доступ к материалам и возможность дистанционного обсуждения делает проект привлекательным для ученых, государственных и муниципальных служащих, бизнесменов и населения всего приграничья России и Украины, а также стран ЕС. Существенно, что при помощи Интернет-счетчиков, можно определить количество заходов и интенсивность обсуждения и выделить приоритетность того или иного приоритетного направления приграничного сотрудничества.

В Российской Федерации и Украине привлекательность социогуманитарного сотрудничества приграничных регионов является все более очевидной. Результативность этого направления подтверждается как реализующимися проектами на уровне регионов и муниципалитетов, так и на государственном уровне. Сохранение общего культурно-исторического наследия, сотрудничество в сфере науки и образования, развитие гуманитарных связей приграничных областей требует использования социальных и Интернет-технологий, а также формирования единого культурно-информационного пространства, которое даст возможность перейти от декларативного сотрудничества к реальной интеграции приграничных регионов.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ю.А. Логашенко, старший преподаватель кафедры общей психологии Балтийский федеральный университет им. И.Канта

Вот уже двадцать лет прошло с момента распада Советского Союза. За этот период на территории этой некогда огромной страны произошло много событий, начиная от

разного рода и уровня конфликтов (грузино—абхазский, грузино—южноосетинский, карабахский, чеченский и др.) и заканчивая возникновением различных интеграционных образований (рождение Содружества Независимых Государств, Евразийского Экономического сообщества, Таможенного Союза и др.). Анализируя внутреннее содержание термина «постсоветское пространство», А. В. Власов рассуждает о том, «что является связующим звеном, краеугольным камнем этой системы», сопоставляя противоположные взгляды, что а) «между русским элементом и нерусскими народами в составе (советской) империи отсутствовало реальное единство, подменявшееся административным ресурсом ограничения и подавления» и б) «Советский Союз — это не просто государственное образование, а государственно—цивилизационное образование», которое не может одновременно перестать существовать, так как «осколки общей цивилизации не в состоянии отделиться или изолироваться друг от друга за столь краткий с исторической точки зрения срок». Автор указывает на противоречивые тенденции в развитии постсоветского пространства, связывая их с отсутствием «чётких правил игры» внутри системы отношений стран СНГ и влиянием внешних сил на эту систему¹.

Таким образом, актуальность нашей работы обусловлена, с одной стороны, противоречивыми с точки зрения интеграции тенденциями в развитии постсоветского пространства, и, с другой стороны, многообразием разнонаправленных, неоднозначных публикаций по теме исследования в печатных и интернет—ресурсах. Каковы же взгляды современных учёных на проблемы и перспективы интеграции постсоветского пространства?

Наибольшее внимание учёных направлено на экономический сектор, что и понятно, учитывая роль экономики в развитии государства и общества. Ряд авторов отмечает², что вплоть до 2008 года доминировали дезинтеграционные тенденции, проявляющиеся в сокращении доли взаимной торговли новых государств, в разрушении десятилетиями сложившейся производственно — технологической кооперации, в разрушении обрабатывающей промышленности вкупе с «резким сокращением потребления энергоносителей и сырьевых товаров». Только создание Таможенного союза

¹ Власов А. Доминирующая роль России на постсоветском пространстве - прошлое, настоящее ... будущее? URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4446> (обращение 12.08.2012)

² Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Российский экономический журнал, №1, 2012 г.; Леонова О. Г. Евразийский союз: два проекта. URL: <http://elibrary.ru/download/27404763.pdf> (обращение 13.08.2012); Старшинова Н.А. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: содержание, проблемы и перспективы. URL: <http://elibrary.ru/download/41632058.pdf> (обращение 13.08.2012); Шамахов В.А. Интеграция экономики и инновационное развитие на постсоветском пространстве URL: <http://elibrary.ru/download/96532113.pdf> (обращение 12.08.2012)

(ТС) Белоруссии, Казахстана и России «дало мощный импульс активизации интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве», что способствовало улучшению экономической ситуации в странах—участниках и позволило им относительно безболезненно пережить экономический кризис 2008 – 2009 г.г.

В числе проблем, возникающих на пути интеграции постсоветского пространства, называются также:

– процессы, связанные с русским языком: в настоящее время «происходит дискриминация, вытеснение из официальных сфер общения русского языка, сдающего свои прочные позиции советского периода на территориях бывших союзных республик»¹.

– некоторые политические тенденции, выражающиеся в явлении так называемого «нового цезаризма»².

– негативные тенденции в социальной сфере государств постсоветского пространства³. В качестве причин, приводящих к нестабильности социальной сферы называются демографические, экономические, образовательные, этнополитические.

Однако, наряду с проблемами интеграции постсоветского пространства, специалисты говорят о достижениях последних лет в этой области, а также отмечают перспективы сотрудничества стран СНГ. В основном, обсуждение перспектив сводится к идее о том, что сближение позиций стран-участниц возможна, если обозначенные выше проблемы будут решены. К числу прогнозируемых перспектив относят возможность вступления новых стран в уже существующие интеграционные объединения (Таможенный союз, ЕЭП)⁴. Отмечается также, что, несмотря на болезненность процесса интеграции, «существовавшие более 70 лет экономические и хозяйственные связи, общность культуры и менталитета» являются перспективной основой для развития дальнейшего сотрудничества⁵

Также будущее интеграционных процессов в странах СНГ связывают с изменениями в России, полагая, что успех модернизации экономики в России, работа в

¹ Шеляхина Н.В. Феномен языковой дискриминации на постсоветском пространстве// ФЭН-НАУКА, Периодический журнал научных трудов — г. Бугульма, р.Татарстан, №2(5),2012г.); Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ. URL: <http://elibrary.ru/download/84349648.pdf> (обращение 13.08.2012)

² Усманов С. М. , Буданова И. А. Неясные контуры будущего: Перспективы нового цезаризма на постсоветском пространстве. URL: <http://elibrary.ru/download/56401803.pdf> (обращение 13.08.2012)

³ Сонин О. В. Социальное развитие государств СНГ: проблемы и пути решения. URL: <http://elibrary.ru/download/68153054.pdf> (обращение 13.08.2012)

⁴ Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Российский экономический журнал, №1, 2012 г.

⁵ Ковалева О.С. Фактор культуры в обосновании политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве: история и современность URL: http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2011/ist_i_pol_nauki/4/st18.pdf(обращение 21.08.2012).

направлении «обеспечения безопасности границ за счет их расширения или как минимум, расширения «зоны спокойствия» вокруг Российской Федерации», успешное реформирование и модернизация системы образования, использование идеи культуры как основы для построения диалога между странами-участницами СНГ, продуманная миграционная политика — будут способствовать менее конфликтному и более выгодному (в экономическом и политическом отношении) протеканию интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Таким образом, согласно результатам теоретического анализа, обсуждаемые темы локализованы преимущественно в области экономики, производства и политики, реже — образования, ещё реже — социальной сферы. Вопрос о проблемах и перспективах в социальной и духовной сферах слабо проработан. Несомненна связь между всеми сферами жизни общества — политической, экономической, социальной, духовной. Но концентрируя внимание на первых двух, нельзя не принимать во внимание остальные. К сожалению, улучшения в экономике и политике не всегда автоматически ведут за собой улучшения в социальной и духовной сферах. Тем более, если речь идёт о приграничных регионах. Осуществляя те или иные преобразования, любая власть должна иметь ввиду настроения населения, его представления о грядущих изменениях и готовность поддерживать (или тормозить) их.

По нашим наблюдениям, существует противоречие между ролью, значением для властных, управленческих структур осведомлённости об отношении жителей приграничного региона к интеграционным процессам, с одной стороны, и степенью изученности этого явления, с другой, что и явилось проблемой нашего исследования.

В ходе исследования мы: 1) выявляли отношения жителей приграничного региона (Калининградской области) к проблемам и перспективам интеграционного процесса и 2) разработали научно-практические рекомендации для руководства приграничного региона (Калининградской области) по оптимизации отношения к интеграционным преобразованиям у населения.

При разработке концепции исследования мы опирались на психологическую теорию отношений Мясищева В.Н.¹

Если говорить об ожидаемых результатах, мы предполагаем, что:

а) потребность населения Калининградской области в интеграции постсоветского пространства слабо выражена (средний или ниже среднего уровня), в связи с чем готовность осуществлять какую-либо деятельность, связанную с интеграционными процессами, будет проявляться на низком уровне;

¹ Мясищев В.Н. Психология отношений – М.: Изд-во МПСИ, 2004. – 400 с.

б) эмоциональное отношение к интеграционным процессам носит слабовыраженный положительный характер;

в) интерес к возможным изменениям в ходе интеграционных преобразований слабо выражен,

г) оценка трудностей и перспектив, обусловленных интеграционными процессами, характеризуется преобладанием первых над вторыми в сознании респондентов,

д) вероятнее всего, существуют различия между группами населения в зависимости от возраста, пола, социального статуса, этнической принадлежности, длительности проживания на территории области, места жительства (город/село).

В целом, анализ результатов данной научно-исследовательской работы позволит сделать заключение об отношении жителей Калининградской области к проблемам и перспективам интеграционных процессов на территории постсоветского пространства и сформировать ряд научно-практических рекомендаций для руководства Калининградской области, некоторые из которых, возможно, будут интересны и полезны управленческим структурам других приграничных регионов постсоветского пространства.

Для изучения отношения жителей Калининградской области к интеграции на постсоветском пространстве мы использовали анкету, разработанную нами. Анкета состоит из пяти блоков. Первые три представляют собой опросники, по 10 вопросов в каждой, составленные по принципу суммарных оценок Р Лайкерта¹. Четвёртый блок включает два открытых вопроса о проблемах и перспективах интеграции постсоветского пространства. Шестой блок содержит вопросы о социально-демографических характеристиках респондента. При обработке анкеты оцениваются суммарные оценки по каждому блоку в среднем по группе, а также отдельно оценка каждого утверждения в среднем по группе.

В исследовании приняли участие 90 человек. Из них 68 респондентов — женщины и 22 — мужчины. Выборка удовлетворяет исследовательской концепции: преобладает трудоспособное население с высшим образованием.

Для анализа данных использовались средние арифметические значения и критерий углового преобразования Фишера (ϕ^*)².

Подводя итог исследованию, отметим, что результаты исследования частично подтвердили гипотезу, поставленную нами при разработке концепции. Причём, подтвердился, пожалуй, только последний пункт о наличии различий между разными

¹ Почебуг Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. 2-е изд.- Спб.: Изд-во С.-Петербург. уни-та, 2007. - с. 162-164

² Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. - СПб.: ООО «Речь», 2002. - 350 с.

группами респондентов. В остальном, результаты оказались более положительными, чем мы предполагали.

Так, а) потребность у респондентов, принявших участие в исследовании, не слабо, а скорее, средне выражена; субъективная оценка готовности осуществлять какую-либо деятельность, связанную с интеграционными процессами, проявилась на среднем и высоком (а не на низком, как предполагалось) уровне;

б) эмоциональное отношение к интеграционным процессам носит не слабовыраженный, а, скорее сильно выраженный положительный характер;

в) интерес к возможным изменениям в ходе интеграционных преобразований средне (а не слабо, как предполагалось) выражен,

г) оценка трудностей и перспектив, обусловленных интеграционными процессами, характеризуется преобладанием, как раз-таки вторых над первыми, а не наоборот — респонденты назвали больше перспектив от сотрудничества со странами бывшего СССР в рамках интеграции, чем трудностей.

д) действительно, существуют различия между некоторыми группами респондентов, а именно — между мужчинами и женщинами по эмоциональному и поведенческому компоненту отношения, а также между разными возрастными группами по некоторым компонентам отношения. В остальном, различия отсутствуют.

По результатам исследования мы обозначили ряд научно-практических рекомендаций, которые могут быть полезны структурам, осуществляющим руководство регионом или совместными проектами в рамках интеграционных преобразований.

1. Следует освещать в СМИ положительные перспективы и результаты от совместных проектов с государствами бывшего СССР, чтобы интерес к интеграционным процессам, уверенность в их ценности и необходимости, получали подкрепление. При этом важно не замалчивать трудности, возникающие в ходе реализации подобных проектов, а обозначать их, и привлекать заинтересованных жителей региона к их обсуждению. Информирование, однако, не должно быть чрезмерным, чтобы избежать эффекта насыщения, но дозированным, постоянно поддерживающим интерес к данной тематике.

2. Учитывая мнение респондентов о большей значимости культурных и экономических совместных проектов, а также готовность респондентов участвовать в подобных проектах, следует акцентировать внимание на них, создавая информационные поводы и привлекая население региона в качестве организаторов, участников, экспертов.

3. Принимая во внимание межгрупповые различия, обнаруженные нами, следует использовать разные формы информирования и вовлечения в интеграционные

процессы, ставить акценты на разных достоинствах и выгодах для мужчин и женщин, для жителей разного возраста и различного семейного статуса.

4. Следует иметь в виду позитивные перспективы, отмеченные респондентами, так как они, по нашему мнению, указывают на «проблемные зоны», нуждающиеся в улучшении. Например, некоторые респонденты указали на позитивные перспективы для сельского хозяйства, для туризма по постсоветскому пространству — вероятно, есть такие потребности. Возможно, поток туристов из Калининградской области в другие страны бывшего СССР, не так близко расположенные территориально, был бы существенно больше, если турфирмы стали бы разрабатывать маршруты в том направлении, а страны договорились бы о более приемлемых ценах на билеты. В выигрыше остались бы все стороны процесса.

5. Особое внимание следует обратить на негативные перспективы, которые видят респонденты. Современная ситуация на рынке труда, связанная с постоянным притоком трудовых мигрантов из стран Средней Азии, становится всё более тревожной — на это обратили внимание многие участники исследования. В регион приезжают не самые квалифицированные специалисты, часто с довольно низким по калининградским меркам культурным уровнем, плохо владеющие русским языком и не разделяющие, а то и открыто игнорирующие социальные нормы, принятые в калининградском обществе, позволяющие себе агрессивные и насильственные формы поведения. Это вызывает массу негативных эмоций у жителей региона, способствует усилению ксенофобических настроений, а в их сознании вопросы интеграции часто связываются с трудовой миграцией и — через это — с негативными эмоциями и негативными последствиями интеграции государств постсоветского пространства. Кроме того, население часто связывает появление мигрантов с увеличением безработицы, что не облегчает ситуацию. Применительно к этой проблеме следует, по нашему мнению, жёстче регламентировать условия допуска трудовых мигрантов в регион. *Во-первых*, следует отбирать потенциальных работников по ряду критериев, таких как, например, свободное владение русским языком на бытовом уровне, знание элементарных социальных норм общества, в котором работник будет находиться довольно длительное время. Мы считаем, что с потенциальными работниками следует проводить групповые или, в отдельных случаях, индивидуальные психологические консультации на предмет исключения патологических или сильно акцентуированных личностей, неадекватное поведение которых может быть спровоцировано незнакомой (и от этого тревожной) социальной ситуацией. *Во-вторых*, с контингентом трудовых мигрантов следует, на наш взгляд, проводить «культурный ликбез» - цикл лекционных, семинарских, а ещё лучше тренинговых занятий,

призванных познакомить с местной культурной, принципами поведения в обществе, допустимых способах решения конфликтов и т. п.

Следует помнить, между тем, что данные рекомендации могут быть эффективны только в том случае, если все заинтересованные стороны будут планомерно, последовательно смело и, главное, честно идти по пути интеграционных преобразований, привлекая все возможные ресурсы и инструменты (включая науку).

УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ КОРПОРАТИВНЫХ ЗНАНИЙ В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ

М.В. Луговская, ассистент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Высшие учебные заведения создают свое устойчивое конкурентное преимущество с помощью постоянного обучения - как индивидуального, так и коллективного. Корпоративная система генерации знаний представляет собой так называемые «закрытые» программы, состоящие из совокупности элементов - знаний, предназначенных для сотрудников и гибко адаптированных к потребностям вуза и внешней среды. Главная задача построения системы генерации знаний заключается в том, чтобы одновременно повышать ценность знаний, улучшать процесс обучения и оптимизировать управление организационными изменениями.

Значимость знаний на сегодняшний день стремительно возрастает. Вузовская среда привлекает как работоспособные опытные кадры, так и начинающих и заинтересованных в собственной научно-образовательной реализации людей. Для того чтобы сгенерировать имеющиеся в вузе знания, необходимы не просто знания, имеющиеся у персонала, но и новые знания, непрерывно функционирующие во внешней среде. Поэтому корпоративная система генерации знаний должна обладать следующими характеристиками:

- непрерывность генерации, вовлечения и обновления знаний;
- диагностика, актуализация и отслеживание изменений потребностей внешней среды в новых знаниях, корректировка целей и планов генерации знаний;
- наличие учебных модулей, направленных на развитие системного мышления;
- создание климата, способствующего обучению;
- учет индивидуальных потребностей и создание внутренней мотивации к обучению;
- установка не на накопление знаний, а на их эффективное использование.

Таким образом, выдвинутая концепция создания корпоративной системы генерации знаний носит достаточно универсальный характер и может быть широко использована для интеграции и использования новых знаний не только в вузе, но и в производстве посредством создания аналогичных систем на различных структурных уровнях.

Так, корпоративная система генерации знаний состоит из следующих элементов:

1) знания, умения и навыки, имеющиеся у специалистов и активно циркулирующие между профессионалами разного профиля, использующими знания для разрешения возникающих проблем;

2) организационная структура вуза с должностным распределением, которая помогает сориентироваться в ситуации и обратиться к нужному специалисту в этой области знаний;

3) база данных вуза по всем направлениям, что позволит специалисту получать информацией о каждом человеке, структурной единице и подразделению;

4) нормативно-правовая информация, регламентирующая деятельность вуза и позволяющая ориентироваться в реалиях внешней среды;

5) документация, формализующая потенциальные направления деятельности вуза, его подразделений и специалистов.

Генерация всех вышеперечисленных элементов позволит систематизировать знания в вузе в единую систему общего пользования и назначения для последующего повышения эффективности деятельности персонала высшего учебного заведения.

Для большинства российских вузов можно отметить недостаточный уровень практического освоения теории управления организацией как хозяйствующим субъектом рыночной экономики, хотя все больше коллективов начинают понимать необходимость формализации процессов, приводящих к улучшению результатов деятельности и достижению обоснованных целей¹. Исключительно важную роль для выработки стратегий и программ развития вузов приобретает формирование теоретико-методологических оснований данного вида деятельности, с одной стороны, а также демонстрация и изучение конкретного опыта, с другой. Функционирование вуза важно рассматривать как с точки зрения системности, так и с точки зрения протекания бизнес-процессов, их качества. Важным требованием системного подхода является формирование структуры управления вузом с минимальной сложностью на основе бизнес-процессов (функций) при условии сочетания двух основных принципов структурирования – вертикального (иерархического) и горизонтального (паритетного). Особенности создания корпоративной системы

¹ Уварова Т.Г., Ниязова М.В. Система показателей как условие эффективного стратегического управления вузом // Контроллинг. – 2005. – № 4 (16).

генерации знаний, способствуют трансформации некоторых знаний, необходимых для превращения организации в самообучающуюся структуру, т.е. структуру, умеющую создавать, приобретать и передавать знания, а так же способную изменять поведение как реакцию на новые знания и интуицию.

Чтобы поддерживать и стимулировать этот процесс, необходимо вовлекать сотрудников в процессы анализа информации и выработки необходимых решений, что, в частности, требует разработки специальных экспертных технологий анализа и принятия решений по адаптации, изменению и развитию организации.

Процесс генерации имеющихся знаний предполагает их переработку в формат, позволяющий организовать всеобщий доступ сотрудников к необходимой информации.

Корпоративная система генерации знаний способствует приращению потенциала персонала организации путем адаптации к изменениям и последующим превращением вуза в обучающуюся организацию. Обучающаяся организация включает не только обучение персонала, но и его участие в научно-исследовательских разработках, научных программах и проектах.

Работники организации рассматриваются как важнейшая *социально-экономическая подсистема*, а корпоративная система генерации знаний – как открытая *динамическая система*, имеющая определенную структуру, взаимодействующую и обменивающуюся информацией с другими системами и окружающей средой в интересах достижения частных целей (обучения) и глобальных целей (стратегических целей компании), а поведение такой системы целесообразно анализировать в динамике.

Поскольку работники организации рассматриваются как важнейшая социально-экономическая подсистема, то для описания, объяснения и понимания реальной ситуации правомерно использовать *парадигмы и методы эмпирического социологического исследования*, оперирующего такими социологическими фактами, как совокупные систематизированные характеристики поведения и совокупные систематизированные характеристики сознания (суждения, мнения, оценки и пр.).

Сегодня российским университетам приходится действовать во все более неопределенных и меняющихся внешних условиях, и каждый вуз должен быть готов оперативно на них реагировать. Чтобы обеспечить успешную деятельность в будущем, вузу необходимо уже сейчас строить правильную и адекватную стратегию своего развития. Именно стратегия является базой социально-экономического роста университета и дает обоснованные направления его развития. Стратегия позволяет сформулировать потребности университета как основу действий, повышает его конкурентоспособность и делает вуз уникальным.

В конкретной деятельности частные методологические средства, методы, приемы, относящиеся к различным областям знания, интегрированы в единый комплекс междисциплинарного исследования. Базой для общего подхода к разработке модели генерации знаний является теория *человеческого капитала*, когда инвестиции в человеческий капитал оказывают долгосрочное воздействие на производственный процесс.

Так для схемы создания корпоративной системы генерации знаний, необходимо следующее:

В контексте данного исследования речь идет о так называемых «глубинных» знаниях, отражающих структуру и природу существующих отношений и процессов, протекающих внутри вуза и во внешней среде. Эти знания могут использоваться для прогнозирования поведения, регулирования отношений и процессов, которые могут стать более эффективными после применения методов управления знаниями. Исходя из вышесказанного для системной постановки и применения «корпоративных знаний» должна использоваться информационная бизнес-модель вуза, которая на разных уровнях структурирует и формализует знания о вузе и его окружении.

В ходе реализации принятой модели управления «знание должно переходить в действия», основанных на некоторых принципах. А именно - должны быть созданы:

практический инструментарий поддержки принятия стратегических управленческих решений, информационные ресурсы, нужные для их принятия; целесообразно также осуществление мониторинга выполнения принятых решений¹. Необходимо создавать и постоянно корректировать, в соответствии с условиями меняющейся бизнес-среды, документацию, являющуюся руководством к действию (методики, процедуры, должностные инструкции и т. д.). Такая стратегия управления знаниями и ее реализация с помощью информационных и коммуникационных технологий обеспечивает наибольшую вероятность обеспечения конкурентоспособности.

Итак, под знаниями, в отличие от фактических данных, понимаются закономерности предметной области, позволяющие специалистам решать свои задачи. Они могут быть получены в результате практического опыта или почерпнуты из литературы. Система управления знаниями фактически представляет более высокий уровень автоматизации для вузов, которые имеют корпоративную информационную среду, позволяет обеспечить реальную интеграцию функциональных блоков и призвана сыграть решающую роль в становлении профессионального университетского управления на основе стратегического планирования. Технологии, разработанные нами, могут быть использованы для обеспечения *трансформации* любой организации в более эффективное звено экономики. А отдельные результаты исследовательской работы могут использоваться в *учебном процессе* вузов при подготовке бакалавров, специалистов, магистров и аспирантов.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ТЕХНОЛОГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Максименко А.А., г. Кострома,

Шмигирилова Л.Н., г. Белгород

Важным составляющим конкурентоспособности страны в долгосрочной перспективе является эффективная молодежная политика, направленная на преодоление существующих препятствий развития, обеспечение необходимыми ресурсами и инфраструктурой для творческой самореализации и активного социального участия молодежи. Международный опыт свидетельствует о том, что молодежное сотрудничество вносит свой вклад во взаимопонимание и мирный диалог между народами, воспитывая

¹ Исследование организационно-экономических моделей управления вузом в условиях модернизации образования / Г.И. Мальцева, Т.Г. Уварова, М.В. Ниязова и др. /Под ред. Г.И. Мальцевой. – Владивосток, 2005. – 78 с. – Деп. в ИНИОН РАН 17.05.05, № 59262.

молодежь в духе толерантности и интереса к другим культурам, развивая патриотическое сознание и возвышенное чувство верности своему Отечеству, способствует формированию позитивного имиджа государств-участников молодежного сотрудничества.

В настоящей статье в фокусе интересов находятся процессы, происходящие в сфере молодежной политики двенадцати из пятнадцати постсоветских республик, ставших членами Содружества Независимых Государств. В проблемное поле не входят страны Прибалтики, которые по исторической логике также следовало бы отнести к постсоветскому пространству. Важно отметить, что до сих пор у прибалтийских стран и стран-участниц СНГ фактически не существует совместных законодательных актов и нормативно-правовых документов (в первую очередь, в силу политических причин), позволяющих развивать приграничное сотрудничество по реализации различных проектов и программ в молодежной сфере.

Работа с молодежью для государств-участников Содружества Независимых Государств имеет приоритетный характер. Она направлена на развитие и реализацию интеллектуального потенциала современной молодежи, поощрение ее активности в общественной жизни, готовности к взаимно полезному деловому общению и плодотворному сотрудничеству, обменов в сфере работы с молодежью.

Сотрудничество субъектов молодежной политики – государственных органов власти, молодежи как активной составляющей ГМП, органов местного самоуправления, СМИ, социальных служб для молодежи, молодежных и детских общественных объединений приграничных территорий – представляет собой их согласованное взаимодействие, включающее в себя не только укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, но и взаимную поддержку, взаимопомощь, взаимную ответственность в молодежной сфере, сопровождающиеся взаимными услугами и положительными эмоциями.

Однако, как показывает практика, острейшими проблемами сотрудничества субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве являются недостаточный объем нормативно-правового и финансового обеспечения на всех направлениях и уровнях реализации взаимодействия; дефицит кадров, обладающих необходимым уровнем профессиональной квалификации для работы с молодежью и оптимальными для этого возрастными характеристиками; ограниченный объем и глубина теоретического и эмпирического научного знания о молодежной среде и процессах реализации государственной молодежной политики (ГМП) государств-участников СНГ, недостаточность прикладных научных исследований, проводимых в данной сфере;

неразработанность научных основ и ограниченность применения в сфере ГМП организационных форм и технологий сотрудничества и социального партнерства в молодежной сфере; неразработанность механизмов координации и интеграции действий субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что в настоящее время, несмотря на определенное внимание к данной проблематике со стороны исследователей, остается целый ряд вопросов, требующих дальнейшей научной разработки. На данный момент можно говорить о недостаточной степени разработки набора ключевых понятий, отражающих феномен приграничного сотрудничества в сфере молодежной политики. В частности, не в полной мере отражены и проанализированы организационные формы и технологии взаимодействия в данной сфере, а также то, насколько эффективно они «работают» в укреплении и развитии отношений между государствами на постсоветском пространстве.

Основополагающим документом, определяющим формат сотрудничества в молодежной политике, является Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью на период до 2020 года, принятое в декабре 2010 года решением Совета глав государств СНГ и учитывающее совокупность согласованных подходов государств-участников СНГ к основным целям, задачам, принципам и направлениям развития молодежных связей на постсоветском пространстве.

В основе Стратегии заложено понимание того, что молодежное сотрудничество является важнейшим фактором обеспечения устойчивого, эффективного социально-экономического развития и научно-технического прогресса государств-участников СНГ и Содружества в целом, сохранения и углубления дружественных отношений между государствами-участниками СНГ, повышения их конкурентоспособности в условиях глобализации, одной из наиболее перспективных форм интеграционного партнерства.

Эффективной реализации целей и задач настоящей Стратегии будет способствовать использование следующих *организационных форм и технологий* международного молодежного сотрудничества:

- реализация проектов и мероприятий, ориентированных на молодежь государств-участников СНГ, в том числе публичных кампаний, проектов, межгосударственных молодежных акций, организация дискуссионных клубов, круглых столов, молодежных форумов и конференций по актуальным вопросам на пространстве СНГ, проведение иных массовых молодежных мероприятий;
- создание общей базы данных молодежных проектов государств-участников СНГ;

- развитие инфраструктуры, способствующей объединению молодежи и реализации молодежных инициатив;
- организация с освещением в средствах массовой информации конкурсов на лучшие научно-технические разработки, решения, проекты, статьи молодых интеллектуалов; проведение совместных исследовательских проектов, летних школ, симпозиумов и конференций по актуальным научным проблемам; создание базы данных о молодежных научных исследованиях, социальных технологиях и самообразовании молодежи;
- разработка и содействие реализации межгосударственных комплексных мер социальной защиты и адаптации молодежи к современным условиям жизни, интеграции в общество;
- использование возможностей новых информационных технологий для активизации молодежных связей и ознакомления молодежи с культурой, традициями и историей народов государств-участников СНГ;
- проведение молодежных акций по противодействию проявлениям ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде;
- организация проведения ежегодных конкурсов молодых исполнителей, художников, музыкантов и т. д.; поддержка проведения конкурсов для талантливой и творческой молодежи по линии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ;
- совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров национальных органов по делам молодежи, детских и молодежных общественных объединений;
- создание совместных студенческих отрядов, способствующих реализации социальных и трудовых инициатив;
- установление и развитие контактов между молодежными организациями и объединениями государств-участников СНГ, создание общей базы этих организаций;
- широкое и системное освещение положительного опыта реализации государственной молодежной политики государств-участников СНГ в средствах массовой информации;
- развитие сотрудничества с международными региональными организациями в сфере работы с молодежью;
- проведение молодежных лагерей, стажировок, обменов, патриотических и спортивных акций.

Организационные формы и технологии, представленные выше, позволяют решить ряд задач в сфере молодежного сотрудничества, в частности, воспитание молодежи в духе общих гуманистических ценностей народов государств-участников СНГ, толерантности, дружбы и добрососедства, культуры мира, межнационального и межконфессионального согласия, уважения к культуре, языкам, истории и традициям других народов.

Анализируя информационно-статистический материал о работе Совета по делам молодежи государств-участников СНГ, законодательные акты, нормативно-правовые документы стран-участниц, научные труды и публикации по проблемам международного и межрегионального молодежного сотрудничества российских и зарубежных ученых, материалы научно-практических конференций, а также результаты экспертного опроса, проведенного в рамках проекта «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства» в августе 2012 года (N=20), было выявлено:

- из двенадцати государств-участников СНГ восемь имеют более тесное взаимодействие в молодежной сфере. Исключение составляют Республика Узбекистан, Туркменистан, Украина¹, поскольку ими не определены четкие позиции относительно возможности присоединения к Соглашению государств-участников СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью от 25.11.2005 г.;

- популярными формами и технологиями молодежного сотрудничества по различным направлениям (наука, образование, культура, спорт и др.) являются молодежные форумы, фестивали, акции, конкурсы, конференции, проектные школы, молодежные лагеря, круглые столы, дебаты.

По мнению экспертов, наиболее перспективными формами сотрудничества приграничных регионов в реализации молодежной политики являются молодежные лагеря (57%) и осуществление совместных молодежных бизнес-проектов (42%). При этом большая часть экспертов (61%) считает, что эффективное взаимодействие органов молодежной политики государств-участников СНГ зависит от конкретного региона, который имеет определенную специфику процесса институционализации и основных приоритетных направлений развития молодежной политики.

Для приграничных регионов молодежные обмены означают существенный прирост образовательного потенциала учебных заведений, их превращение в научно-образовательные центры, важный шаг на пути развития инновационного потенциала молодежного сотрудничества. Как нам видится, необходимо сосредоточиться не только на совершенствовании существующих форм молодежного сотрудничества, но и на создании

¹ Отметим, что в рамках еврорегиона «Слобожанщина» успешно практикуются Стратегические дебаты среди вузовской молодежи.

молодежных объединений нового типа, учитывая специфические интересы различных групп молодежи: студенчества, сельской и рабочей молодежи; молодых специалистов и ученых; органов государственного и муниципального управления как субъектов сотрудничества в молодежной политике. Для этого необходимо ориентировать молодежные структуры, созданные по линии международных организаций на постсоветском пространстве (Молодежный совет ШОС, Содружество студенческих и молодежных организаций СНГ), на разработку и реализацию, прежде всего, инновационных проектов.

Следует более активно сосредоточиться на создании структур, ориентированных на развитие активного взаимодействия молодых ученых гуманитарного и технического профиля, осуществления ими совместных научных проектов. Это может стать серьезным шагом на пути восстановления связей между научными центрами бывших союзных республик. Представляется целесообразным разработать комплексную систему грантов и квот для предоставления образовательных услуг, потенциально формируя группы поддержки России в среде научной и политической элиты соответствующих стран. Кроме того, необходимо совершенствовать действующие и разрабатывать новые механизмы международных молодежных обменов, стажировок, программ. Важную роль в деятельности международных молодежных объединений занимают национальные молодежные лидеры. Они являются частью будущей элиты, которая спустя некоторое время будет определять векторы внутреннего развития и внешней политики своих государств. Поэтому налаживание конструктивных, дружественных взаимоотношений является важнейшим показателем эффективности молодежных структур и залогом успешного развития сотрудничества между странами. На данный момент на постсоветском пространстве сотрудничество молодежных лидеров, как правило, ограничивается рамками международных встреч, форумов, конференций, фестивалей, либо редкими съездами или заседаниями молодежных объединений. В этой ситуации становится актуальной задача развития молодежных структур, способных обеспечить постоянный диалог и взаимодействие молодежных лидеров на постсоветском пространстве.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Е.С. Поморцева, магистрант Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Рассматривая развитие приграничных регионов, необходимо отметить, что для него характерно активное освоение новых информационных и коммуникационных технологий. Этот процесс можно охарактеризовать, как создание единой электронной среды, целью которой является эффективное и мобильное сотрудничество.

Информационно-коммуникационная среда включает в себя множество информационных объектов и связей между ними; средства и технологии сбора, накопления, передачи, обработки и распространения информации. Она является, таким образом, универсальной платформой для размещения и последующего использования необходимого для развития приграничных отношений контента. Роль проектирования информационно-коммуникационной среды как инструмента обмена информацией будет расти благодаря оперативности доступа к данным, а также отсутствию экономических и политических границ.

Уровень развития информационного пространства еврорегиона решающим образом влияет на экономику, социальную сферу и политику; участие в еврорегионах позволяет оперативно решать приграничные проблемы на местном уровне, создавать гибкие хозяйственные структуры с привлечением внешних инвестиций для строительства и расширения инфраструктуры, налаживать приграничную торговлю, туризм, расширять сотрудничество в культурной, социальной, природоохранной и других областях. Рост динамики числа пользователей Интернета, а также увеличение емкости информационного рынка позволяет утверждать, что формирование единого информационного пространства еврорегионов и регионов сотрудничества является перспективой недалекого будущего. Стоит отметить, что в настоящее время активизировался процесс информационной поддержки деятельности еврорегионов в виде создания информационных сайтов и порталов в сети Интернет.

Так, целью Интернет-портала <http://www.euroregion.ru> является содействие межрегиональному приграничному сотрудничеству и территориальной интеграции при помощи проектных и информационных технологий.

Основными целями проектирования информационно-коммуникационной среды приграничных регионов с помощью Интернет-технологий являются:

1. Повышение доступности информации об изменениях в развитии приграничных отношений;

2. Формирование культуры сотрудничества у жителей приграничных регионов;
3. Возможность мониторинга активности жителей приграничных регионов и их реакции на происходящие события в рамках приграничного сотрудничества.
4. Получение обратной связи от граждан с целью дальнейшего развития еврорегионов.

Задачами проекта являются:

– привлечение населения к разработке и реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона;

– предоставление российско-украинским еврорегионам возможности для обмена информацией между структурами приграничного сотрудничества, органами региональной власти и местного самоуправления, образовательными учреждениями, населением приграничных территорий и общественными организациями;

– информирование всех участников об основных тенденциях развития межрегионального приграничного сотрудничества на территории Российской Федерации, Республики Беларусь, Украины, Содружества Независимых Государств и Европейского Союза.

Основные разделы информационного портала межрегионального приграничного сотрудничества выглядят следующим образом:

Главная – главная страница портала, где публикуются новости и мероприятия.

Новости – официальные новости и основные события, происходящие на территории приграничных регионов.

Мероприятия – проекты и программы, реализующиеся в рамках межрегионального приграничного сотрудничества.

Документы – раздел сайта, где представлены документы, связанные с межрегиональным приграничным сотрудничеством, в частности, документы еврорегиона «Слобожанщина», Европейского союза, Содружества Независимых Государств, России и Украины, касающиеся различных сфер межрегионального приграничного сотрудничества.

Исследования – научные публикации и исследования ученых, а также сборники по итогам конференций, монографии и статьи.

Направления – на сайте собрана информация по направлениям, которые были определены как приоритетные для межрегионального приграничного сотрудничества (региональная власть; местная власть; наука; культура; бизнес; молодежь; туризм; приграничное сотрудничество; экология).

Форум межрегионального приграничного сотрудничества – специальное программное обеспечение для организации общения посетителей.

Одним из значимых проектов в сфере приграничного взаимодействия является проведение школы «Межрегионального приграничного сотрудничества» на базе портала <http://euroregion.ru>. Подобный проект сочетает научно-исследовательскую деятельность, образовательный процесс, а также форму привлечения молодежи к процессу внедрения интерактивной модели разработки и реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества. Интерактивность модели дает возможность привлечь ведущих ученых к решению проблем развития приграничных регионов, выделению приоритетных направлений межрегионального приграничного сотрудничества. Модель основывается на проектной методологии, а также на использовании современных информационных технологий. Информационный портал, который является основой интерактивной модели разработки и реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества, носит в себе черты интернационального портала, ориентирован на аудиторию пользователей, независимо от их географической принадлежности, также ему присущи черты регионального портала, который сконцентрирован на определенном географическом сегменте.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В РОССИИ И УКРАИНЕ¹

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Социальное доверие, являясь элементом установок индивидуального и общественного сознания, существенно влияет на характер общественных процессов, поскольку с определенным вероятностным люфтом реализуется в поведенческих практиках. Так, на уровне взаимодействия индивидов доверие/недоверие реализуются в традиционных практиках взаимопомощи и товарищества либо в атомизации и отказе от форм сотрудничества; на следующем уровне – объективируются в доверии/недоверии общественным институтам и представителям локальных сообществ, на самом высоком

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «"Культура недоверия" в региональном социуме: факторы и социальные практики» №12-03-00148/12 (рук. – доц. Е.В. Реутов).

уровне – в доверии/недоверии государству и обобщенном межличностном доверии. От наличия и укорененности в сообществе отношений доверия зависит его способность к самоорганизации на решение коллективных дел, возможность мобилизации и преодоления социальных рисков. К. Клеман отмечает, что доверие является ключевым элементом активистского фрейма и необходимым инструментом его институционализации¹. Недостаточность социального доверия в обществе как в его межличностном, так и институциональном измерениях препятствует формированию устойчивых долговременных связей за пределами узких групп, связанных, как правило, кровнородственными либо клановыми отношениями.

Классифицируя доверие в зависимости от его объектов, П. Штомпка выделяет личное доверие к индивидам, с которыми мы вступаем в прямые контакты, включая «виртуальное» личностное доверие (к знаменитостям, «звездам»); категориальное доверие (пол, раса, возраст, религия, благосостояние); позиционное – доверие/недоверие определенным социальным ролям (мать, доктор, друг – налоговый инспектор, шпион, продавец подержанных машин); групповое (футбольная команда для фанатов, студенческая группа для профессора.); институциональное (школа, университет, церковь, банк), включая «процедурное» доверие институциональным практикам и процедурам как вера в то, что следование им принесет наилучшие результаты (доверие науке, демократии, свободному рынку); коммерческое (продукция определенного рода, страны-производителя, фирмы, автора и т.п.); системное (к социальным системам, порядкам и режимам)².

Следует отметить, что российское общество явно и устойчиво испытывает дефицит доверия, который фиксируют результаты социологических опросов. Эту ситуацию зафиксировал во второй половине 1990-х гг. Г.Г. Дилигенский: «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения "родственно-дружеским" кругом, а чувство долга - масштабами семьи»³. При этом в России, в отличие от традиционно фамилистических обществ (Китая, Италии и др.), в которых недоверие к «чужакам» и политическим институтам компенсируется высоким уровнем доверия в семейных и клановых структурах⁴, фамилистические

¹ Клеман К. Доверие: социальное и институциональное // Социальные сети доверия: массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (II). М.: Институт Социологии РАН, 2007. С.91-96.

² Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999. P.47.

³ Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998. С.230.

⁴ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С.119-187.

отношения, как правило, ограничены пределами нуклеарной семьи. Исключением является ряд этнокультурных общностей и групп, сохранивших клановую структуру.

Скорее всего, данная ситуация не является специфически российской на постсоветском пространстве и обусловлена комплексом факторов, связанных как с разрывом традиционных связей в процессе модернизации общества в XX веке, так и с последствиями шоковых трансформаций, еще более усугубивших состояние общественной аномии. В данном контексте интересным будет сопоставление ситуации с социальным доверием в двух обществах постсоветского пространства – российском и украинском – для выявления сходства и различий, позволяющего, в свою очередь, определить степень их социокультурной общности.

В 1990-е годы разрушение российских государственных институтов и снижение доверия к ним привело к общему снижению доверия в обществе. Лишь 54% участников репрезентативного опроса городского населения, проведенного ИСПИ РАН в 1993 году, и по 57% участников опросов 1994 и 1996 годов заявили, что большинству людей можно доверять¹. В 2007 г. по уровню доверия Россия набрала 3,83 балла по 10-балльной шкале и оказалась предпоследней среди 10 стран Европы². По данным Левада-центра (2010 г.), лишь 27% респондентов считает, что большинству людей можно доверять, а 66% - что в отношениях с людьми нужно быть очень осторожным (затруднилось ответить 4% респондентов) При этом, начиная с 1989 года, наблюдается неуклонное снижение показателей доверия³. Опрос, проведенный под руководством автора в Белгородской области по репрезентативной региональной выборке (2010 г., N=1000), выявил аналогичную тенденцию. Считают, что большинству людей можно доверять, 33,1% респондентов, нельзя – 51,5%, затруднились с ответом 15,4%. Замер дескриптивного уровня доверия, определяемого посредством вопроса-индикатора «Вы доверяете или не доверяете...(с указанием конкретных адресатов)», показал, что он снижается по мере увеличения масштаба социальных связей. Так, большинству жителей дома, своего и соседнего двора (для поселка и села - улицы) (микросоциальный уровень) в целом доверяют 47,3% респондентов (из них 13,2% однозначно ответили на данный вопрос, 34,1% - «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют – 41,7% (14,1% - однозначно не доверяют, 27,6% - «скорее нет, чем да»). Большинству жителей города (поселка, села)

¹ Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Режим доступа к изд.: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_02_2008/2159-model-kultury-doverija-p.shtompka.html (дата обращения 22.08.2012).

² Социальные сети доверия: массовые движения и политические институты представительства в современной России: опыт «старых» и «новых демократий в условиях глобализации // Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/seti_doveria.html (дата обращения 12.08.2012).

³ Стоит ли доверять людям? // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2010051901.html> (дата обращения 30.08.2012).

(мезосоциальный уровень) доверяют уже существенно меньше. Так, доверяют им в целом 27,5% (из них 4,2% однозначно ответили на данный вопрос, 23,3% - «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют – 58,6% (21,1% - однозначно не доверяют, 37,5% - «скорее нет, чем да»)¹.

Более поздние данные Фонда «Общественное мнение», касающиеся нормативного обобщенного доверия, фиксируют тенденцию к его снижению – в апреле 2011 г. удельный вес тех, кто считал, что большинству людей можно доверять, составил 14%, а тех, кто считает, что в отношениях с людьми следует быть осторожными – 83%.; в 2012 г. ситуация изменилась к лучшему, но лишь в пределах статистической погрешности – соответственно 16% и 82%. Характерно, что даже применительно к непосредственному окружению индивида установка на недоверие очень сильна. Так, считают, что в отношениях с людьми, «которые окружают лично Вас», нужно быть осторожными, 41% респондентов; а «следует доверять» – 55%².

Дефицит межличностного «горизонтального» доверия естественно отражается на «вертикальном» - институциональном и политическом доверии.

Если вести речь о персонифицированном политическом доверии, то оно достаточно явно коррелирует с политическим статусом адресата. Так, уровень доверия В. Путину и Д. Медведеву как Президенту РФ и премьер-министру (или, соответственно, наоборот) неизмеримо выше, нежели уровень доверия иным политическим персонам. Если, по данным ВЦИОМ, на протяжении 2012 года уровень доверия В. Путину как премьер-министру и затем – Президенту РФ не опускался ниже 47%, а Д. Медведеву – 23%, то максимум доверия остальным политическим лицам составил 8% (В. Жириновский)³.

Таким образом, если, по-видимому, доверие политикам в российской политической культуре определяется в огромной мере их формальным политическим статусом – и уже затем – личностными и профессиональными характеристиками, то недоверие – результат, прежде всего, реакции массового сознания на их личностные и профессиональные характеристики.

Левада-Центр, оперируя открытым вопросом «Назовите, пожалуйста, 5-6 политиков, которым Вы больше всего доверяете?», фиксирует колебания рейтинга доверия В. Путина на протяжении 2011-2012 гг. в пределах 37-44%, Д. Медведева – 22-

¹ Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С.43-44.

² Ответственность, взаимопомощь и доверие в российском обществе // Режим доступа к изд.: <http://fom.ru/obshchestvo/10605> (дата обращения 09.09.2012).

³ Доверие политикам // Режим доступа к изд.: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (дата обращения 25.08.2012).

38%. Максимальный рейтинг доверия у других политиков составляет 21% (С. Шойгу в его бытность главой МЧС)¹.

В опросах ФОМ «статусный» характер доверия В. Путину и Д. Медведеву прослеживается еще более отчетливо, поскольку там оперируют закрытыми вопросами. Рассчитанный ФОМ базовый индекс доверия В. Путину на протяжении 2003-2012 гг. колеблется от 52,3 до 66,8, Д. Медведеву – от 49,0 до 63,1. Максимальная разница между двумя знаковыми для российской политики персонами составляет, таким образом, немногим более 3 пунктов².

Отсутствие доверия к кому бы то ни было из политиков, по данным Левада-Центра, полученным на протяжении 2011-2012 гг., характерно для 15-25% респондентов³.

Итак, персонифицированное доверие в политической сфере ощутимо доминирует над недоверием лишь у первых лиц, олицетворяющих собой всю политическую, точнее, властную систему. Предварительно можно выдвинуть гипотезу, что высокий уровень доверия первым лицам является компенсаторным механизмом, уравнивающим недоверие к остальным институциям и персонам.

На уровне институций доверие и недоверие, как правило, постоянно конкурируют друг с другом и чаша весов склоняется то в одну, то в другую стороны. Средний индекс доверия Правительству РФ, рассчитанный как разница между удельным весом доверяющих и не доверяющих ему, за период с марта 2010 г. по сентябрь 2012 г. (количество замеров – 16) равняется 12,5 п.п. Средний индекс доверия Совету Федерации (апрель 2010 г. – сентябрь 2012 г., 15 замеров) – (-)1,5. Средний индекс доверия Государственной Думе (март 2010 г. – апрель 2012 г., 16 замеров) – (-)10,3⁴. Средний индекс доверия губернаторам (ноябрь 2009 г. – август 2010 г., 8 замеров) – 1. Средний индекс доверия главам местных администраций (март 2010 г. – август 2010 г., 5 замеров) – (-)5⁵. Таким образом, из коллегиальных политических институтов лишь у Правительства РФ в краткосрочной ретроспективе относительно устойчивый позитивный баланс доверия.

¹ Августовские рейтинги одобрения и доверия, запомнившиеся события последнего месяца // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/23-08-2012/avgustovskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya-zapomnivshiesya-sobytiya-proshedshego-mesyats> (дата обращения 25.08.2012).

² Политические индикаторы // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/pdf/d33ind12.pdf> (дата обращения 26.08.2012).

³ Августовские рейтинги одобрения и доверия, запомнившиеся события последнего месяца // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/23-08-2012/avgustovskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya-zapomnivshiesya-sobytiya-proshedshego-mesyats> (дата обращения 25.08.2012).

⁴ Доверие институтам власти // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/pdf/d35div12.pdf> (дата обращения 10.09.2012).

⁵ Доверие институтам власти // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/pdf/d32div10.pdf> (дата обращения 25.08.2012).

Сопоставление рейтингов доверия различных государственных и общественных институтов, полученных Левада-Центром, также позволяет констатировать преобладание в сознании населения недоверия к большинству институций.

Пользуясь приведенными Левада-Центром данными, можно рассчитать индексы доверия институтам как разницу между удельным весом респондентов, считающих институт вполне заслуживающим доверия, и долей тех, кто считает, что институт совсем не заслуживает или не вполне заслуживает доверия (последние с коэффициентом 0,5). Хотя используемая в данном случае трехчастная шкала, с нашей точки зрения, не вполне корректна, поскольку включает одну позитивную и две негативных коннотации. Тем не менее, индекс доверия Президенту РФ в июне 2012 г. составил 20,5; премьер-министру – 11; Правительству РФ – (-)5,5; Совету Федерации – (-)16; Государственной Думе – (-)24; региональным органам власти – (-)21,5; местным органам власти – (-)25; полиции – (-)34; суду – (-)22,5; органам госбезопасности – (-)1; армии – 11; прокуратуре – (-)19,5; профсоюзам – (-)20,5; политическим партиям – (-)40,5; церкви, религиозным организациям – 27,5; печати, радио, телевидению – (-)16; банкам – (-)19,5; малому и среднему бизнесу – (-)14; крупному бизнесу, деловым и промышленным кругам – (-)29¹.

Устойчивость подобных показателей межличностного доверия в сочетании с низким уровнем доверия большинству политических и общественных институтов (за исключением Президента РФ, премьер-министра, церкви и, отчасти, Правительства РФ) позволяют констатировать сформированность в российском социуме своеобразной «культуры недоверия», которую можно определить, как комплекс доминирующих в общественном сознании ценностей и установок, связанных с презумпцией нечестности и ненадежности большинства участников социальных отношений (как актуальных, так и потенциальных). Помимо собственно ментальных характеристик, «культура недоверия» отражена в массовых социальных практиках, для которых характерно: невключенность в функционирование большинства публичных институтов, неразвитость социальных сетей, за исключением основанных на близкородственных связях.

Отчетливо видно, что массовое сознание россиян во многом сохраняет патриархальный характер, отказывая в доверии тем институтам, которые не несут в себе явно выраженной персоналистской либо традиционалистской направленности. Национальный лидер (лидеры), церковь и армия являются теми точками социального пространства, которые аккумулируют потенциал социального доверия в обществе, и, в определенной мере, оттягивают доверие населения от других институций.

¹ Институты власти теряют доверие граждан // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/26-06-2012/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan> (дата обращения 25.08.2012).

Украинское общество, как и российское, с начала 1990-х гг. стремительно атомизировалось. Е. Головаха и Н. Панина обозначили это состояние украинского общества как «всеобщее безумие»¹. Данные мониторинга Института социологии НАН Украины фиксируют устойчиво низкие значения показателей доверия к подавляющему большинству общественных и государственных институтов на протяжении середины 1990-х – середины 2000-х гг. Индекс доверия к семье и родственникам (рассчитанный по 5-балльной шкале) на протяжении 1994-2005 гг. варьировал от 4,4 до 4,6, к коллегам – от 3,2 до 3,5, к соседям – от 3,2 до 3,3, а к соотечественникам – от 3,1 до 3,4. Доверие к общественным и политическим институтам было еще ниже. Так, индекс доверия к церкви и духовенству (самый высокий из институциональных индексов) варьировал от 2,9 до 3,5, СМИ – от 2,7 до 3,0, профсоюзам – от 2,3 до 2,7, благотворительным фондам, гражданским ассоциациям и объединениям – 2,4, политическим партиям – от 1,9 до 2,5, банкам – от 2,1 до 2,5, армии – от 3,0 до 3,2, милиции – от 2,1 до 2,4, судам – от 2,3 до 2,4, прокуратуре – от 2,3 до 2,4, Президенту – от 2,2 до 3,4, Правительству – от 2,1 до 3,1, Верховной Раде – от 2,1 до 2,9, местным органам власти – от 2,3 до 2,7². Как видно из приведенных данных, утрата доверия затронула, прежде всего, институциональный уровень социума, в особенности – правоохранительную систему. Ее практически не затронуло улучшение динамики институционального и межличностного доверия, зафиксированное социологами в 2005 г. Достаточно ощутимый рост доверия к политическим институтам в 2005 г. был связан с эйфорией народа от «оранжевой революции» и был реакцией на преодоление застоя президентства Л. Кучмы.

Волны избирательных циклов, прежде всего, президентских существенно влияют на динамику институционального доверия. Так, по данным GFK-Ukraine, в 2009-2010 гг. уровень доверия Президенту Украины вырос в несколько раз – с 7% в 2009 г. – до 32%. Такой резкий скачок объясняется весьма просто – сменой персоналий – В. Янукович сменил В. Ющенко, исчерпавшего к 2007 г. выданный ему кредит доверия. С В. Януковичем же в начале его легислатуры были связаны массовые ожидания решения комплекса социальных проблем и стабилизации политической ситуации. Изучение среднесрочной динамики институционального доверия (по данным GFK-Ukraine, хотя, к сожалению, их инструментарий не позволяет продолжить динамические ряды Института социологии НАН) показывает, что с 2008 по 2010 гг. все показатели институционального

¹ Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев, 1994.

² Джонсон Дж, Мельников А. Экзистенциальные аспекты доверия // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. №1. С.85.

доверия выросли, причем, некоторые – весьма существенно: церкви – с 55% до 58%, армии – с 28% до 32%, Верховной Раде – с 5% до 14%, местной власти – с 15% до 19%¹.

К настоящему времени (на декабрь 2011 г., данные Центра Разумкова) ситуация с доверием общественным институтам в Украине выглядит следующим образом. Полностью доверяют общественным организациям 3,2% респондентов, скорее доверяют – 31,6%, скорее не доверяют – 31,9%, полностью не доверяют – 17,4%. Наблюдается некоторое улучшение ситуации с 2001 г., прежде всего, за счет уменьшения тех, кто полностью не доверяет общественным организациям². Полностью доверяют профсоюзам 4,7% опрошенных, скорее доверяют – 28,1%, скорее не доверяют – 28,2%, полностью не доверяют – 18,6%. Позитивная динамика с 2001 г. - за счет уменьшения доли полностью не доверяющих, а также тех, кто скорее не доверяет, и некоторого увеличения доли скорее доверяющих³. Полностью доверяют политическим партиям 2,2% респондентов, скорее доверяют – 16,3%, скорее не доверяют – 40,7%, полностью не доверяют - 32,6%. Динамика имеет ситуативный характер, но значимых изменений не фиксируется⁴. Полностью доверяют СМИ 9,0%, скорее доверяют – 57,3%, скорее не доверяют – 20,0%, полностью не доверяют 7,8%. Некоторая позитивная динамика – прежде всего, за счет тех, кто скорее доверяет СМИ⁵. Полностью доверяют церкви 30,1%, скорее доверяют – 38,8%, скорее не доверяют – 13,1%, полностью не доверяют – 7,4%. Позитивная динамика с 2001 г. – за счет уменьшения доли полностью не доверяющих⁶.

К сожалению, отсутствие более полных данных не позволяет однозначно делать выводы о том, насколько к настоящему времени изменился уровень доверия политическим институтам. Косвенное представление об этом дают лишь показатели общественной поддержки их деятельности. Так, поддержка деятельности Президента Украины, который, в силу объективных и субъективных причин, не смог удовлетворить ожидания стабилизации и улучшения социально-экономической ситуации в украинском обществе, снизилась со своего пика в марте 2010 г. – 40,9% полностью поддерживающих

¹ Украинский покупатель 2010: изменяются ли его потребительские предпочтения? // Режим доступа к изд.: http://www.gfk.com/imperia/md/content/gfkukraine/presentations/zhakholova_2011.pdf (дата обращения 08.09.2012).

² Чи довіряєте Ви громадським організаціям? (динаміка, 2001-2011) // Режим доступа к изд.: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=81 (дата обращения 08.09.2012).

³ Чи довіряєте Ви профспілкам? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=84 (дата обращения 08.09.2012).

⁴ Чи довіряєте Ви політичним партіям? (динаміка, 2001-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=82 (дата обращения 08.09.2012).

⁵ Чи довіряєте Ви ЗМІ України? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=87 (дата обращения 08.09.2012).

⁶ Чи довіряєте Ви Церкві? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=83 (дата обращения 08.09.2012).

– до 12,6% в августе 2012 г.¹. Полная поддержка деятельности Правительства с пиковых 26,6% (апрель 2010 г.) упала до 4,6% (декабрь 2011 г.)², Верховной Рады – с 19,3% (май 2010 г.) до 3,6% (декабрь 2011 г.)³, милиции – с 10,3% (октябрь 2010 г.) до 6,3% (декабрь 2011 г.)⁴. Можно предположить, что и уровень доверия к государственным институтам снижался столь же катастрофическим образом.

Таким образом, на фоне дискредитации государственных, прежде всего, политических институтов в Украине общественные институты сохраняют свои позиции. Но и в их отношении у населения преобладают негативные установки. В выгодную сторону отличаются лишь церковь и СМИ, в особенности - первая.

Сравнительный анализ социального, в том числе, институционального и политического доверия в российском и украинском общества позволяет утверждать о наличии как существенного сходства, так и некоторых отличий. Прежде всего, для обоих обществ характерен крайне небольшой «радиус доверия» (Ф. Фукуяма) – доверием наделяется, как правило, лишь непосредственное окружение индивида, более того – члены семьи и родственники. И в России, и в Украине уровень дискредитации общественных и политических институтов очень высок, хотя в обоих обществах есть институты, сохраняющие и даже увеличивающие уровень общественного доверия. Применительно к России, это, прежде всего, Президент, доверие которому, хотя и испытывает тенденцию к снижению, но остается высоким. При всех отличиях политической ситуации в России и Украине можно утверждать о том, в обоих обществах население связывает свои надежды не столько с институтами, сколько с деятельностью главы государства (а в России еще – и национального лидера). Только, в отличие от России, где к настоящему времени сформирована ситуация безальтернативности национального лидера, а степень консолидации элит более высока, в Украине рейтинг доверия Президенту испытывает резкие спады и подъемы, определяемые электоральными циклами. Доверие формируется не столько как уверенность в надежности политика, зарекомендовавшего себя соответствующим образом, и тем более – не как уверенность в прочности институциональных основ власти, сколько как надежда на то, что последующий руководитель должен оказаться лучше предыдущего. Основанием для такой надежды является фактически лишь разочарование в деятельности предыдущего Президента

¹ Чи підтримуєте Ви діяльність Президента України? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=67 (дата обращения 08.09.2012).

² Чи підтримуєте Ви діяльність Уряду України? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=75 (дата обращения 08.09.2012).

³ Чи підтримуєте Ви діяльність Верховної Ради України? (динаміка, 2000-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=68 (дата обращения 08.09.2012).

⁴ Чи підтримуєте ви діяльність органів внутрішніх справ, міліції? (динаміка, 2005-2011) // Режим доступа к изд.: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=172 (дата обращения 08.09.2012).

страны и вера в политические декларации нового главы государства. Россия уже пережила такой этап на рубеже 1990-2000-х гг. Роль национального лидера в Украине остается востребованной, но, в силу внутриэлитных конфликтов, ее реализация в настоящее время маловероятна.

Если в России потребность общественного сознания в институциональном доверии стабильно реализуется в отношении Президента, главы Правительства (пусть и в силу определенной инерции), а также армии и церкви, то в Украине наблюдается некоторый дисбаланс в сторону общественных институтов. При всей дискредитации их в целом, показатели доверия к церкви, а также к СМИ имеют высокие значения. Религиозность украинского общества выше, чем в России, конфессиональная структура является более однородной. В связи с этим православная церковь, при всех ее расколах, является реальным источником национальной идентичности. СМИ, в свою очередь, являются мощным инструментом формирования реального общественного мнения в условиях фрагментации украинской элиты. Но при этом возрастают и манипулятивные возможности СМИ.

В конечном счете, и для России, и для Украины дефицит межличностного и институционального доверия является причиной ограниченности социального капитала большей части населения. Надеяться только на себя и никому не верить - это массовый аттитюд, который крайне негативно сказывается на коллективной идентичности.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛЬШИ, РОССИИ И УКРАИНЫ

**В.В. Рябенко, студентка Института государственного и муниципального управления
Белгородского государственного национального исследовательского университета**

Главным аспектом развития отношений постсоветских государств является постоянное и поступательное объединение сил для решения стратегических и оперативных задач, а также для достижения оптимальных результатов в различных сферах жизнедеятельности человека.

Информационное пространство – совокупность технологий, их сопровождение и использование, информационных телекоммуникационных систем, функционирующих на

основе общих принципов и обеспечивающих информационное взаимодействие людей и удовлетворение их информационных потребностей. Информационное пространство является необходимой предпосылкой результативной и эффективной деятельности в сфере международных отношений, а в настоящее время и главным инструментом процесса коммуникации различных государств.

Формирование таких отношений особенно перспективно в условиях информационного общества. Информационное общество мы понимаем как современное состояние индустриально развитых стран, связанное с новой ролью информации во всех сторонах их жизнедеятельности, новым уровнем производства, переработки и распространения информации.

Информационные процессы в настоящее время проявляются абсолютно во всех областях человеческой жизнедеятельности, как на государственном, региональном, локальном уровнях, так и в области межгосударственных отношений. На данный момент ничего не препятствует государствам обмениваться между собой разного рода информацией, но условием продуктивного развития международных отношений в той или иной сфере является достоверность и точность полученной и отдаваемой информации.

Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, отмечает, что польские и российские центры диалога и согласия должны сближать славянские народы, и основным фактором должен стать человеческий¹. Таким образом, власти государств максимально идут навстречу обоюдному сотрудничеству, и правильно расставляют приоритеты, говоря о человеческом факторе как основном для преодоления коммуникационных преград.

Хочется отметить тот факт, что уже проводится комплекс мероприятий, участниками которых являются Польша, Россия и Украина. Контактный Форум «Славянская интеграция», где принимающей стороной оказался город Тамбов, дает возможность отметить, возрастающую роль НКО и общественных инициатив в межгосударственном сотрудничестве. Тамбовчане выиграли конкурс на получение малых грантов для общественных организаций по реализации совместных партнерских украинско-российских трансграничных проектов, организованный Обществом Льва (Львов, Украина), СГМОО «Педагогический клуб «Радуга» (Самара, Россия) и Фондом Образования для Демократии (Варшава, Польша). Целью Программы малых грантов «Украина - Российская Федерация» является поддержка гражданского общества в Украине и Российской Федерации путем укрепления общественных организаций, образовательных инициатив и местного самоуправления, а также улучшение обмена опытом между организациями из обеих стран. Участвовать в конкурсе на получение

¹ Коммерсантъ. Новости online. URL: <http://www.kommersant.ru/theme/290> (дата обращения: 09.09.2012).

малых грантов изъявили желание 42 организации, которые предоставили на рассмотрение экспертной комиссии свои предложения-заявки. В составе международной грантовой комиссии работали эксперты из Украины, России и Белоруссии. Автономная некоммерческая организация «Молодёжный информационный ресурс» (АНО «МИР») в сотрудничестве с общественной неприбыльной организацией «Сумской областной комитет молодежных организаций» на конкурс отправляла два проекта — Молодежная российско-украинская общественно-политическая школа «Свободные города» и Межгосударственная молодежная конференция «Youth for Youth». Оба проекта вошли в десятку победителей. Напомним, что активное сотрудничество между российско-украинскими организациями началось после проведения первого российско-украинского контактного Форума «Славянская интеграция», который прошел в Тамбове в октябре 2011 г.

На наш взгляд, для активизации процессов интеграции и сотрудничества необходимо создание общего информационного поля, которое должно решить следующие задачи:

- информирование населения о совместных проектах;
- привлечение НКО и лидеров к реализации совместных проектов;
- взаимодействие власти, бизнеса и населения для инициации и реализации проектов и программ.

Таким образом, необходимо образование единого информационного портала, который будет являться основой для взаимовыгодного сотрудничества славянских государств. В дальнейшем этот портал может стать инструментом для реализации интеграционных процессов в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В. Сапрыка, руководитель Научно-образовательного центра «Межрегионального приграничного сотрудничества» НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Д. Ткачев, начальник управления внешнеэкономических связей и международных отношений Харьковской областной государственной администрации

Функции новых российских границ становятся все более дифференцированными. Соотношение двух наиболее значимых из функций – барьерной и контактной – различается в связи с усиливающимися контрастами в политико-правовом, экономическом и культурном пространстве между отдельными странами постсоветского пространства.

Так А. Макарычев выделяет четыре модели трансграничной интеграции, в которые вовлечена Российская Федерация посредством её субъектов.

Северо-Западная модель основана на принципах регионостроительства в чистом виде.

Модель трансграничной интеграции со странами СНГ основана на доминировании геополитических императивов.

«Южная модель» трансграничного взаимодействия тоже испытывает дефицит институционального обеспечения.

«Дальневосточная модель» трансграничных обменов зиждется на том, что внешняя среда сулит большие экономические перспективы, но одновременно заставляет ставить вопрос о защитных функциях (протекционизме)¹.

В настоящее время можно отметить комплекс проблем затрудняющих внедрение моделей межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона на территории России:

- различие подходов к формированию межрегионального сотрудничества в регионах, находящихся на западной и восточной границе Российской Федерации;
- отсутствие единой методологической и методической базы при управлении социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона;
- низкий методический уровень анализа, планирования и прогнозирования влияния приграничных факторов на региональное развитие, экономический потенциал приграничных регионов;
- отсутствие системного подхода при формировании законодательной базы, отсутствие согласованности при принятии региональных и федеральных нормативно-правовых актов;
- отсутствие информационного сопровождения процессов реализации социально-экономических проектов и программ, проводимых в моделях межрегионального сотрудничества;
- отсутствие интерактивных методов включения населения в процесс реализации моделей межрегионального сотрудничества;
- отсутствие мониторинга эффективности социально-экономических программ и проектов межрегионального сотрудничества.

¹ Макарычев А. Четыре лика приграничной России: к вопросу о роли регионов в международных взаимодействиях URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/rus-regions/regions/#_ftn2.

Процессы реализации моделей межрегионального приграничного сотрудничества начались с появлением новых границ между Российской Федерацией и Украиной. Использование модели еврорегионов на территории России и Украины начинается с 2003 года, когда был создан первый российско-украинский еврорегион «Слобожанщина» с целью повышения жизненного уровня, так и необходимость экономического развития приграничных территорий¹.

Региональное приграничное сотрудничество как стратегия, способствующая политической и экономической независимости, широко поддерживается в Европе, «регионализация» и «институционализация» являются ключевыми понятиями концепции приграничного сотрудничества².

Приграничные отношения Белгородской и Харьковской областей можно охарактеризовать как определенно взаимные, заинтересованные, открытые, обусловленные историческим характером их формирования. Однако, с другой стороны, сложившиеся взаимоотношения недостаточно эффективны и совершенны, требуют усиления устойчивости и стабильности развития интеграционных процессов.

Для решения задач проведенного исследования была выбрана квотная выборка, позволяющая построить модель генеральной совокупности – населения еврорегиона «Слобожанщина»³.

Большая часть респондентов (46%) имеет личную заинтересованность в развитии приграничного сотрудничества. Это означает, что население еврорегиона «Слобожанщина» готово принимать участие в проектах и программах межрегионального приграничного сотрудничества.

Проведенное исследование показало, что проекты и программы в рамках еврорегионов во многом являются декларируемыми и не влияют на качество жизни населения. В стратегиях и программах социально-экономического развития приграничных регионов на долгосрочную перспективу, кроме выделения фактора особого пограничного географического либо геоэкономического положения, отсутствует понимание использования этого, безусловно, важного фактора для развития областей. Зачастую приграничное положение отмеченных регионов воспринимается как слабая их

¹ Информационный портал межрегионального приграничного сотрудничества <http://euroregion.ru/>

² Скотт Дж. Стимулирование кооперации: могут ли еврорегионы стать мостами коммуникации URL: www.indepsocres.spb.ru/scott_r.htm

³ Исследование «Эффективность методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона», N=500, 2011; при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» ГК№П856

составляющая. Так, граница в настоящий момент воспринимается только как барьер, не урегулированы многие экономические вопросы с Украиной, что снижает инвестиционную привлекательность.

Теоретические, количественные и качественные социологические исследования позволили сформировать следующие рекомендации для развития региональных форм социально-экономических отношений:

- целесообразно обеспечение подготовки административного персонала для разработки и реализации программ и проектов межрегионального приграничного сотрудничества;
- создание условий для функционирования постоянных офисов и центров для обеспечения деятельности еврорегионов;
- использование методов проектного управления при развитии еврорегионов;
- обеспечение поддержки местных и локальных инициатив в сфере развития еврорегионов, в том числе и финансовой;
- необходимо привлечение бизнеса и населения для реализации конкретных проектов межрегионального приграничного сотрудничества;
- необходима разработка методических основ проектирования для рабочих групп приграничного сотрудничества;
- проекты и программы необходимо освещать в региональных СМИ, а также необходимо формирование единого информационного поля для сотрудничающих регионов.

ЕВРОРЕГИОН «СЛОБОЖАНЩИНА» И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В. Синчина, студентка Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

После распада СССР возникла необходимость организации и дальнейшей активизации трансграничного сотрудничества сопредельных регионов бывших союзных республик, а ныне независимых государств. Одно из ведущих мест в подобном сотрудничестве принадлежит Харьковской и Белгородской областям, образовавшим в 2003 году еврорегион «Слобожанщина».

В самом общем виде можно выделить пять первоочередных задач, которые требуют совместного решения региональными властями сопредельных регионов Украины и России, в том числе Харьковской и Белгородской областей.

Первая задача связана с активизацией трансграничной кооперации и торговли. Хотя торговые связи Харьковщины и Белгородчины внутри СНГ почти полностью сосредоточены на России и Украине, наблюдается высокая зависимость объемов взаимной торговли от пограничных барьеров. Инновационная модель еврорегиона предусматривает увеличение прозрачности границы (на базе европейской концепции «умных границ») для легальных товарных потоков и поддержку экспортеров высокотехнологичной продукции (прежде всего машиностроения), в том числе путем создания приграничного выставочного комплекса «Экспоцентр «Слобожанщина».

Вторая задача – улучшение транспортной инфраструктуры еврорегиона. Открытие международного автомобильного пункта пропуска Гоптивка – Нехотеевка в июне 2002 года не решило вопрос ликвидации «пробок» и задержек автотранспорта. Выходом из ситуации является создание обходных транспортных маршрутов в дополнение к магистральному. Перспективным совместным проектом является строительство аэропорта на границе Белгородской и Харьковской областей.

Третья задача вытекает из отсутствия согласованной экологической политики, в том числе в части трансграничного переноса загрязнений и совместной ликвидации чрезвычайных экологических ситуаций. Прежде всего, это касается основного водного ресурса региона – Северского Донца, а также его притоков. Реализация этого проекта в рамках еврорегиона позволит внедрить единые европейские стандарты охраны окружающей среды.

Четвертая задача четко проявилась в последние годы в ситуации на рынке труда. Традиционно тесные связи промышленности, науки и образования, разорванные после развала СССР, частично восстановились, но уже на другой основе и не в прежнем объеме. Возникший разрыв в оплате труда и уровне социальной защиты (в пользу Белгородской области) определяет сегодня односторонний поток трудовой миграции в сторону России. Создание общего цивилизованного рынка труда позволит не только предотвратить развитие интеллектуальной асимметрии пограничья, но и значительно усилить человеческий потенциал еврорегиона.

Пятая задача – создание региональной маркетинговой информационной системы еврорегиона «Слобожанщина» с целью привлечения инвестиций в проекты путем применения маркетинговых инструментов для повышения известности и улучшения имиджа его территории, ориентации региональной политики на реальные потребности

рынков и возможности их предоставления еврорегионом. Актуальность этой задачи значительно возрастает в условиях экономического кризиса.

Использование сильных сторон для реализации возможностей:

1. Установление кооперационных отношений будет содействовать развитию промышленного сектора, а также развитию среднего и малого бизнеса на территории украинско-российского пограничья.

2. Значительным вкладом в развитие науки и образования обеих стран является обмен опытом в сфере образования и содействие повышению уровня квалификации специалистов учебных заведений и научных учреждений.

3. Возможность более свободного посещения соседних государств положительно скажется на развитии социально-культурных отношений.

Использование сильных сторон для преодоления угроз:

1. Развитие кооперационных связей будет содействовать созданию зоны свободной торговли Украины и России.

2. Открытие выставочного комплекса «Экспоцентр «Слобожанщина» будет способствовать упрощению таможенных барьеров.

3. Развитие социально-культурных связей будет противодействовать националистическим и шовинистским настроениям.

4. Сотрудничество в решении экологических проблем в рамках еврорегиона «Слобожанщина» будет препятствовать деградации природной среды и способствовать ликвидации последствий экологических бедствий.

Возможности для преодоления слабых сторон:

1. Привлечение инвестиций под проекты еврорегиона приведет к оживлению зон депрессии и активизации регионообразующих производств.

2. Создание дополнительных транспортных маршрутов, наряду с реконструкцией магистральных, улучшит транспортную доступность.

3. Модель еврорегиона предусматривает увеличение прозрачности границы для легальных товарных потоков.

4. Внедрение единых европейских стандартов охраны окружающей среды.

5. Содействие налаживанию экономических, образовательно-научных и культурных отношений между государствами.

6. Создание общего цивилизованного рынка труда позволит предотвратить развитие интеллектуальной асимметрии пограничья.

Угрозы проявления слабых сторон:

1. Политическая конфронтация в связи со вступлением Украины в НАТО может привести к пересмотру прежде подписанных договоренностей межгосударственного и трансграничного сотрудничества.

2. Отказ от формирования зоны свободной торговли снизит конкурентоспособность украинской продукции на рынке России.

3. Негативные последствия вступления в ВТО могут привести к закрытию предприятий и разрыву установленных кооперационных связей.

4. Бесконтрольное увеличение мигрантов может усилить криминогенность украинско-российского пограничья.

5. Несогласованность на рынке труда и в условиях социальной защиты будет усиливать миграционный поток в сторону России.

Важную роль в решении перечисленных задач может сыграть трансграничное сотрудничество на базе еврорегиона «Слобожанщина». В развитии трансграничного сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина» можно выделить следующие этапы:

1) изучение существующего состояния связей между Харьковской и Белгородской областями, в ходе которого исследуются пограничные территории, институциональные структуры обеих областей, определяются имеющиеся проблемы трансграничного сотрудничества и еще нереализованные его преимущества;

2) установление стратегии развития еврорегиона, что предусматривает определение стратегических направлений сотрудничества, которые являются важными для обеих сторон, а также конкретных территорий для общей деятельности. Этот этап требует функционирования рабочих групп по отдельным вопросам;

3) разработка и обеспечение реализации программ трансграничного развития, для чего нужно сформировать институциональную структуру еврорегиона, которая может представлять собой как имеющиеся административные институты с объединенными проектами, так и специальные трансграничные институты;

4) мониторинг и оценка программ трансграничного сотрудничества, которые осуществляются формальными органами еврорегиона.

Для активизации и повышения эффективности украинско-российского трансграничного сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина» нужно обеспечить, прежде всего, привлечение для реализации проектов достаточных финансовых ресурсов, которые могут поступить из трех основных источников:

1) инвестиции заинтересованных в сотрудничестве организаций;

2) целевое бюджетное финансирование государств - участников проектов;

3) грантовая поддержка ЕС (в частности, из Европейского фонда регионального развития).

Назрела необходимость создания Института региональных исследований и трансграничного сотрудничества (возможно, на базе уже существующих учреждений, например, Харьковского и Белгородского университетов), задача которого должна заключаться в научно-исследовательском сопровождении (разработка и обоснование проектов, оформление документов для получения финансирования) и мониторинге реализации проектов в рамках еврорегиона «Слобожанщина».

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

С.А. Тришин, магистрант Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

В современной истории России, пожалуй, вряд ли можно найти явление, которое вызывало бы столько ожесточенных споров и прямо противоположных суждений, как казачество. До сих пор нет единого мнения историков о происхождении казаков, о времени их появления на исторической арене, а также их социальном статусе (сословие, профессия, народность).

В частности, «Военно-энциклопедический словарь» определяет казачество как «привилегированное военное сословие, вольные люди, не облагавшиеся налогами, несшие военную службу в пограничных районах (городовые и сторожевые казаки). В 1916 году казачье население составляло свыше 4,4 млн. человек и располагало 63 млн. десятин земли»¹.

Русское казачество – уникальное явление в истории нашей страны, не имеющее прямых аналогов в мире, а его история своими корнями уходит в далекое прошлое. Казачество участвовало во всех войнах, которые вело наше Отечество и столетиями несло службу по охране государственных границ. Кроме того, казаки-землепроходцы (Дежнев, Атласов, Поярков, Хабаров, Москвитин и др.) своими открытиями присоединили к России огромные территории Сибири и Дальнего Востока. Исторические заслуги казачества, внесшего огромный вклад в становление нашего Отечества, несомненны.

В дореволюционной и советской историографии главенствовала теория, в соответствии с которой казачество формировалось из беглых крепостных крестьян и староверов. Однако авторы подобных утверждений не обращают внимание на то

¹Военно-энциклопедический словарь. Гл. ред. Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1984. С.310.

обстоятельство, что до 1593 года крепостного права на Руси не существовало и любой крестьянин имел право свободно уйти от помещика в Юрьев день. Церковный раскол произошел в середине XVII века. Казачество же сформировалось задолго до этих дат.

Существуют и гипотезы, что казачьи общины формировались из беглых преступников, шаек разбойников. Однако, по мнению многих современных авторов, обычные уголовники, а также люди, пострадавшие и обиженные властями России, не проявляли бы ей такую верность и готовность к самопожертвованию. Да, казачество, зародившись на основе населения степных районов Северного Причерноморья (половцы, касоги, бродники), интенсивно пополнялось извне, в основном жителями приграничья, привыкшими к условиям военного быта, а также беглецами из татарского и турецкого плена; присутствовал там и «разбойный элемент». Однако во все времена сохранялся костяк, состоявший из носителей традиций (братства, самоуправления, самоорганизации, казачьего обычного права), периодически «обраставший» новыми людьми, но обеспечивающий общность патриотических помыслов и духовное единение на основе православия.

В результате революции 1917 года и последовавших за нею глобальных социальных потрясений, казачество оказалось в числе тех сословий, на которых обрушился репрессивный аппарат государства, фактически уничтоживший эту уникальную социально-этническую общность. Лишь в 1936 году было сформировано несколько казачьих кавалерийских дивизий, а уже в годы Великой Отечественной войны на фронтах воевало 17 кавалерийских корпусов, сформированных преимущественно в регионах традиционного компактного проживания казачества и зарекомендовавших себя с наилучшей стороны. Все казачьи кавалерийские корпуса получили звания гвардейских.

Однако после окончания войны власти, вопреки ожиданиям заслуженной и полной реабилитации казачества, сделали все возможное для окончательной ликвидации его как социального явления.

Несмотря на активный процесс возрождения казачества, начавшийся в 90-е годы прошлого века, на протяжении длительного времени государственная политика в отношении казачества, несмотря на множество принимаемых, но практически невыполняемых законов и постановлений, оставалась пассивной и неэффективной. Многовековая история казачества и накопленный положительный опыт его государственной службы оставались невостребованными.

Лишь в 2005 году Государственной Думой принят Федеральный закон № 154 ФЗ «О государственной службе российского казачества»; в 2009-2010 годах Президентом России подписан ряд указов, а Правительством России приняты постановления,

регламентирующие виды и порядок прохождения службы в составе войсковых казачьих обществ. Однако в целом многие вопросы, связанные с порядком привлечения т.н. «реестровых казаков» к несению государственной и иной службы, созданием экономической базы казачества как основы его дальнейшего развития, остаются пока нерешенными.

После вступления в силу ФЗ № 154 процесс формирования казачьего движения на территории Белгородской области заметно активизировался. В целях реализации законодательства РФ о государственной службе российского казачества заместителем губернатора Белгородской области было подписано распоряжение № 67 от 22 мая 2009 года «О создании рабочей группы по делам казачества на территории Белгородской области». В соответствии с данным распоряжением, были утверждены «Положение о рабочей группе по делам казачества» и ее состав. Руководителем группы был назначен заместитель губернатора области - секретарь Совета безопасности области, его заместителем – начальник информационно-аналитического управления аппарата губернатора области. В состав группы вошли представители как федеральных органов власти: федеральный инспектор аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ЦФО, Управления Минюста РФ, Управления ФСБ РФ, Погрануправления ФСБ РФ по Белгородской и Воронежской областям, УВД по Белгородской области, Главного Управления МЧС РФ по Белгородской области, Военного комиссариата Белгородской области, так и региональных органов: управления государственным имуществом, управления физической культуры и спорта, управления лесами, управления по делам молодежи, информационно-аналитического управления, управления общего и дошкольного образования, государственной экологической инспекции.

В Положении о рабочей группе было указано, что она является совещательным органом, образованным в целях содействия реализации государственной политики в отношении российского казачества. Основными задачами группы являются:

- обеспечение взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с казачьими обществами и общественными объединениями казачества на территории области;

- анализ деятельности казачьих обществ и подготовка предложений по их привлечению к государственной и иной службе с учетом возможностей казачьих обществ и потребностей органов исполнительной власти и местного самоуправления;

- рассмотрение возможности привлечения членов казачьих обществ к поддержанию общественного порядка, охране государственной, муниципальной, общественной собственности, мероприятиям по предупреждению и ликвидации последствий

чрезвычайных ситуаций, обеспечению пожарной безопасности и гражданской обороне, охране природных ресурсов, объектов обеспечения жизнедеятельности населения, подготовка предложений по совершенствованию законодательства в указанной сфере;

- оказание необходимой помощи при заключении договоров (соглашений) органами государственной власти и органами местного самоуправления муниципальных образований области с казачьими обществами по основным направлениям деятельности.

О проделанной работе и принятых решениях руководитель рабочей группы информирует губернатора области и Комиссию Совета при Президенте РФ по делам казачества ЦФО.

Этим же распоряжением главам администраций муниципальных районов и городских округов, на территории которых осуществляют свою деятельность казачьи объединения, было рекомендовано до 1 июня 2009 года создать аналогичные рабочие группы.

В соответствии с Положением, члены рабочей группы, с периодичностью один раз в квартал, проводили свои заседания, на которых подводились итоги проделанной работы и рассматривались возникающие проблемы.

В результате совместной деятельности местных казачьих организаций, при активной поддержке органов власти, в Управлении Министерства юстиции РФ по Белгородской области были зарегистрированы:

- Белгородское городское казачье общество – 7 октября 2009 года;
- Алексеевское станичное казачье общество – 8 декабря 2009 года;
- Ровеньское станичное казачье общество – 29 декабря 2009 года;
- Ливенское хуторское казачье общество (Красногвардейский район) – 13 января 2010 года.

13 февраля 2010 года состоялся первый учредительный областной казачий Круг, на котором делегатами, представлявшими зарегистрированные к этому времени казачьи общества, было принято решение о создании Белгородского отдельского казачьего общества (БОКО) и его вхождении в состав Центрального казачьего войска (ЦКВ), объединяющего казачьи формирования Центрального федерального округа (ЦФО).

В соответствии с действующим законодательством, уставы казачьих обществ утверждаются главами муниципальных образований. Для размещения штаба БОКО предоставлено помещение из муниципального фонда администрации г. Белгорода. По согласованию с главами районов, помещения для штабов также были выделены в Алексеевке, Ровеньках и Ливенке.

В 2010 году в Управлении Минюста РФ были зарегистрированы Яковлевское станичное казачье общество, Чернянское станичное казачье общество и Томаровское хуторское казачье общество. Таким образом, в настоящее время в составе Белгородского отдельского казачьего общества Центрального казачьего войска (БОКО ЦКВ) официально действует 7 казачьих организаций: 5 станиц (в г.г. Белгороде, Алексеевке, Строителе, п. Ровеньки и п. Чернянка) и 2 хутора – в с. Ливенка Красногвардейского района и п. Томаровка Яковлевского района. Однако на самом деле их гораздо больше. В частности, образованы станичное казачье общество Белгородского района, хуторское с. Мелихово Корочанского района, Дмитровское и Ланское хуторские общества Старооскольского района. Однако они пока не зарегистрированы в установленном порядке.

Практически одновременно со становлением Белгородского отдельского казачьего общества начался процесс создания структуры общероссийской общественной организации «Союз казаков России». Так, 16 января 2010 года в Белгороде состоялся учредительный круг, на котором было принято решение о создании Белгородского казачьего отдела в составе «Союза казаков России» (БКО СКР) как добровольной, самоуправляемой общественно-патриотической и социально-культурной общины казаков. 19 мая 2010 года, на основании ФЗ РФ «Об общественных объединениях», БКО был зарегистрирован в Управлении Министерства юстиции РФ по Белгородской области. В соответствии с Уставом БКО, основными целями и задачами его деятельности являются защита государственности на основе православных ценностей, возрождение и развитие казачьих традиций, быта и культуры, военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, ее подготовка к военной и правоохранительной службе.

4 марта 2010 года заместителем губернатора Белгородской области О.Н. Полухиным был утвержден «План мероприятий по развитию движения казачества на территории Белгородской области». В Плане предусматривалось разработать и внести на утверждение Губернатора области устав Белгородского отдельского казачьего общества; разработать проект закона Белгородской области «О казачестве Белгородской области»; разработать и представить на согласование проект областной целевой программы «О возрождении, становлении и развитии казачьего движения на территории Белгородской области на 2011-2014 годы», а также, вместе с заинтересованными ведомствами и учреждениями, определить основные направления совместной работы.

В соответствии с указанным Планом, Устав Белгородского отдельского казачьего общества (БОКО) был представлен Губернатору Белгородской области Е.С. Савченко и утвержден им, после чего 6 июля 2010 года зарегистрирован Управлением Министерства юстиции РФ по Белгородской области.

В соответствии с распоряжением Президента РФ от 12 января 2009 года № 15-рп, а также рекомендациями заместителя Руководителя Администрации Президента РФ, председателя Совета при Президенте РФ по делам казачества А.Д. Беглова, 12 июля 2010 года Губернатором Белгородской области было подписано распоряжение № 426-р «О создании постоянной рабочей группы по становлению и развитию движения казачества на территории Белгородской области».

На основании указанного распоряжения полностью изменилась структура рабочей группы, которую возглавил заместитель Губернатора Белгородской области – начальник департамента кадровой политики области, а его заместителем был назначен секретарь Совета безопасности области. Дополнительно заместителем Губернатора области было подписано распоряжение № 53 от 10 октября 2010 года «Об утверждении положений и персональных составов профильных секторов постоянной рабочей группы по становлению и развитию движения казачества на территории Белгородской области».

Таким образом, нововведением, по аналогии с Советом при Президенте РФ по делам казачества, стало создание в составе рабочей группы профильных секторов:

- сектор по привлечению казачества к несению государственной и иной службы во главе с Секретарем Совета безопасности области,
- сектор по участию казачьих обществ в природоохранных мероприятиях во главе с заместителем начальника департамента АПК;
- сектор по становлению и развитию экономической базы казачьих обществ во главе с заместителем начальника департамента имущественных и земельных отношений;
- сектор по организации патриотического и духовно-нравственного воспитания казачьей молодежи во главе с начальником департамента образования, культуры и молодежной политики;
- сектор по возрождению самобытной казачьей культуры, во главе с начальником управления культуры области;
- сектор по организации правового сопровождения деятельности казачества во главе с заместителем начальника государственно-правового управления администрации Губернатора;
- сектор по информационному сопровождению деятельности казачества во главе с заместителем начальника управления информации и массовых коммуникаций администрации Губернатора.

По примеру и в соответствии с рекомендациями администрации области, аналогичные решения по созданию рабочих групп были приняты в ряде районов области. В частности, 28 июля 2010 года главой администрации Губкинского городского округа

было подписано распоряжение № 570-р «О создании постоянной рабочей группы по становлению и развитию движения казачества на территории Губкинского городского округа». Согласно данному распоряжению, на территории округа была создана постоянная рабочая группа по становлению и развитию движения казачества, утверждены Положение о группе и ее персональный состав, образованы профильные сектора.

15 сентября 2010 года главой администрации Краснояружского района также было подписано распоряжение № 786 «О создании постоянной рабочей группы по становлению и развитию движения казачества на территории Краснояружского района».

13 октября 2010 года главой администрации Волоконовского района было подписано распоряжение № 837 «О создании постоянной муниципальной рабочей группы по делам казачества на территории Волоконовского района и утверждении положений и персональных составов профильных секторов и рабочей группы».

Контроль за исполнением вышеуказанных распоряжений возложен на заместителей глав администрации районов - секретарей Советов безопасности районов.

7 февраля 2011 года, на основании распоряжения заместителя Губернатора Белгородской области № 6, были внесены изменения в распоряжение № 53 – в состав сектора по привлечению казачества к несению государственной и иной службы введен военный комиссар Белгородской области, один из руководителей УВД по Белгородской области и атаман БОКО ЦКВ Г.В. Колочко.

В состав сектора по становлению и развитию экономической базы казачьих обществ введен заместитель атамана БОКО ЦКВ. В состав сектора по организации патриотического и духовно-нравственного воспитания казачьей молодежи – заместитель атамана Белгородского казачьего отдела общероссийской общественной организации «Союз казаков России» (БКО СКР) М.В. Сенчугов и первый заместитель начальника Департамента образования, культуры и молодежной политики области И.В. Шаповалов.

В состав сектора по организации правового обеспечения деятельности казачества – атаман БКО СКР Е.И. Костюков.

В целом, основные задачи, права, формы деятельности и отчетности Рабочей группы остались неизменными, однако ее создание, а также всесторонняя поддержка Губернатором области придали новый импульс развитию казачьего движения в Белгородской области.

Таким образом, в целом можно констатировать, что, в соответствии с общим вектором развития политики государства в отношении казачества, в Белгородской области продолжается процесс возрождения и становления казачьих организаций, их привлечение к несению государственной службы, реализации уставной деятельности. Необходимо

отметить, что органами власти Белгородской области разработан и принимается ряд мер, направленных на оказание эффективной поддержки в деле возрождения и развития казачьих организаций.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: УЧЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА В УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

П.А. Черномаз, кандидат географических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Развитие межрегионального приграничного сотрудничества является одним из приоритетов Совета Европы. Его основным вкладом в определение правовых основ этого сотрудничества стала Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями (Мадридская конвенция) 1980 г. в сопровождении двух дополнительных протоколов, принятых, соответственно, 9 ноября 1995 г. и 5 мая 1998 г. Данная конвенция обязала подписавшие ее стороны поддерживать и поощрять трансграничное сотрудничество между территориальными общинами и органами власти, которые находятся под их юрисдикцией.

На самом деле эта конвенция закрепила уже существовавшую на тот момент в Европе тенденцию – появление объединений трансграничного сотрудничества, которые получили название еврорегионов по имени первой такой группировки «Euregio», возникшей в 1958 г. на границе Германии и Нидерландов. Еще до подписания конвенции, в июне 1971 г., была создана Ассоциация европейских приграничных регионов (Association of European Border Regions) с секретариатом в г. Гронау (Германия) на территории первого еврорегиона «Euregio». Эта добровольная неправительственная организация сейчас объединяет около 200 разных институциональных форм трансграничного сотрудничества в Европе, большинство из которых названы еврорегионами.

Еврорегионы образовались в пределах основных осей трансграничного сотрудничества:

– Североморско-Средиземноморской, идущей вдоль линии государственной границы между Германией, Нидерландами, Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией и Италией;

– Балтийско-Адриатической, идущей вдоль линии границы между западноевропейскими странами (Германия, Австрия, Италия) и постсоциалистическими государствами Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения);

– Балтийско-Черноморской, идущей вдоль западного рубежа бывшего СССР, охватывая Калининградскую область Российской Федерации, Польшу, Литву, Беларусь, Украину, Словакию, Венгрию, Румынию и Молдову¹.

В 1990-х годах к перечисленным трем осям прибавилась еще одна, определенная нами как Баренцево-Черноморская², которая сформировалась на границе Российской Федерации с европейскими странами – Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Беларусью и Украиной.

Как Украина, так и Россия ратифицировали Европейскую рамочную конвенцию о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями и два дополнительных протокола к ней. Таким образом, в украинско-российских отношениях появилась правовая основа для развития полноценного трансграничного сотрудничества.

В результате на границе Украины и России в пределах Баренцево-Черноморской оси сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между территориальными общинами, расположенными по обе стороны границы. В этот каркас входят еврорегионы «Днепр» (2003 г.), «Слобожанщина» (2003 г.), «Ярославна» (2007 г.) и недавно созданный «Донбасс» (2010 г.). В то же время формально основанный в 2008 г. на южных рубежах Украины Черноморский еврорегион вряд ли можно считать реальным, в том числе из-за значительной территориальной разбросанности государств многочисленных регионов-основателей (Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Сербия, Турция, Украина).

В ст. 2 Мадридской конвенции подчеркивается: «Трансграничное сотрудничество осуществляется в пределах компетенции территориальных общин или властей, определенной внутренним законодательством». Однако иногда различия в законодательствах двух соседних стран являются серьезным барьером на пути реализации заключенных соглашений. Прежде всего, это касается размежевания полномочий между органами местной и центральной власти. Кроме того, в конвенции не выработано единой правовой формы организации деятельности еврорегиона. Поэтому зачастую под маркой «еврорегион» заключались или общие соглашения о партнерстве, или создавались

¹Палеха Ю.М., Підгрушний Г.П. Перспективи формування транскордонного регіону Україна - Польща // Єврорегіон Буг: проблеми і перспективи транскордонного співробітництва. – Луцьк: Волинська облдержадміністрація, 1996. – С. 16-21.

²Черномаз П.О. Концепція регіонального маркетингу: визначення і використання // Регіон: стратегія і пріоритети. – 2001. – Т. 1.– № 1. – С. 34-41.

«сообщества за интересами», или «сообщества с правами юридического лица» и т.п. При этом отдельные еврорегионы оказались довольно «размытыми» и не всегда признавались на общеевропейском уровне, что было важно при получении финансирования из Европейского фонда регионального развития.

Необходимость выработки общепринятой дефиниции понятия «еврорегион» сегодня диктуется как процессом формирования теоретических основ трансграничного сотрудничества в рамках региональной науки, так и реальными нуждами региональной политики и политики регионального развития в европейских государствах.

Базируясь на основных положениях Мадридской конвенции, а также реалиях трансграничного сотрудничества, можно предложить следующее определение: ***еврорегион** – это форма европейского трансграничного сотрудничества между имеющими общую границу территориальными общинами или местными органами власти регионов двух или более государств, оформляемая юридически в соответствии с внутренними законодательствами этих стран и нормами международного права в виде действующего соглашения, целью которого является координация взаимных усилий и осуществление согласованных мероприятий в разных сферах жизнедеятельности для решения общих вопросов в интересах населения, проживающего на территориях этих общин по разные стороны государственной границы.*

В последнее время в сугубо практической плоскости возникла необходимость четкой и эффективной правовой основы для институционализации сотрудничества между территориальными общинами в форме еврорегионов¹. В связи с этим европейские министры, ответственные за местное и региональное самоуправление, на встрече в Валенсии 15-16 октября 2007 г. задались целью установления четких и эффективных правовых рамок для институционализированного сотрудничества и договорились создать проект 3-го Протокола к Мадридской рамочной конвенции об «объединениях еврорегионального сотрудничества» (Euroregional Co-operation Groupings – ECGs). Работы по проекту третьего протокола проводились Комитетом экспертов по трансграничному сотрудничеству (Committee of expertson transfrontierco-operation) под эгидой Европейского комитета по вопросам местной и региональной демократии (European Committeeon Local and Regiona lDemocrasy – CDLR). Новый протокол к Мадридской конвенции призван обеспечить основные положения создания и функционирования органов трансграничного и межрегионального сотрудничества и полностью соответствовать требованиям

¹ Черномаз П. Тенденции институционализации объединений еврорегионального сотрудничества и их влияние на трансграничное сотрудничество в Украине // Формування мереж Прикордонного співробітництва України: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, м. Чернівці, 12-13 травня 2011 р. – Чернівці: ЧТЕІ КНТЕУ, 2011. – С. 159-162. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5253>

Регламента № 1082/2006 Европейского парламента и Совета ЕС от 5 июля 2006 г. об «Европейских группировках территориального сотрудничества» (European grouping of territorial cooperation – EGTC). Данным регламентом определены правовые основы создания еврорегиональных групп в странах ЕС. Таким образом, третий протокол к Мадридской конвенции расширяет действие основных положений данного регламента на те страны Совета Европы, которые не входят в ЕС.

После одобрения Комитетом министров Совета Европы текст третьего протокола был открыт для подписания и ратификации 16 ноября 2009 г. в Утрехте (Нидерланды) в ходе 16-й сессии Конференции министров, ответственных за местное и региональное самоуправление.

Данный протокол уже подписали 13 стран-членов Совета Европы (Армения, Бельгия, Германия, Кипр, Литва, Люксембург, Нидерланды, Россия, Словения, Украина, Франция, Черногория, Швейцария), присоединившихся к рамочной конвенции¹.

3-й Протокол к Мадридской рамочной конвенции Украина подписала 7 ноября 2011 г. во время проведения в Киеве 17-й сессии Конференции министров, ответственных за местное и региональное самоуправление (ратифицирован Верховной Радой Украины 16 мая 2012 г.). Российская Федерация подписала его 6 июня 2012 г. в Страсбурге и сейчас готовится к ратификации.

При этом следует отметить, что этот протокол ратифицирован пока что тремя государствами: Словенией, Украиной и Швейцарией. Для вступления в силу Протокола №3 необходима его ратификация четырьмя государствами.

Протокол №3 к Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями предусматривает создание и деятельность «объединений еврорегионального сотрудничества» (ОЕС), которые имеют определенный юридический статус. Целью ОЕС является поощрение, поддержка и развитие в интересах населения трансграничного и межтерриториального сотрудничества между его членами в сферах общей компетенции и в соответствии с национальными законодательствами соответствующих государств.

В протоколе определено, что *объединение еврорегионального сотрудничества – это форма органа трансграничного сотрудничества в виде юридического лица с правом на собственный бюджет, которое подпадает под законодательство той страны-члена Совета Европы, где расположена его штаб-квартира.*

¹ Протокол №3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей [Электронный ресурс] // Официальный сайт Службы договоров Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=206&CM=1&DF=&CL=RUS>

ОЕС основывается путем заключения письменного соглашения между его членами-основателями. ОЕС могут основать территориальные общины или органы власти и другие члены, которые определены в п. 1 ст. 3 протокола. Под другими членами понимаются государства-члены Совета Европы, а также юридические лица, созданные с целью решения конкретных задач, представляющих взаимный интерес, которые не занимаются производственной или коммерческой деятельностью. Юридические лица могут быть членами ОЕС, если соблюдается хотя бы одно из следующих условий:

- 1) их деятельность финансируется преимущественно государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом;
- 2) их управление контролируется этими субъектами;
- 3) половина членов их административного, управленческого или надзорного органа назначается государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом.

При этом территориальные общины или власти имеют большинство избирательных прав в ОЕС. Также п. 1 ст. 3 протокола определено, что физические лица не могут быть членами ОЕС.

Таким образом, вступление в силу Протокола № 3 к Мадридской конвенции будет способствовать принятию членами Совета Европы соответствующих национальных законов по обеспечению эффективной деятельности ОЕС.

Учет данного европейского опыта в украинско-российском сотрудничестве приведет к уточнению юридического статуса уже существующих еврорегионов, прежде всего, с целью эффективной организации финансирования и реализации совместных проектов¹. Это означает, что, кроме подписания соглашений о создании еврорегионов на уровне органов региональной власти и местного самоуправления, возникнет необходимость создания ОЕС в виде юридических лиц с соблюдением вышеперечисленных условий протокола.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?

Шаповалова И.С., доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом НИУ «БелГУ»

¹ Черномаз П.А. Институциональные перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества в контексте третьего протокола к Мадридской конвенции // Українсько-російське порубіжжя: стан та перспектив іспівробітництва: Матеріали науково-практичної конференції 16 квітня 2011 р. – Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2010. – С. 111-114. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5249>

В последнее время фраза «сотрудничество и интеграция приграничных регионов» стала обыденным сопровождением не только международных собраний, но и внутрирегиональных и даже муниципальных встреч политиков и ученых. Превращенное в клише, данное понятие уже не позволяет различить заложенные в нем две разные смысловые единицы, представляя нам любое мелкое событие взаимодействия двух приграничных регионов как факт «сотрудничества и интеграции». На наш взгляд, такое радужное представление о ситуации ведет к самообману и созданию предпосылок для иллюзорного восприятия действительности.

Существует необходимость разделить процессы интеграции и сотрудничества и разобрать показатели их эффективности.

Интеграция может обозначать три взаимосвязанных понятия –экономическую, социальную интеграцию и интеграцию государственных институтов.

Высокая степень экономической и социальной интеграции обычно обусловлена наличием высокоинтегрированных государственных институтов, которые регулируют и облегчают трансграничные связи.

Сотрудничество, напротив, означает более неформальное взаимодействие между странами и сравнительно низкий уровень институциональной интеграции, обычно связанный со слабой интеграцией различных видов деятельности.

Сотрудничество предполагает менее обязывающие и, следовательно, менее предсказуемые и менее надежные договоренности между партнерами, что, с другой стороны, позволяет им идти на меньшие уступки в области национального суверенитета и свободы действий¹.

Вслед за Р. Кохэном² многие ученые сегодня понимают *сотрудничество* как ситуацию, «когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других, через процесс взаимной координации политик». Другими словами, межгосударственное *сотрудничество* предполагает наличие трех элементов: общих целей государств-партнеров, ожидание ими выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод. «Каждый актор не обязательно помогает другому, но делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик». Еще одним важным достижением последних исследований в области межгосударственного *сотрудничества* стала разработка гипотез

¹ Доклад о человеческом развитии в Центр.Азии. http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=937:-1-----&catid=96:2012-04-02-12-13-29. (дата обращения 20.09.12)

² Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 152-167.

относительно условий, при которых *сотрудничество* между государствами становится наиболее вероятным. Х. Милнер выделяет и анализирует шесть таких гипотез. Во-первых, это «гипотеза взаимности», основным содержанием которой является ожидание государствами выгод от *сотрудничества* и опасение потерь и даже наказаний в случае уклонения от него. Во-вторых, это «гипотеза о количестве акторов», с точки зрения которой перспективы *сотрудничества* возрастают с уменьшением числа взаимодействующих государств. В-третьих, это «гипотеза итерации», исходя из которой возможности вступления государств на путь *сотрудничества* связаны с длительностью их взаимодействия. В-четвертых, это «гипотеза о *международных* режимах», т.е. о нормах, принципах и процедурах принятия решений, совокупность которых представляет собой центры межгосударственного *сотрудничества*. В-пятых, это «гипотеза эпистемических сообществ», описывающая ту роль, которую играют в развитии межгосударственного сотрудничества профессиональные эксперты, разделяющие общее понимание проблемы и вырабатывающие общие пути ее решения. Наконец, в-шестых, это «гипотеза асимметрии силы», которая имеет сходство с так называемой гегемонической теорией стабильности и с позиций которой сотрудничество является более вероятным, если в наличии имеется сильное и заинтересованное государство – гегемон¹.

Даже краткое изложение основ международного сотрудничества дают нам возможность сделать вывод, что в ситуации наличия процессов взаимного расположения и взаимодействия приграничных регионов мы имеем дело именно с сотрудничеством, а если сказать честно – с попытками сотрудничества, с поиском его путей. На данном этапе развития международных отношений приграничных регионов невозможно говорить о наличии процесса интеграции (исключение составляют частные случаи в отдельных областях).

Называя вещи своими именами – на данном этапе мы работаем над развитием международного сотрудничества, но обозначаем своей целью интеграцию приграничных регионов, а в последствие и международную интеграцию как минимум стран постсоветского лагеря.

Что представляет собой такая глобальная цель? Прежде всего, это достижение такого результата как экономическая интеграция.

¹ Цыганков П.А.. Международные отношения. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/mejdunarodnoe-sotrudnichestvo1054.html>. (дата обращения 20.09.12)

Международная экономическая интеграция – это объективный, осознанный и направляемый процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных хозяйственных систем, обладающих потенциалом саморегулирования и саморазвития.

Исходным пунктом интеграции являются прямые международные экономические (производственные, научно-технические, технологические) связи на уровне первичных субъектов экономической жизни, которые, развиваясь и вглубь и вширь, обеспечивают постепенное сращивание национальных хозяйств на базисном уровне. За этим неизбежно следует взаимоприспособление государственных экономических, правовых, фискальных, социальных и прочих систем, вплоть до определенного сращивания управленческих структур.

Основные цели такой интеграции:

Интегрирующиеся страны рассчитывают повысить эффективность функционирования национальных экономик за счет ряда факторов, возникающих в ходе развития регионального международного обобществления производства, а также:

использовать преимущества «экономики масштаба»;

сократить транзакционные издержки;

создать благоприятную внешнеполитическую среду, стабильную обстановку;

решить задачи торговой политики;

содействовать структурной перестройке экономике, ускорить темпы ее роста.

Предпосылки развития международной экономической интеграции:

сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран;

территориальная близость государств;

общность экономических и других проблем;

демонстрационный эффект.

На постсоветском пространстве существует стремление к внедрению тех форм интеграции, которые хорошо зарекомендовали себя в странах ЕС. В настоящее время существуют следующие формы региональной экономической интеграции¹:

- Зона свободной торговли (ЗСТ);
- Таможенный союз (ТС);
- Единый или общий рынок (ОР);
- Экономический союз (ЭС);
- Экономический и валютный союз (ЭВС).

¹ Понятие, типы и виды интеграции (глобальная и региональная, вертикальная и горизонтальная). Интеграция и дезинтеграция. URL: <http://www.sakharov.ru/meo/meo2/86.htm>. (дата обращения 20.09.12)

Хочется обратить внимание на то, что во всех выше приведенных примерах речь идет только об экономической интеграции – на наш взгляд это наиболее простой, и примитивный вид международной интеграции, идущий сразу за такой формой как сотрудничество.

Помимо данного вида, интеграция возможна в области связей в сфере природных ресурсов (водных, энергетических и экологических); в области национальной безопасности (в т. ч. терроризм, торговля оружием и наркотиками и исламские военизированные группировки), миграции, образовании, здравоохранении, по вопросам подготовки к противостоянию стихийным бедствиям, гендерным вопросам и управление.

Нельзя забывать и о высшей форме интеграции – объединение знаний, интеллекта, научных достижений во имя общечеловеческих ценностей и цивилизационных интересов. Даже трудно себе представить, когда Россия подойдет к этому пику интеграции, проводя экстраполяцию из текущего состояния интеграционных процессов.

Из выше сказанного можно сделать следующий вывод: на данном этапе взаимодействия приграничных регионов можно вести речь о сотрудничестве, его формах, эффективности и развитии, посредством нахождения взаимовыгодных ситуаций. Мы можем говорить о стремлении к интеграции, посредством обеспечения условий для возникновения в приграничном пространстве очагов экономических интегративных процессов. Но целью своей необходимо обозначать все-таки социальную и политическую интеграцию, как высшую форму объединения государств в мировом пространстве.